

К. СЕРГИЕНКО

КЕЕС
АДМИРАЛ
ТЮЛЬПАНОВ

Издательство
"Детская
литература"

ГОЛЛАНДИЯ • 1574

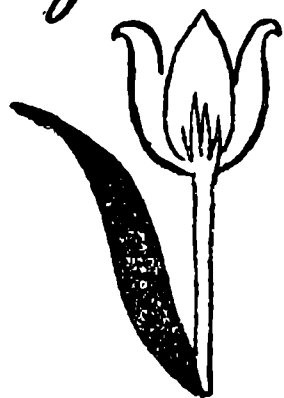

К. С Е Р Г И Е Н К О

КЕЕС

АДМИРАЛ ТЮЛЬПАНОВ

ОПАСНЫЕ И ЗАБАВНЫЕ
приключения
ЮНОГО ЛЕЙДЕНЦА.
А ТАКЖЕ ЕГО ДРУЗЕЙ,
РАССКАЗАННЫЕ ИМ САМИМ
*без хвастовства
и утайки*

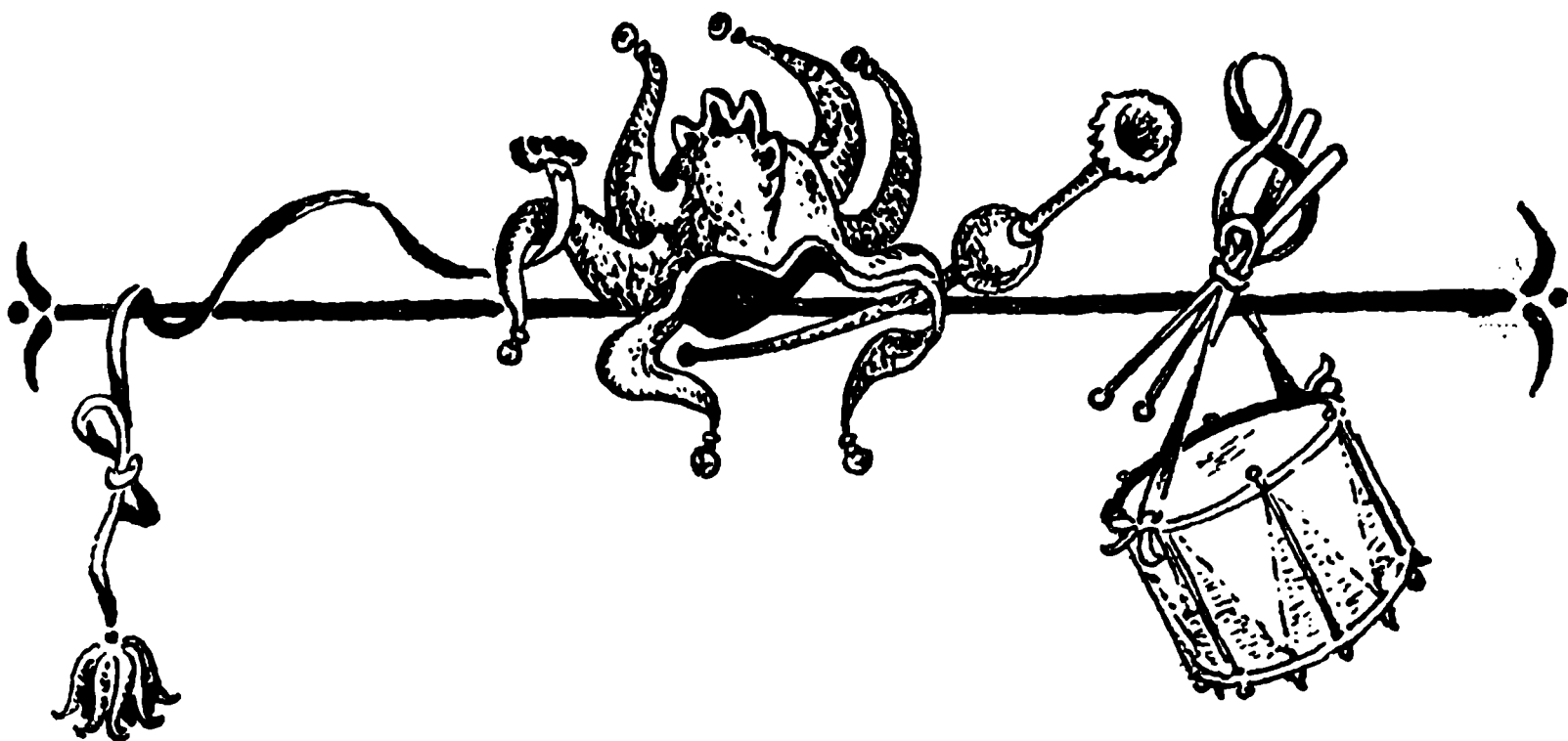
Москва
„Детская литература“
1980

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Повесть об одном из самых драматических эпизодов нидерландской революции XVI века, об осаде Лейдена испанцами в 1574 году. Автор ведет рассказ от лица героя повести, двенадцатилетнего мальчика Кéеса, участника всех описываемых событий. Запутанная интрига и элементы детектива в повести, необыкновенные приключения Кееса и его друзей, неожиданные повороты повествования — все это делает книгу живой и интересной.

Рисунки Л. Дурасова

С 70803—440 359—80
М101(03)80

ГУДЕН ДАГ — ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Тирли-тарли-тирилет,
начинать мне или нет?

Отец мне всегда говорил: «Поменьше болтай, сразу приступай к делу». Но тут уж такая длинная история, что заранее пересыхает в горле.

Подождите, отдохну,
а потом уже начну.

Это уже мать говорила: «Если коленки дрожат, лучше присядь да соберись с духом».

Ну так вот, один чудака
написал вам кое-как
про свое житье-бытье,
и не только про свое.
Почитайте, полистайте,
за окошко не бросайте.
Лари-дари-ларидас,
Начинается рассказ!

А еще мне говорили так: «Если уж рот раскрыл, то сначала поздоровайся». Так я и сделаю.

Здравствуйте все, кому не лень читать книжки! А кому лень — тоже здравствуйте, потому что, хоть вы и заснули на

первой странице, я все равно вам приснюсь и так ущипну, что вы подскочите до потолка и закричите «мама!».

Так что не будем тянуть время, давайте знакомиться.

Я Кéес Адмирал Тюльпанов, и вы обо мне слышали. А если не слышали, значит, уши у вас заложило, когда дул ветер с моря.

А может, Як Фрост — январский морозец, забрался к вам в нос и вы так расчихались, что не услышите даже пушку? А может, вас кто-нибудь вывалял в снегу и вы простудились? Или провалились в прорубь, когда катались на коньках? Во всяком случае, не надо лить слезы, как девчонка. Я тоже проваливался, а толстый Михиелькин даже два раза, потому что он очень тяжелый.

А вы любите кататься на коньках? Есть быстрые конечки фрисландские, прямые, с носами, похожими на голубиный клюв, а есть верткие конечки голландские, загнутые, как пороссячий хвостик. Есть деревянные и железные, есть даже из рыбьей кости, а говорят, бывают серебряные с золотыми пряжками.

Так любите вы кататься на коньках? У нас в Голландии все катаются. Выйдешь из дома, и прямо перед тобой лед — это канал замерз. Можешь ехать куда захочешь, потому что на другой улице тоже канал или канавка. Не знаю, как у вас, а в наших краях любой малыш сначала встает на коньки, а потом уж на ноги. Даже поговорка есть такая.

Так вы говорите, что обо мне не слышали? Продуйте уши. Повторяю, я Кеес Адмирал Тюльпанов, и не про коньки вам тут собрался рассказывать. Потому что, если бы в коньках дело, не стал бы я разговаривать. Становитесь рядом, и бежим до той мельницы — кто первый. Думаю, пришлось бы вам туго.

Так что с коньками все ясно.

Еще могу с вами поплавать наперегонки или побороться. Посмотрим, чего вы стоите. Можно бросать ракушки — кто дальше или погонять мячик из старой тряпки. А могу сочинить про вас песенку, так что будете хохотать до упаду или, наоборот, надуетесь, это кому как нравится.

Люблю сочинять разные песенки. Про многих я сочинил и даже чуть не пострадал, когда за мной погнался испанский солдат. Он просто посинел от злости, когда я спел:

А где твой Филипп —
испанский король?

Бим-бам, траля-ля-ля!
Штаны его съела моль,
а крысы съедят короля!

Сначала он кинул в меня пивной кружкой, а потом вскочил, чтобы догнать, но сразу растянулся, потому что я связал его шнурки, когда собирал под столом кости для собаки. Ха-ха! Разве я стал бы петь просто так? Плохо вы меня знаете! Я и в мушкет ему насыпал песку, это на тот случай, если захочется пострелять.

Просто удивительно, что вы обо мне не слышали. Я понимаю еще взрослых, у которых своих дел по горло. Какой-нибудь трактирщик с брюхом на две рубахи или тощий монах, которого моль съела. Но нам-то с вами всего второй десяток и в ушах еще не набилась солома!

А может, вы вообще ничего не слышали, какие тут дела творятся в нашей стране? Как испанцы грозились сжечь Нидерланды, а нас всех отправить на небеса за то, что мы не хотим подчиняться ни их королю, ни их вере?

Многих они убили, сожгли и повесили. У нас в Лейдене столько я видел костров, что уже издали по запаху различал, что жгут человека. А в Хаарлеме, где жил мой дядя Гейберт, всех перерезали, даже вода в каналах стала красной от крови.

И вот мы восстали. Впереди всех были гёзы. Если вы не сильны в голландском, то я объясню. Гёзы — это значит оборванцы, так называли противников короля. Были среди них и бедные и побогаче, но все ненавидели Филиппа и его инквизицию.

Отчаянные, скажу я вам, люди эти гезы. Воюют они и на суше и на море. Нож в зубы — и вплавь за испанцем. Да здравствует гез!

Мы гнали испанцев из всех провинций — Зеландии, Фландрии, Брабанта, Фрисландии, Голландии — Южной и Северной, чтоб все Нидерланды жили свободно. Но было это не просто. Они вернулись и осадили многие города. А наш Лейден пытались взять дважды. Но вы все это, наверное, знаете? Зря я вам только рассказываю.

А если знаете, значит, и обо мне слышали. Потому что про меня даже в книге написано. Она у меня есть, эта книжка, в кожаном переплете с медной застежкой, которая блестит, как золото, если почистить мелом. Заглавие у нее длинное, даже не выговоришь, а написал ее ученый-хронист господин Ян Фрейтерс.

Я вам сначала одно местечко прочитаю, вот тут в самом конце, где рассказано про последний день осады:

«Когда 3 октября 1574 года занялся мгlistый рассвет, и в Лейдене и в войсках, шедших на помощь, воцарилось тревожное угрюмое ожидание. Осажденные думали, что испанцы готовы к штурму через рухнувшую ночью стену. Шедшие на помощь были уверены, что испанцы уже взяли город, подтверждением тому в их глазах был ночной грохот и зиявший утром провал в стене. Внезапно увидели, как на бастионе форта Ламмен показался мальчик и, сняв шляпу, стал размахивать ею...»

Ага! Это и был я! Все меня видели, да не все знают, как было дело. Когда господин Фрейтерс приехал в Лейден собирать рассказы про осаду, сказали ему и про меня. Хорошо еще, застал меня в городе, а то я уже собирался в Амстердам устраиваться юнгой на корабль. Поговорили мы с этим хронистом. Особенно я не привирал и старался говорить правду, но он только чесал пером за ухом и бормотал:

— Уж больно ты хвастаешь, Кеес. Можно подумать, что ты один освободил Лейден.

Я ему сказал, что, когда вру, мухи дохнут, а у него вон целых три на лысине и все живые. Но он и тогда не поверил, а когда написал свою книгу, оказалось, что в ней про меня всего несколько строчек.

До чего же чудные эти хронисты! Про какого-нибудь маршала или графа напишут разные небылицы, а простому человеку лишней буковки жалко. Нам же, мальчишкам, совсем не верят!

Вот я и решил рассказать кое-что из того, чему не поверил господин Ян Фрейтерс. Пусть он, как раньше, чешет за ухом. Вы-то лучше меня поймете. Тридцать три якоря в бок, если что-нибудь совру! Ну если только самую чуточку... Знаете, ведь иногда язык просто сам собой начинает загибаться не в ту сторону. Но обещаю: если замечу за собой, обязательно сам поправлюсь. Но в общем-то, вся эта история — чистая правда.

Я Кеес Схаак из Лейдена, с улицы Солнечная Сторона. Кеес Адмирал Тюльпанов. Я много вам расскажу, грустного и веселого. Слушайте да не засыпайте.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
К БОЮ, ТЮЛЬПАНЫ!

ЗНАМЕНИТЫЙ ГОРБУН КАРАКОЛЬ

В шестом часу утра я был уже на ногах. Подмел у дома, пучок соломы, потерянный на дороге, отнес на кухню, зимой пригодится.

Погрелся на солнышке, съел черствый роггерброд, большой кусок ржаного хлеба, и побежал к Михиелькину.

Сегодня воскресенье, значит, не надо идти к Слимброку, не надо весь день щипать овечьи шкуры. Правда, и есть будет нечего. Слимброк дает за работу один роггерброд и кусок вяленой рыбы. Ну ничего, есть у меня еще ячменный сухарь и кувшин отличной воды из городского колодца.

Зато воскресенье, и солнышко светит, как по заказу.

А Михиелькин, наверное, спит. Любит поспать Михиелькин. Неделю назад, в праздник росы, когда проспавших восход стегали зелеными ветками, здорово ему досталось.

— Вставай, Михиелькин! Вставай, соня! — закричал я, — Идут тебя бить дубовыми палками!

Михиелькин поворочался, что-то свалил и забурчал:

— Кончились ваши дурацкие праздники. Дайте поспать.

— Вставай, Михиелькин! — закричал я. — Разве не зна-

ешь, что на площадь приехал горбун с медведем и сейчас будет представление!

— А? — сказал Михиелькин и зевнул. — Тогда ладно. Теперь я разбужу Боолкин.

Боолкин, сестра Михиелькина, любит поспать не меньше его.

И вот мы втроем бежим по улице.

На площади перед Питерскерком, собором святого Питера, стоит маленький желтый фургон, запряженный собакой, такой огромной, лохматой, каких я не видел. Тут же сидит облезлый медведь и трет себя лапой. Из фургона выглядывает девочка в розовом платье. Рядом расхаживает маленький человечек с горбом. На нем фиолетовые штаны и дурацкий колпак.

— Почтенные горожане! — кричит он писклявым голосом. — Ду-ду-ду! — Это он дует в дудку. — Храбрые жители славного Лейдена! Послушайте историю знаменитого горбуна Караколя из деревни Водрез возле Бинша!

— Это ты-то знаменитый? — спрашивают из толпы.

— А почему бы и нет? Конечно, я! Разве вы не слышали о городе Бинше?

— Это где-то во Фландрии.

— А раз вы слышали о городе Бинше, значит, слышали о Караколе — горбатом метельщике, который победил великана Голиафа и спас принцессу Эглантину!

— Так ты метельщик? — спрашивают из толпы. — Где же твои метлы и веники?

— Да, я метельщик! — закричал горбун. — Я продавал веники и жил этим, пока не отправился путешествовать. Но дело не в этом! Я победил самого Голиафа. У него было восемь голов, неужели не слышали? Сначала я отрубил ему одну голову — рраз! Потом другую...

— Не знаем мы никаких великанов! — закричали в толпе. — Да еще с головами!

— Да ну? — удивился горбун. — Я путешествовал целых два года. Я был в Зеландии, где воды больше, чем земли, и в Лимбурге, где, наоборот, горы. Я объездил Гёльдерланд и Фрисландию. Я был в Гронингене и Дренте, не говоря уже о Фландрии, где родился. И везде есть великаны. Но вот я приезжаю в Южную Голландию, в славный город Лейден, победивший испанцев, и мне говорят, что не слышали о великанах. Разве они у вас не встречаются?

— Нет, не встречаются, — сказали в толпе. — В соседних

провинциях, может, и есть, но к нам они не заходят. Может быть, Дирк Корнелисзон великан? Он ростом с полмачты. Или его дочка Роза? Она весит больше коровы, а ее башмаки, как футляр от скрипки. Может, они великаны?

— А сколько у них голов? — спросил горбун Караколь.

— По одной голове у Дирка и Розы.

— Нет. — Караколь щелкнул пальцами. — Это не великаны. У моего Голиафа было десять голов. Есть еще великан Гайян. У него тоже одна голова, но он выше любой горы. А есть Каменный человек, его не пробивает пуля. Я говорю правду.

— Всякое бывает, — сказал кузнец Сметсе Смее.

— И старый Помпилиус может это подтвердить! — закричал Караколь. — Встань, славный медведь, подтверди мои слова!

Медведь встал, поклонился и приложил лапу к груди.

— Помпилиус никогда не врет! — сказал Караколь. — Не пожалейте монету для старого Помпилиуса!

— Монету надо заработать, — сказали сзади, и я узнал голос Слимброка, моего хозяина.

Брр, я даже поежился! До чего надоел мне этот Слимброк. Не отдохнешь от него даже в воскресенье.

— За что же ему монету? — спросил Слимброк.

— За то, что он хорошо пляшет и говорит правду, — сказал Караколь.

Слимброк усмехнулся:

— Ну, пляшет — еще куда ни шло. А уж с правдой совсем плохо. Какая же правда, если ты врешь, а он подтверждает?

— Что-о? — У Караколя даже глаза округлились. — Я вру?

— Вот-вот, — сказал Слимброк. — Сначала сказал, что у твоего Голиафа было восемь голов, а потом — десять. Так сколько у него было голов? Может, одна?

Караколь обиделся. Во всяком случае, у него был такой вид. Он даже руки заложил за спину и выставил ногу в фиолетовом чулке. Он сложил губы трубочкой и гордо сказал:

— Сколько ни было, я все отрубил.

— Обманщик ты, — сказал Слимброк. — Не было никакого Голиафа, я-то уж знаю.

Караколь совсем обиделся. Он подошел к Слимброку и, глядя на него снизу вверх, спросил:

— А ты все знаешь, почтенный горожанин?

— Да уж побольше тебя, — ответил Слимброк.

— Тогда скажи мне, кто отдыхает в деревне Лиссе, что в трех часах ходьбы от твоего дома?

Слимброк даже поперхнулся:

— В деревне Лиссе? — Мне показалось, что он растерялся. — В деревне Лиссе? — Глаза его остановились на девочке в розовом платье. — Что это на ней за платье?

— Какое платье? — Караколь удивился.

— Это платье моей дочери! — закричал Слимброк. — Они его украли!

— Побойся бога, — сказал Караколь. — Это платье я купил еще два года назад в Эйдаме.

— Воры! — кричал Слимброк. — Воры! Украли платье!..
Девочка убежала за фургон, а Слимброк схватил Караколя за пояс. Но в это время большая собака рванулась вместе с фургоном и с рыком ударила грудью. Слимброк взмахнул руками и полетел прямо в канаву.

— На помощь! — закричал он. — Эй, ребята!..

По мосту бежали с палками его работники.

— Смывались бы вы отсюда, — сказал Сметсе Смее. — Не могу за вас заступиться, потому что должен Слимброк десяти флоринов.

— Еще два года назад, в Эйдаме... — бормотал Караколь, бегая вокруг фургона. — Такое старенькое...

— Ему от жадности померещилось, — сказал Сметсе Смее.

— Лучше бегите, — сказали в толпе. — Работники у него крепкие.

— Куда же бежать? — спросил испуганный Караколь.

Девочка стояла у фургона, и по щекам катились слезы. Тогда я решился:

— Бегите за мной, я покажу, где спрятаться.

— Бегите за нами, — сказали Боолкин и Михиелькин.

Пока Слимброк вылезал из канавы, мы уже мчались по переулку. Обогнули церковь святой Марии, сделали зигзаг и выскочили на Господскую улицу. Пыхтел медведь Помпилиус, скрипели колеса, собака бежала высунув язык, а девочка в розовом платье держалась за край повозки, так и не выпуская из рук барабана.

— Я мог бы не удирать, — ворчал на ходу Караколь. — Помпилиус умеет постоять за друзей. Но что будет со мной, если он прихлопнет доброго горожанина, как муху?

По переулку мы бежали на Новую улицу, повернули, и вот мы уже на улице Солнечная Сторона.

— Это мой дом, — сказал я. — Въезжайте во двор.

— А что скажут твои родители, добрый мальчик? Мне и заплатить-то им будет нечем.

— Нет у меня родителей, — сказал я.

КТО ОТДЫХАЕТ В ДЕРЕВНЕ ЛИССЕ

Да, вот такая история. Живу я один с самой зимы. Отец мой исчез три года назад. Мне шел десятый год. Наверное, он утонул. Случилось тогда страшное наводнение. Дул сильный

зюйд-вест. Море вспучилось и пошло на землю. Лопнули все плотины, хоть и держались на дубовых сваях, железных цепях и больших камнях. Только последняя, которую вода никогда не трогала, выстояла, а то бы совсем конец. «Соня» зовут эту плотину. Но «Соня» не проспала свой час.

Я кое-что помню. Сидим мы с матерью на какой-то крыше. Держимся за флюгер. Вокруг одно море. Торчат только трубы, шпицы соборов да кой-какие деревья. И в этом море пропал мой отец. Поплыл на лодке подбирать живых и не вернулся.

Говорят, снесло целые деревни. Они оказывались в другом месте, за много километров. Холодный был месяц ноябрь, волчий месяц.

Погибло сто тысяч народу. И среди всех мой отец, корабельный плотник Питер Схаак из Лейдена с улицы Солнечная Сторона.

Собрала моя мать все инструменты, положила в ящик. Сказала, что подождут меня. Что срублю я такой корабль, какого не успел отец.

Продали мы дом, хороший дом под черепичной крышей, и переехали в другой, под деревянной, на той же улице.

Когда в городе появился Слимброк, мать стала работать на него, щипала шерсть с овечьих и бараньих шкур. Слимброк разбогател сразу, потому что знал секрет голубой краски. До этого в городе не было голубого сукна. Стал и я помогать матери. Слимброк платил нам два штивера в день, на это не очень-то разживешься.

А осенью пришли испанцы. Они потребовали, чтобы Лейден сдался на милость короля Филиппа. Знаем мы эту милость. Вот так же они обещали милость Хаарлему и Наардену, а потом никого не оставили там в живых. Мы ответили испанцам пушками.

Четыре месяца они стояли у наших стен, но только прибавили своих могил вокруг города. Были и у нас убитые, а мать моя умерла от простуды и плохой пищи, когда уже пригревало солнце. Видел еще я свою тетку Марию. После осады Хаарлема она пришла рассказать, как убили дядю Гейберта. Тетка собиралась устроиться в деревушке Кронестей, что против Коровьих ворот, но после зимней осады тоже куда-то исчезла, может, убили и ее.

Так я остался один — ни матери, ни отца, ни родственников. Да и вокруг мало радости. Покажите мне дом, где семья в сборе. Кто пропал в наводнении, кого сожгли на площади,

кто погиб в сражении, а кто умер дома от голода. Совсем невеселые времена.

Испанцев мы отогнали и думали, что пора налаживать жизнь: делать наше доброе лейденское сукно, варить крепкое пиво, продавать острый сыр с тмином, не вспоминать ни Филиппа, ни саму Испанию.

Слимброк теперь не давал мне денег, а только хлеб и рыбу. Целый апрель налаживал я хозяйство. Правда, Боолкин и Михиелькин мне помогали. Отца у них тоже ведь не было. Я вычистил двор и собрал на зиму коряги и щепки. Михиелькин принес большой кусок торфа, можно согреть в котелке воду.

В общем, не очень я унывал, хоть иногда и плакал в пустом доме. Но об этом никто не знает. И Караколь, которому я все рассказал, тоже не знает про мои слезы.

И вот мы сидим в нашем маленьком садике позади дома.

Караколь встал и громко сказал:

— Корнелис Схаак!

Я тоже встал.

— Корнелис Схаак! — сказал Караколь и так хлопнул меня по плечу, что я опять чуть не сел. — Корнелис Схаак, ты настоящий мужчина!.. Знакомься, Кеес. Это Помпилиус, ты уже знаешь. Родом из лесов Мюнстерланда.

Помпилиус ворчал и ловил на носу муху.

— А это Пьер из далекого монастыря Сен-Бернар. Нет собаки, которая его одолеет, а может, он побьет и кабана. Пьер, поздоровайся с Кеесом и его друзьями.

Пьер дал мне огромную лапу и осмотрел с ног до головы, как будто прикидывал, стоит ли со мной дружить. Нет, такой собаки я точно никогда не видел. Боолкин и Михиелькин тоже поздоровались с Пьером.

— А это наша барабанщица Эле, славная девочка, которую мы встретили у города Эйдама.

— Здравствуйте, фреле, — сказал я девочке.

Она покраснела и что-то прошептала.

— Эле говорит, что она не фреле, — сказал Караколь. — Ты делаешь ей честь, считая, что она из богатой семьи. Но ты ошибаешься, дорогой Кеес. — Тут он понизил голос: — Ее родители значительно выше по происхождению, чем ты думаешь. Значительно выше! — повторил он важно и поднял палец. — Может, ты думаешь, что она дочь барона или графа? — Караколь выставил ногу, как на площади, и стал

размахивать руками. — Или какого-то принца, может быть даже короля, владеющего целыми землями? Фи! Значительно выше, значительно!

Щеки у Караколя порозовели, глаза прямо сверкали. А я думал: кто же бывает выше короля? Может быть, император или китайский богдыхан?

Девочка Эле стояла с опущенной головой. Она откинула рукой светлые волосы и закусил губу. Ничего себе девочка.

На соседней улице живет Таннекен, которой я подарил ракушку, но с Эле ее не сравнишь. Так и хочется дернуть за волосы или подставить ножку. Когда я вижу такую девочку, у меня просто какой-то зуд начинается, и я способен на всякие проделки.

Но у нее, оказывается, богатые родители. Не очень-то, значит, дернешь за волосы.

Один раз я подшутил над дочкой лавочника, сунул ей за пазуху живую лягушку. Так после этого хозяйский приказчик три дня дергал меня за уши, чуть было не оторвал совсем.

А почему же эта богатая девочка ездит в старом фургоне? Почему у нее нет слуги, а всего только старое розовое платье, даже без передника?

— Но это тайна! — шепотом объявил Караколь. — Да, да! Не слишком-то я вам расскажу. И Эле вам не расскажет тоже, потому что умеет молчать, или, вернее сказать, не умеет разговаривать.

— Она немая? — спросил Михиелькин и шмыгнул носом.

— Девочка, может, немая, — сказала Боолкин.

— Те-те-те! — воскликнул Караколь. — Не такая уж и немая! Просто не хочет разговаривать по-нашенски.

— А как же еще? — спросил Михиелькин.

— Ого! — сказал Караколь. — Вот тут-то и кроется тайна! Но, чувствую я, придется мне рассказать. До чего любопытные ребята! Ну ладно, бим-бамс! Вы, конечно, знаете про город Эйдам?

— Знаем, — сказал я. — Туда отец ходил на заработки.

— А что вы знаете про город Эйдам?

— Там вкусный сыр с красной коркой, — сказал Михиелькин.

Боолкин подумала и сказала:

— Там живет человек с бородой до пола.

А я сказал, что там строят большие корабли.

— Все это мелочи! — объявил Караколь. — Разве в Лейдене нет сыра? Пусть с желтой коркой. А человек с бородой — что за невидаль! Только мешается под ногами. Да и корабли, где их только не строят — и в Амстердаме, и в Гоорне, и в Зандаме. Нет, вы мне скажите такое, чего нет ни в одном городе!

— Там нашли русалку с хвостом, — сказал Михиелькин.

— Вот! То самое! А что вы знаете про эту русалку?

— Нашли, и все, — сказала Боолкин.

— А что еще?

Мы сказали, что больше не знаем.

Караколь сделал три шажка в одну сторону, три в другую и сообщил с таинственным видом, что расскажет подробности о русалке.

— Так вот... После весеннего наводнения, когда вода уже схлынула, на поле среди коров ее и нашли. Привезли в город, собрался народ, стали судить да рядить. И вот что сказали эйдамцы: нет никаких русалок, пусть их выдумывают в Дренте и Гельдерланде. А здесь Голландия, страна плотин и мельниц, страна черных и белых коров, страна, сделанная нашими руками, поэтому не верим мы ни в какие чудеса... Они одели девочку в свою одежду, заставили ее шить, прясть, сбивать масло, подметать пол — делать всё, что умеют голландские девочки. Эйдамцы неплохие люди, но они не верили в чудеса. И девочка стала шить, подметать, сбивать масло. Она всему научилась, но, увы, совсем не могла разговаривать по-голландски. Да, да! Чему-чему, а языку своему эйдамцы научить ее не смогли... Заметьте, — Караколь посмотрел на Эле, — у нее были голубые глаза, золотые волосы и розовые щечки.

— Это она? — шепотом спросил Михиелькин.

— Кто? Эле? — Караколь приложил палец к губам. — Тсс... Голубые глаза, золотые волосы и розовые щечки. Но та девочка жила давно, очень давно.

— И у нее нет хвоста, — пробормотал Михиелькин.

— Фи! Разве в хвосте дело? Хвост у русалки такая штука... как тебе сказать... отстегнул и выбросил. Важно другое: мы нашли Эле в том же месте, у Эйдама, после такого же наводнения, весеннего, и, что важнее всего — замечаете? — она ни слова, — Караколь понизил голос, — ни слова не говорит по-голландски.

Боолкин и Михиелькин во все глаза смотрели на Эле. А Караколь присел на корточки, лицо его стало совсем таинственным.

— Так кто же она, я вас спрашиваю, если не дочь Нептуна, повелителя всех морей? Или вы, как все голландцы, не верите в чудеса?

— Мы верим, — пролепетала Боолкин. — К нам весной прилетал тот же аист. Это хорошее чудо.

— Вот видите! — Караколь вскочил. — Тот же аист! А это та же, понимаете, почти та же морская девочка. Наверное, младшая ее сестричка. И что вы думаете, я повел ее к добрым эйдамцам, чтобы они снова заставили ее подметать, сбивать масло? Ну уж нет! Пусть живет на свободе, пока море опять не придет за ней, правильно я говорю?

Какая чудная девочка! Она не говорит по-голландски. Ее нашли на берегу после наводнения. Откуда же она взялась?

Может, и есть на свете русалки, тогда чем они отличаются от обыкновенных девочек? Можно ли их, например, пихнуть или, наоборот, подарить ракушку? Хотя зачем русалке ракушка, — в море их полным-полно.

Эх, если бы рядом был отец! Он каждое лето работал на эйдамской верфи и всё знал про корабли, море, русалок и даже Нептуна.

— Да, да! — говорил Караколь. — Хорошо еще, она не попала к такому человеку, как этот суконщик. С утра до вечера заставил бы ее работать. Чего это он вздумал отнять у нас платье? Я говорю, что купил его давным-давно, оно уже на тряпки годится. Даже испугал Эле. Эле, чего ты испугалась этого господина? — Караколь придавил кончик носа, вытаращил глаза и сразу стал похож на Слимброка.

Эле опустила голову и прошептала:

— Огневик.

— Огневик? Опять Огневик! Что за притча, уже не первый раз это слышу.

— Девочка совсем не немая, — сказала Боолкин.

— Ну это известно, — заметил Караколь. — Она и другие слова знает. Например, имя. Вы думаете, я сам его выдумал? Иногда даже песни поет, только по-своему. В конце концов, должен быть у русалок свой язык?

Караколь наморщил лоб.

— А розовое платье... Зачем ему платье? Кажется, он просто не хотел услышать ответ на мой вопрос.

— Какой вопрос?
— Да я спросил, кто отдыхает в деревне Лиссе, что в трех часах ходьбы от Лейдена.
— А кто там отдыхает?
— Да много людей, — сказал Караколь. — Много лошадей, повозок и пушек.
— А кто эти люди? Гезы?
— Думаю, нет. Валлоны, немцы, испанцы.
— Что? — Я даже подскочил. — Испанцы? А много там испанцев?
Караколь сложил губы трубочкой и подумал.
— Я думаю, тысяч десять, не меньше.
— А куда они, а куда... — дрожащим голосом начала Боолкин.
— Да в том и дело, что сюда, к Лейдену.
— Ай! — вскрикнул Михиелькин. — Ай!
— Ой! — завопили мы хором и выскочили на улицу. — Испанцы идут! Испанцы! — кричали мы изо всех сил.

ПОДВАЛ «ПОД СЕМЬЮ ЗАМКАМИ»

В тот же день испанцы обложили город. Били колокола на соборах. Бежали испуганные горожане. Комендант скакал на блестящей от пота лошади и размахивал шпагой. К Бургундской башне тащили котел, чтобы плавить свинец. У Коровьих ворот на костре кипела смола.

Все проклинали свою беспечность. С тех пор как ушли испанцы, никто и не думал о новой осаде. И вот они снова здесь.

Мы побежали на башню Хенгиста. В древние времена здесь был целый замок, а теперь осталась круглая зубчатая стена шагов двести в поперечнике. Наверху растут дубы и боярышник. Отсюда как на ладони видны окрестности. Над Лейдердорпом уже колыхался красно-желтый испанский флаг. Отряды солдат шли во всех направлениях.

Мы посмотрели в сторону моря: у Белых ворот строились осадные укрепления. Даже на северной стороне конный дозор гнался за какой-то повозкой.

— Конец, — сказал кто-то, опуская подзорную трубу. — Теперь и мышь не проскочит.

— Проклятье! — сказал кузнец Сметсе Смее. — Разве не я говорил, что с ними не кончено? Вы думали, если в город

пришла рота гезов, то Филипп помер от страху? Что теперь делать, растяпы? Где продовольствие? Где оружие?

— Оружие надо спросить у тебя, — сказал кошатник Гигеллер. — В моей кладовке только кошачьи хвосты.

— Клянусь Артевельде, ты прав, Гигеллер! Нам остается воевать только кошачьими хвостами. В моей кузнице нет ни полоски железа. Одно название — кузнец-оружейник.

— Они не пойдут на приступ, — сказал кто-то.

— Тем хуже для нас! Через месяц будем обдирать кошек вместе с Гигеллером. Кто видел, чтоб нам привозили муку и рыбу?

— Никто, — ответили горожане.

Солдаты за городом не теряли времени. С повозок тащили камни, прутья и доски, мешки с песком. Народу на башне все прибывало. Подзорную трубу передавали из рук в руки.

— Уже два десятка редутов, — сказал кто-то.

— Их будет не меньше полсотни, — заметил Сметсе Смее. — Они возьмутся за дело живее, чем в прошлый раз. Смотрите, а это немецкие рейтары!

Вдали рысью скакал отряд всадников в черном. Белые перья на их шлемах развевались.

— Плохо дело, — сказал Сметсе Смее. — Рейтары хорошо обучены. Трудновато будет на вылазках. Они стреляют в упор. У них такие большие тяжелые пистолеты, не то что испанские хлопушки. Ох-хо-хо! Вот бы мне парочку пистолетов, да хороший мушкет, да прочный швейцарский кинжал, — повоевал бы кузнец Сметсе Смее!

— Значит, это и есть Сметсе Смее? — спросил меня Караколь.

Он сидел между зубцами башни и раскачивал ногой.

— Досточтимый кузнец, — сказал Караколь, когда я позвал Сметсе Смее, — ты слышал когда-нибудь про Пауля Бейса?

— Кто же не слышал про Пауля Бейса? — сказал Сметсе Смее. — Это наш лейденский адвокат, враг короля и друг принца Вильгельма Оранского по прозвищу Молчаливый. А я, дружок, не только слышал, но и водил с ним знакомство. Бейс собирался отрастить живот вроде моего, а мы бы охотно приняли его в «Общество толстяков». Я ведь там председателем.

— Ну ясное дело, — сказал Караколь. — Ты и есть Сметсе Смее. Пауль Бейс просил передать тебе письмо, но я его съел.

Сметсе выпучил на него глаза.

— А ты что думал? — спросил Караколь. — Если хватает испанский патруль, куда исчезает письмо с печатью в виде нищенского колпака?

Сметсе удивился:

— Зачем такая печать? Это все равно что идти по дороге и кричать: «Я гез!» А что было в письме?

— Желудок у меня не просвечивает, — важно сказал Караколь. — Но Бейс просил передать на словах, если с письмом не выйдет.

— Что он просил?

— Всего три слова: «Под семью замками».

— Ого! — сказал Сметсе Смее. — Понятно! А ну-ка за мной, ребятки! Посмотрим, что приготовил нам этот умник Пауль Бейс.

Мы быстро пошли за Сметсе.

— Ну вот, — сказал Сметсе Смее. — Здесь дом Пауля Бейса. А это подвал «Под семью замками». Давным-давно, когда дела еще шли неплохо, я просил Бейса уступить мне этот подвальчик. Сделал бы в нем хорошую мастерскую. Но Бейс там держал какие-то вещи, а уезжая, сказал, что в подвале есть кое-что интересное и можно пустить это в дело. Так я понимаю, время пришло... Эглантина! — крикнул Сметсе Смее. — Эй, Эглантина!

Тут Караколь подпрыгнул, как будто его укололи, и сделал шаг в сторону.

— Ты что? — сказал Сметсе Смее. — Чего испугался? Эглантина — племянница Бейса, разве не знаешь? Славненькая такая девушка... Эглантина!.. — крикнул он снова. — Видно, нет ее.

Караколь стоял какой-то растерянный и хлопал глазами.

— Ну ладно, — сказал Сметсе. — Кеес, махни через ограду. Увидишь старый цедильный камень, возьми под ним ключ. Думаю, он там и лежит. Эглантина в этом ничего не смыслит, а раз Пауль прислал гонца, мне и карты в руки.

Я нашел ключ, Сметсе открыл, и мы оказались в просторном подвале со сводчатым потолком. Пыльный луч света падал сверху. В полутьме я сначала не разобрал, что навалено вдоль стен.

— Клянусь Артевельде, — Сметсе чуть не подпрыгнул на месте, — это оружие! Я так и думал! Уж больно он любил эти игрушки! И, быюсь об заклад, это не ржавая гниль какого-нибудь подмастерья. Налетай, ребятки!

Ох, сколько здесь было оружия! Сначала мы просто остолбенели, а потом Михиелькин заурчал и стал хватать что попало.

Вдоль стен рядами стояли тяжелые мушкеты, красивые аркебузы, похожие на длинные скрипки. На досках лежали пистолеты. Грудами стояли мечи и шпаги, секиры, копья и протазаны. Тускло блестели доспехи и шлемы.

— Да, братцы, — возбужденный Сметсе расхаживал по подвалу, — здесь хватит добра, чтобы увешать моих толстяков с ног до головы! Клянусь, ни одной шпаги не достанется хилой городской страже! Соберу отряд пузанов, и поглядим, чего стоят против нас тощие испанские монахи! А теперь выбирайте себе по одной штучке, пока я добрый, — сказал Сметсе Смее.

Михиелькин сразу схватил саксонский кинжал. Очень ему понравилась эта занятная штука. Нажмешь на кнопку, из клинка выскакивают еще два и торчат в разные стороны, как трезубец. Михиелькин щелкал и смотрел, как из одного лезвия получаются три.

— Бери, бери, — разрешил Сметсе Смее. — Ты плотный парнишка. Вот подрастешь, наберешь весу, примем в «Общество толстяков».

А я присмотрел трехствольный голландский пистолет. Небольшой и тяжелый, он весь сверкал перламутром. Вот научусь его заряжать и буду палить по испанцам.

— А ты что же, приятель? — спросил Сметсе Смее.

— А мне не надо, — сказал Караколь. — Я умею играть на дудке и роммельпоте¹. Умею смешить. А с этими штуками не до смеха.

— Как знаешь, — сказал Сметсе. — От смеха, конечно, тоже можно лопнуть, как шут Пьеркин. Только король Филипп никогда не смеется.

ПЛАТОК ЭГЛАНТИНЫ

Испанцы не шли на приступ. Похоже, решили взять нас измором. Сначала они были вежливы. Прислали письмо от имени глипперов — предателей, воевавших на их стороне. Наверное, среди глипперов были и лейденцы, потому что в

¹ Роммельпот — голландский национальный инструмент.

письме обращались ко многим горожанам. Глипперы советовали пожалеть женщин и детей — это нас-то! — обещали жизнь и призывали открыть ворота.

Только никто им не верил — ни глипперам, ни испанцам. В ответ мы послали всего одну фразу: «Манок сладко поет, когда птицелов зазывает птичку».

Вечером начиналась перебранка у стен. Испанцы пускали из арбалетов стрелы с лягушками и дохлыми крысами. Наши отвечали выстрелами, иногда меткими. Раза два от стен оттаскивали раненых.

— Эй, валлоны! — кричали мы. — Бросьте воевать за Филиппа! Разве мало он пограбил ваши земли? Где ваш весельчак Жак Нивель? Пусть посмеется над королем, как наш Тиль Уленшпигель!..

— Эй, немцы! — кричали мы снова. — Лучше приходите косить траву, как братья Ханнекемайеры! Получите молоко и деньги, а не свинец в живот.

Наемники не отвечали. Им все равно, даже когда их дразнят. Дело наемников выполнять приказы, воевать и грабить, а больше им ничего не нужно.

Жизнь у нас в городе стала такая же, как два месяца назад. На улице много вооруженных людей. Сегодня утром по Бреестраат с криком и пением прошел отряд «могучих толстяков». Блестели шлемы, латы и оружие. Били литавры, дудели дудки и волынки. Такие шествия бывают у нас нередко. То «Клуб болтунов» отпразднует свою годовщину, то «Общество небогатых», то «Братство мушкетеров». У каждой компании свои порядки, но обязательно собственный гимн, шут, казначей и знамя.

Впереди толстяков на рыжем осле ехал сам «председатель» Сметсе Смее. На коленях у него лежал мушкет, за поясом торчали пистолеты, над головой он держал огромный двуручный меч в два моих роста. За Сметсе шли все, у кого живот был не меньше чем в два обхвата. А у трактирщика Бибулуса, быть может, и в три. Толстяки размахивали оружием и орали во всю мочь:

Костлявые испанские бродяги, хи-ха!

Не уцелеть вам в этой передряге, хи-ха!

На работу к Слимброку я не пошел. Ясное дело, кроме затрещины, ничего от него теперь не получишь, я ведь помог его обидчику. Да, может, и нет никакой работы. В прошлую осаду Слимброк трудился дня три, а потом куда-то исчез. Этому, правда, никто не удивился: зимой у нас мало работают из-за холодов.

У Караколя в фургоне нашлось несколько кругов сыра и сухари, так что мы не голодали. К тому же бургомистр Бронкхорст обещал раздавать продовольствие.

Хуже приходилось Помпилиусу и Пьеру. Их не накормишь одним сыром. Каждое утро я бегал в трактир «Красная кружка» к Бибулусу и собирал огрызки и кости.

Помпилиус и Пьер обедали вместе. Они никогда не ссорились, и мне казалось даже, что Пьер подвигает лапой мясо медведю. Помпилиус смотрел на него добрыми глазами, нерешительно брал кусок и ел. Потом он опускал голову и стыдился, что съел больше, хотя размеров они были почти одинаковых.

Боолкин учила Эле разговаривать по-голландски. Боолкин принесла свою куклу, сделанную из тряпки. Кукла была вся голубая: я опустил ее в чан с краской у Слимброка. Они купали куклу, заворачивали ее в белые тряпочки, а Михиелькин все щелкал своим саксонским кинжалом.

Сначала я тоже не расставался с пистолетом, но потом надоело его таскать — уж очень тяжелый.

Караколь рассказывал всякие истории, но каждый раз дело кончалось Голиафом, хотя все время по-разному. Сегодня он, например, сказал, что попал Голиафу стрелой в глаз. Кроме того, у Голиафа теперь была всего одна голова.

Караколь бегал по комнате, размахивал руками, подпрыгивал, показывал, как схватил великана за шею, и вообще очень волновался. Смотреть на него было интересно. Правда, Михиелькину не нравился Голиаф с одной головой.

— А где ты видел Голиафа хотя бы с двумя головами? — спрашивал распаленный Караколь.

— Сам говорил, — бормотал Михиелькин.

— Я тебе говорил? Значит, оговорился. Он обыкновенный, понимаешь, обыкновенный великан, только очень большой. Он жил в предместье Брантеньи... Да разве дело в головах? — Караколь снова забегал. — Я спас принцессу, понимаешь, принцессу!

По его словам, выходило так. Караколь жил в одной деревне. По-местному «караколь» значит «улитка». Его даже дразнили:

Улитка, улитка,
Высунь рога,
дам тебе за это
ломтик пирога.

Если бы, например, меня дразнили, то я бы не стерпел, а Караколь почему-то не обижался. А был там еще один горбун, который служил у барона де Бинша дворецким. Горбуна этого прозвали «Бистеколь». Так вот этот Бистеколь невзлюбил Караколя, он просто люто его ненавидел и все хотел сжить с белого света. Я точно не помню за что. Вроде бы за то, что у Караколя был такой же горб, но это не сделало его злым. А добрых Бистеколь ненавидел.

В общем, Бистеколь гонялся за Караколем. Устраивал ему разные ловушки, но попадал в них сам, а Караколь выручал его по доброте душевной. В конце концов Караколь ушел из родных мест. Взял с собой медведя и собаку и стал бродить по земле Нидерландов, зарабатывая представлениями.

А тут в их местах объявился великан Голиаф. Голиаф этот собрался жениться на одной принцессе, но принцесса очень не хотела, потому что Голиаф был страшный и, как я понимаю, для нее великоват. Ну, а Караколь победил этого Голиафа.

То ли стрелой его уколошил, то ли голову отрубил — в общем, спас принцессу.

А Бистеколь, тот злой старикашка, присвоил победу себе и собрался жениться на принцессе. Дальше у Караколя шла такая чехарда, что я никак не мог понять, чем кончилось дело. Но всякий раз Караколь говорил, что обязательно женится на принцессе, только вот добраться бы до родных мест.

— А кто не верит, — говорил Караколь, — пусть отправляется в город Бинш на масленицу. Пусть спросит трактирщика Симолле, тот все ему расскажет. А во вторник может и сам посмотреть. Там целый карнавал в честь освобождения принцессы. Все одеваются горбунами, пляшут и поют. Все знают метельщика Караколя и принцессу Эглантину!

— Принцессу зовут Эглантина? — спросил я. — Так же, как племянницу этого Бейса?

— А как ты докажешь, что спас принцессу? — спросил Михиелькин. — Может, все верят Бистеколю.

— У меня есть доказательство, — важно сказал Караколь.

— Какое, какое? — спросили Боолкин и Михиелькин.

Караколь расстегнул пуговицы своей куртки, потом рубашки. Делал он это медленно и серьезно.

— Вот!

В его руке мы увидели красивый белый платок. Наверное, он был из тонкого батиста, потому что просвечивал и спадал легкими складками. Караколь держал платок за кончик.

— Это платок принцессы, — сказал Караколь. — Она подарила его своему спасителю. — Караколь взял платок за два конца и поднес к лицу. — Ах, какой аромат! — Караколь закрыл глаза.

— Дай понюхать, — сказал Михиелькин.

— Какой аромат! — Караколь дал понюхать. — Тут даже есть ее имя. Смотрите, на уголке вышито...

Я было собрался посмотреть, но услышал, как на улице кто-то спросил: «Здесь дом Корнелиса Схаака?» Я приоткрыл дверь и увидел девушку, круглолицую, с розовыми щеками, в коричневом шелковом платье.

Я кашлянул и сказал, чтобы голос был погуще:

— Корнелис Схаак — это я.

Но она смотрела поверх моей головы. Потом всплеснула руками, так что зазвенели какие-то штучки на запястьях, и радостно сказала:

— Караколечка!

Я обернулся. Караколь стоял с глупым лицом. Он прямо остолбенел. Платок в руке, куртка так и расстегнута, глаза хлопают.

Девушка вошла в комнату, скинула легкие башмачки, как полагается, и сразу затараторила:

— Караколечка, дорогой! Мне Сметсе сказал. Что же ты не приходишь? Дай я тебя поцелую... Что ты такой растрепанный?

Она стала застегивать ему пуговицы и говорила не переставая:

— А Сметсе сказал: если бы знал, что ты от дяди, обязательно заступился. Тебя не ударили? Это Кеес? Какой хороший мальчик. А я Эглантина Бейс, здравствуй, Кеес. А это твои друзья? Ой и медведь! Караколечка, откуда ты взял медведя. А Пьер как поживает, он во дворе? Что слышно от дяди?..

Караколь не сказал еще ни одного слова. Он только покраснел и стал засовывать платок в карман.

— Ой, что это у тебя? Да это мой платок, Караколечка. Ты где его нашел? Такой хороший платок, а я все думала: куда же он задевался? Давай сюда, спасибо тебе, Караколечка. Всегда ты находишь мои вещи... — Она сунула платок за передник. — А дядя что? Ты привез от него письмо?

— Я его съел, — мрачно сказал Караколь.

Она всплеснула руками:

— Съел письмо? Как же это?

Я объяснил:

— Там печать такая, как у гезов. А его поймали испанцы. Вот он и съел.

— Господи боже мой! Ты не испортил желудок?

— Ничего, — снова сказал Караколь. Он становился все мрачнее.

— Ты почему грустный, Караколечка? Ты не заболел? Чем вы тут питаетесь? Приходите ко мне, накормлю мясом. Караколечка, ты почему сразу не пришел? Обязательно приходи, расскажешь про дядю. Ты ведь его недавно видел?.. — Она достала платок. — Ах, запах еще сохранился! Это ведь первый платок, который я сама вышила.

— Возьмите ваш платок, — пробурчал Караколь.

— Ты что там бормочешь? На «вы» меня назвал? Или мне послышалось? Ах, Караколечка, милый! Такой худенький... Приходи обязательно завтра же, нам ведь есть что

вспомнить. Придешь? Все приходите. У меня есть лакомства. Мужчинам копченый уж, а девочкам испеку олеболлен, пальчики оближете. Так я жду, Караколечка!

Она убежала, пощелкивая башмаками, а мы сначала сидели молча. Потом Михиелькин сказал:

— Принцесса это, что ль, никак не пойму.

П И С Ь М О

Конечно, это была не принцесса, а просто Эглантина, племянница того Бейса, который еще прошлым летом уехал помогать принцу Вильгельму собрать войска против испанцев. Только имя у нее было такое же, как у принцессы.

Сначала Караколь просто сидел и цедил сквозь зубы:

— Караколечка, Ка-ра-колечка... Никакой я вам не Караколечка...

Потом он забегал по дому и стал так кричать, что, наверное, было слышно на улице:

— Возьмите свой платок, Эглантина! Вы не принцесса! Принцессы не отнимают свои платки, они, наоборот, их дарят! «Караколечка»! Никакой я вам не Караколечка!

Он подскочил к Михиелькину и стал кричать на него, как будто это была Эглантина:

— Вы, может, думаете, что я украл ваш платок?

— Я не думаю, — пролепетал испуганный Михиелькин.

— Тогда почему вы схватили свой платок, едва я достал его из кармана? Даже не из кармана! Я носил его на груди, ваш дурацкий платок, но он того не стоит! Вы, может, думаете, что я служил в вашем доме, чтобы воровать платки? Три года забавлял вас разными сказками, чтобы стащить этот никудышный батистовый платок? Почему вы называете меня «Караколечкой»?

— Я и не называю, — сказал совсем уж перепуганный Михиелькин.

— Я старше вас на пять лет, да! Мне ваши «Караколечки» ни к чему. Я делал для вас всё, а вы, вы... — Караколь запинаясь. — Вы не могли оставить мне этот платок, единственную память о наших, о вас... Вы не принцесса! Принцессы не отнимают свои платки.

Он сел, тяжело дыша, а мы все молчали, испуганные.

— Ребята, — сказал он потом, — извините меня. Мне так грустно, так грустно...

Весь следующий день Караколь ходил как потерянный. Он вздыхал, садился, вставал и снова ходил.

— Ах, Эглантина, — бормотал он, — Эглантина...

Иногда он останавливался и говорил уже громко:

— Возьмите ваш платок, вы не принцесса!..

Вечером пришел сияющий Михиелькин и протянул Караколю грязноватый комоч.

— Что это? — спросил Караколь.

— Такой же платок, как у этой, у... как ее... — сказал Михиелькин. — Я стащил его во дворе у Монфоров, там много таких, все сушатся на веревке.

Караколь потрепал его по щеке и велел отнести обратно.

— Ты же видишь, на нем нет вышивки, — сказал он грустно.

Потом он спросил у меня:

— Кеес, ты был когда-нибудь влюблен?

Я ответил:

— Конечно. Еще сколько раз! В Гретель, Розу и Таннекен.

— А что ты делаешь, когда влюблен?

Я сказал, что ничего особенного. Ножки подставляю, дергаю за волосы, а Таннекен подарил ракушку, но зря, потому что она загордилась. Теперь я хочу подкинуть ей живого ужа. Вообще с девчонками надо построже, иначе они начинают воображать и тогда на них не найдешь управы.

— Это правильно, ох как правильно, — сказал Караколь. — А ты когда-нибудь объяснялся?

Я ответил, что нет.

— Вот то-то и оно, брат.

Утром Караколь достал гусиное перо, чернильницу и бумагу. Целый час он расхаживал и бормотал под нос, а потом уселся писать. Он долго старался, даже язык высунул.

Наконец позвал меня, сказал, что будет читать письмо, а я должен слушать, как будто бы я Эглантина. Можно было бы прочитать Боолкин и Эле, все-таки они девочки, но, как ему кажется, я больше их разбираюсь.

Караколь встал и торжественно начал:

— «Эглантина, Эглантина! Если бы я умел писать письмо, я написал бы письмо. А так я пишу просто так. Если вы думаете, что я украл платок, то это неправда. Я просто его взял, поэтому не украл. Я взял его потому, что он ваш. А так он мне не нужен. Я носил его на груди, где ваше имя. Эглантина, Эглантина! Зачем мне платок, зачем? Я просто без него не могу. Отдайте платок, не такой уж он дорогой...» Ну как? — спросил Караколь.

Я сказал, что здорово, но непонятно. То отдайте платок, то — зачем мне ваш платок.

— Да это же объяснение, — сказал Караколь, — как ты не понимаешь! Объяснение в форме платка.

А я сказал, что на объяснение совсем не похоже. Объяснение пишут стихами, и называется оно «мадригал». Я уже два раза помогал писать объяснение чесальщику Симону, когда тот ухлестывал за рыженькой Барбарой.

— Ты думаешь, стихами? — спросил Караколь. — Ну ладно, подожди часок, сейчас попробую.

Но старался он не час, а целых два. Лоб у него даже вспотел.

— Слушай! — сказал Караколь. — Слушай! Вот мадригал!

Прекрасная Эглантина, чудесная,
очень платок у нее красивый.
Люблю, как увидел, с первого взгляда,
замечательный этот платок...

Дальше шло в том же духе. Я сказал, что так не пойдет, стихи должны быть с рифмой. А кроме того, чего сваливать на платок? Надо прямо говорить и чтоб слова были по красивей. На то и мадригал.

— Да что ты пристал? — закричал Караколь. — Пишу, как умею! Сам попробуй, если такой умный.

Взялись мы за дело вместе. Долго спорили. В конце концов у нас получилась такая штука:

МАДРИГАЛ

Я вас люблю, принцесса Эглантина,
хоть и принцесса вы не до конца,
но вы почти принцесса, Эглантина,
прекрасней нету вашего лица...

Я, конечно, в сто раз мог лучше сочинить стихи, но Караколь придирался к каждому слову, поэтому так и получилось.

— Теперь отнесешь письмо, — сказал Караколь. — Скажешь, что прийти я не смог — заболел. Или нет: лучше — занят.

Я намекнул на копченого ужа и олеболлен. Но Караколь только махнул рукой.

Ну я и пошел.

На двери у Бейсов висел колокольчик, я позвонил. Открыла сама Эглантина и сразу спросила:

— А где остальные? Входи, Кеес. Где Караколь? Скоро придет? Ну входи, входи, башмаки скидывай, сейчас пирожки будем жарить.

Я объяснил все, как положено. Эглантина сразу стала серьезной. Она взяла письмо, села к окну и стала читать.

Да, этот домик не чета моему. Отсюда видна комната, за ней другая, а там еще третья. На стенах картины. Рядами висят тарелочки с синим рисунком — наверное, дельфтский фаянс. У нас была одна такая, да мать разбила. На столе с гнутыми ножками в большой белой вазе букет роз. У камина маленький ящичек с торфом — грелка для ног, — красивая штука с медным узором.

Прямо против меня огромное зеркало с завитушками по бокам. Я показал себе язык. Человек в зеркале мне понравился, только одет неважно.

Я еще раз показал язык. Человек в зеркале тоже показал. Интересно, есть зазеркальный мир?

Пока я разглядывал себя, Эглантина кончила читать. Она вздохнула и стала смотреть в окно.

— Какой это чудесный человек, — сказала она. — Кеес, ты знаешь, какой он добрый!.. Сейчас я тебя накормлю.

Скоро на столе стояло такое богатство, какого я давно не видал. Горячая баранина с бобами, копченый ўж, политый уксусом, вареные яйца, соленые корнишоны и разные сладости. Не было пирожков-олеболлен. Эглантина сказала, что жарить их нет настроения.

Я принялся есть, а Эглантина взяла иголку, достала платок и стала вышивать.

— Ты знаешь, как мы познакомились? — сказала она. — Просто как в сказке. На масленичную неделю мы ездили с дядей к его родственникам в Бинш. Ты знаешь, это во Фландрии. Мне было тогда четырнадцать лет, а сейчас уже девятнадцать. Правда, я старая?

Я кивнул головой, сказал «угу» и подавился.

— Во Фландрии такой веселый народ, все время у них какие-то карнавалы. Там рассказали мне про метельщика Караколя и принцессу Эглантину. А я-то как раз Эглантина, понимаешь? И вот однажды я шла по улице и встретила горбуна с приятным лицом. Он посмотрел на меня и крикнул: «Скажи-ка, случайно, ты не Эглантина?» А я ответила: «А ты, случайно, не Караколь?» Он подошел и сказал: «Да, я Караколь, метельщик. А ты, теперь я точно вижу, прекрасная принцесса Эглантина». Мы засмеялись и пошли вместе. Он так рассказывал, что я заслушалась. Он был действительно бедный человек. Я упростила дядю взять его на службу. И больше всего он занимался мной, опекал, рассказывал, играл даже в куклы. Когда мне исполнилось семнадцать, он вдруг ушел из дома, сказал, что я уже взрослая и такая большая игрушка мне ни к чему. Это он себя называл игрушкой... Какое смешное письмо он прислал. — Она вздохнула. — Всегда он смешит. Ты думаешь, Кеес, он такой смешной? Нет, он грустный и умный...

Она откусила нитку и подала мне батистовый платок:

— Это отдашь ему. Подожди. Я тоже напишу письмо.

Через полчаса я ушел, таща корзинку с едой. В кармане лежало письмо, в другом — платок, под мышкой сверток.

Когда Караколь увидел платок, он просто ошалел от радости. Оказалось, что там вышито его имя. Когда же прочел письмо, то целый час смотрел в одну точку. Потом подозревал меня.

— Кеес, я уж прочту тебе, раз ты все знаешь. Я тут прочту тебе, сейчас вот прочту... — Голос его прерывался. — Я что-то никак не пойму, Кеес...

Он начал читать почти шепотом:

— «Караколь, милый, ты написал смешное письмо, но мне все понятно. А я пишу тебе грустное. Ты написал правду, и я пишу тебе правду. Мне еще больней, чем тебе. Ты любишь обыкновенную девушку, она того не стоит. А я полюбила испанского офицера, и он уж совсем того не стоит, потому

что он враг. Твоя любовь, быть может, ошибка, моя — наказание. Я же тебя люблю как сестра. Не забывай меня и не осуждай в моей беде. Твоя Эглантина».

— Ну? — шепотом спросил он.

Я сказал, что, по-моему, все понятно: она любит не его, а испанского офицера.

— Нет! — Он стукнул себя кулаком по колену. — Ничего, ничего не понятно.

Ночью он все вертелся и вздыхал.

ЭЛЕ, Я И ТЮЛЬПАНЫ

Я сказал Эле:

— Хочешь, покажу тебе цветок, какого ты в жизни не видела?

Я повел ее во двор. Здесь, у самой ограды, где земля почернее, еще прошлой осенью я посадил цветочную луковицу. Тетя Мария принесла ее с собой из Хаарлема. Это все, что осталось от дяди Гейберта. Откуда он привез эту луковицу, я уж не знаю. Тетка говорила, что из дальних заморских стран.

Луковицу я посадил, но особенного ничего не ожидал. Думал, может, вырастет лилия, а может, ничего. Но в начале мая, когда я уж и думать забыл о цветке, стал пробиваться росток. Бледно-зеленый, но крепкий. Из бутона вытянулись лепестки.

Красивый цветок. Как вам сказать, на что он похож? На узкую красную рюмку, которую я видел в окне у богатых людей. И будто бы в этой рюмке горит свеча — такой яркий.

Если не вру, если не забыл, как говорила тетка, то цветок этот называется тюльпан.

Эле я сказал:

— Смотри не думай срывать! Можешь только потрогать. Такого цветка нет ни у кого в городе, можешь поверить. И уж конечно, нет его ни в одном нашем гербе, потому что цветок из заморских стран. Ты знаешь, какой был моряк дядя Гейберт! Он в Индию плавал. А цветок привез из такой страны, где люди ходят на голове, можешь поверить...

В общем-то, Эле ничего, хорошая девочка, приятно с ней поговорить. Михиелькину пока втолкуешь, язык отнимется.

Они с Боолкин верят разной чепухе. Рот разинут и слушают. Бычий пузырь трут от наговоров, бобы через плечо бросают от болезни и нечистой силы. А как начнешь говорить про корабли и адмиралов, сразу засыпают.

Эле — другое дело. Слушать она умеет и все понимает. Эле не раззвонит по улице, что я хочу стать адмиралом. Во-первых, потому, что еще не очень умеет по-нашему. А во-вторых, если бы и умела, не стала бы приставать, как Аге: «Адмирал, адмирал, бычьи шкуры обдирал!» Но это вранье. Не обдирал я бычьих шкур, только щипал овечьи у Слимброка.

Может быть, я еще в Эле влюблюсь. Был бы у нее платок, я бы сказал: «Возьмите ваш платок, вы не принцесса!» Пожалуй, я не стану дергать ее за волосы, уж больно она грустная и тихая. Лучше я буду ее защищать, а может, срежу тюльпан, вот так, прямо у корня... Только пускай еще постоит у ограды.

Эле не такая, как наши девчонки. В ней кроется тайна. Уж, может, она и не русалка, но точно не из наших земель. Так вот сядет, положит щеку на ладонь и смотрит куда-то вдаль. Глупый народ эйдамцы. Заставили ту русалочку мыть, скрести, сбивать масло... Разве стал бы я сейчас приставать к Эле, чтобы она подметала, белила стены, полола огород? Она и так помогает. Но больше всего мне нравится, когда она сядет вот так и смотрит куда-то вдаль, как будто ждет, что вот-вот покажется парус.

Эх, Эле! Я бы такой смастерил корабль, что ахнули бы все корабельщики — гоорнские и амстердамские. Крутобокий, с тремя мачтами, с таким ходом, что волна превращается в пену!

На нем поставил бы я сорок зубастых мехеленских пушек. Я бы крикнул: «Эй, на фок-мачте! Смотреть вперед!» А мне бы ответили: «Есть, адмирал!»

Я бы вышел на Зейдер-Зее и освободил от испанцев Амстердам. А потом на Норд-Зее и выгнал их из Гааги. Так я дошел бы до Испании, до главного их города. Навел бы все пушки и крикнул: «Эй, испанцы, выходи все на берег и стройся перед адмиралом! Сейчас вы будете давать клятву, что никогда нас не тронете, иначе — бабам-барарах! — ударят сорок пушек. Выходи все, кто живет на испанской земле! Все, кроме Синтер-Никласа, потому что он добрый и непонятно, почему живет с вами...»

Между прочим, почему это все думают, что Синтер-Ник-

лас живет в Испании? Мало ли чего наговорят испанцы. Как только подходит Новый год, начинают клянчить: «Синтер-Никлас, прилетай из Испании в наш край...» Подарков всяких ждут и сладостей. А чего ему там делать, в Испании? Король Филипп может запросто обстричь ему бороду, а то и в подвал посадить.

Может, Синтер-Никлас живет в той стране, куда плавал дядя Гейберт? А может, просто на небе? Смотрит оттуда и думает: зачем мне Испания, я там ни за какие коврижки не стал бы жить, потому что не нравится мне тамошняя инквизиция.

В общем-то, конечно, далеко еще до корабля с мехеленскими пушками. Но то, что я буду адмиралом, — это точно. Я и сейчас могу им стать, только сухопутным. Но это на время. Есть же у нас в городе всякие капитаны, короли и маршалы. Вот, например, Якоб Тетроде генерал «Общества фиалок». Какой из него генерал? Он и шпагу-то не поднимет — такой тощий и бледный. Правда, острый на язычок. Как начнет шпарить шуточки, да все стихами, так все помирают.

А я бы стал Адмиралом Тюльпанов. Да, Эле! Нарисовал бы в нашем гербе красный цветок дяди Гейберта. Вот он, смотри: у него четыре лепестка, а сверху он похож на корону. В тюльпаны я принимаю тебя, Караколя, Боолкин и Михиелькина.

Пусть даже Пьер и Помпилиус будут тюльпанами — они большие и сильные.

Вот видишь, нас уже семеро, а там посмотрим. Я говорю тебе, Эле, тюльпаны не подкачают, было бы дело. Например, схватка со взводом рейтар. Как думаешь, сколько придавит Помпилиус? Я, по крайней мере, троих могу уложить из своего пистолета.

Адмирал Тюльпанов — вот здорово! У меня прямо под ложечкой засосало, как от голода, — так захотелось, чтобы кто-нибудь понял, что я и есть тот самый адмирал.

Эй, тюльпаны! Я даже на ноги вскочил — так мне захотелось сразу созвать всех под знамя. Знамя у нас будет белое с красным тюльпаном в верхнем углу. И герб тоже с тюльпаном. И барабан. Эле, ты ведь барабанщица. Бери свои палочки и — трам-та-рам! — бей сбор. А ты, Михиелькин, будешь поваром, потому что любишь поесть. Боолкин назначим казначеем: ей нравится раскладывать ракушки. Пьер и Помпилиус станут бойцами. Грудь вперед — rrrr! — на врага.

А Караколь... Неужели назначать его шутом, как и положено в каждом братстве? Ну пусть не шутом, пускай будет кем хочет.

«Военное Братство тюльпанов!» Тюльпаны против испанцев!

Я так размечтался, что мне уже мерещилось, как в клубах пыли мчатся на армию Филиппа войска. А впереди на черном коне адмирал. В одной руке шпага, в другой — знамя. А там уже на рейде стоят корабли, по трапам идут колонны свирепых зеландцев — тоже войска тюльпанов. Пушки гремят, визжат ядра. И падает закопченное испанское знамя...

Ух, здорово!

Потом я почесал затылок и посмотрел на Эле. Слабая девочка. Подумал про Михиелькина и Боолкин: какой от них толк? Пьер и Помпилиус, хотя и силачи, но ничего не смыслят в военной науке. А Караколь вообще отказывается воевать.

Да, несладко нам, видно, придется. Пожалуй, от меня только будет толк. Да что говорить, на улице Солнечная Сторона я поколочу любого. А как я дразнил испанца? Нет, со мной шутки плохи. Вот поучусь стрелять и бросать нож в доску, то ли еще будет! Ничего, тюльпаны, не пропадете с таким командиром!

Пока я размахивал руками, прибежал Михиелькин и сказал, что перед домом стоит Слимброк и уговаривает Караколя продать ему Эле.

Как, нашу барабанщицу? Я выбежал на улицу.

— Смотри, шут, — говорил Слимброк, — я мог бы тебя засудить и тогда бы уж взял девочку без помехи. Но я даю тебе целых десять флоринов. За что? Конечно, не за ее душу. Тут не торгуют людьми. Даю тебе десять флоринов за то, что лишаю барабанщицы. Беру ее к себе в дом. Одну ее, как полагается, отдам в школу... Очень мне нравится девочка. Нечего ей с тобой шататься, пора и о жизни подумать... А, это ты, Кеес, — сказал Слимброк. — Я на тебя не сержусь, чего не бывает. Где эта миленькая девочка? Веди-ка ее сюда. Дам и тебе целый флорин.

— Почтенный горожанин, — сказал Караколь, — зачем мне твои флорины? Она мне, может, как родственница...

— А мне будет дочка, — сказал Слимброк. — О том и речь. Научу ее прясть, сбивать масло...

Караколь засмеялся и щелкнул пальцами.

— Чего смеешься? Разговаривать ее научу. Ты ведь сказал, что она молчит все время?

— Конечно, молчит. — Караколь улыбался. — Зачем тебе такая?

— Люблю молчаливых. Так что, по рукам?

— Почтенный горожанин... — Караколь перешел на шепот.

— Что-что? Ты чего зашептал?

— Тсс... — Караколь приложил палец к губам. — Девочка очень дорогая, из хорошей семьи, понимаешь?

— Эх... — Слимброк скривился. — Наверное, украл ребенка?.. Да ладно, не мое дело. Пятнадцать флоринов.

— Тысячу.

— Что ты сказал?

— Я говорю — тысячу золотых флоринов, — прошептал Караколь. — Ни монетой меньше.

Слимброк просто оцепенел. Даже язык у него не сразу заворочался.

— Да вся моя мастерская не стоит тысячи золотых флоринов! Ты что, спятил? А, шутишь... Ну ладно. Теперь ты не получишь и одного серебряного, запомни! А про девочку еще поговорим...

И он ушел недовольный.

Я побежал к Эле. Но в саду ее не было. Мы обыскали весь дом, пока не нашли ее на самом чердаке. Как только она туда забралась! Эле пряталась за старой бочкой, в которой отец сушил на зиму торф. Она испугалась, когда я стал тащить ее вниз. И тут первый раз услышал, как она говорит по-голландски:

— Нет, нет! Не хочу. Огневик.

ВЫЛАЗКА

Почему она так боялась Слимброка, мы до конца не выяснили. Может, путала с другим человеком? Она показывала на огонь, потом на волосы. Значит, человек тот был рыжим. А Слимброк черный как головешка.

Кое-как я понял, что рыжий тот, Огневик она его называла, неприятный человек. Он даже вроде бы кого-то убил. Но я сказал Эле: «Не бойся никаких рыжих-конопатых, мы их колотили и будем колотить. Нечего трястись по разным пус-

тякам, тем более что Слимброк не рыжий. Просто хотел, чтобы ты всю жизнь щипала его дохлых овец. Вот так-то».

Днем я залез на Коровьи ворота и вместе со Сметсе Смее смотрел на испанцев.

— Шестьдесят два редута, — сказал Сметсе. — А пушки еще не считал. Интересно, какие у них пушки? На приступ они не пойдут, ученые после Хаарлема. А зря, я бы пошел на приступ. Кому у нас воевать? Пять рот городской стражи да рота гезов.

— А твои толстяки? — сказал кто-то. — Да вы их мясом закидаете. Хо-хо!

— «Хо-хо»! — передразнил Сметсе. — Зря ты гогочешь. Ребята у меня что надо. Да и сам я не промах, два года воевал в гезах. Вместе с адмиралом де Люме брал приступом Брилле. Отчаянный человек, не попадись ему под руку! В живых никого не оставлял. За это, говорят, и снял его Молчаливый.

Сметсе принялся рассматривать редуты.

— Сегодня ночью, Кеес, толстяки идут на дело. Пушки надо заклепать испанцам, хлеба, мяса отбить, а то своего мало. Клянусь Артевельде, мы им устроим ночку, какую ведьмы не знали!

Я попросил:

— Возьмите меня, Сметсе!

Он хлопнул меня по спине.

— Ты ловкий парнишка, но дело опасное. Сам посуди, мы тащим тяжелые молоты, какие тебе от земли не поднять. Одни заклепают замки, другие расправятся с караулом. А ты что? Будешь смотреть? Это не фарс в риторическом клубе, могут ведь и прихлопнуть ненароком! Так что терпи, парень, придет и твое время.

Я пошел домой и даже с Эле не разговаривал. Михиелькину дал затрещину, просто так, ни за что, а Караколю сказал:

— Мы жалкие трусы. Люди воюют, а мы сыр едим.

Но вечером пришел Сметсе и отозвал меня в сторону:

— Ладно, Кеес, есть тебе дело. Такая, понимаешь, загвоздка. Все мои парни уж больно здоровы и неповоротливы. Нужен нам человек, который проползет по траве вдоль испанских постов и скажет, как они расставлены. Бес ведь их знает, где они торчат ночью. Костры могут быть приманкой. Может, у них засада прямо за мостом. Мы ведь рассчитывали на тощего Вастеле, но он сказал, что не входит в «Общество

толстяков». А ты проползешь — и сразу назад, легонькая прогулка, только живот намочишь...

Ночью слегка приотворили крепостную калитку, и я оказался за стеной. Темнотища... мать божья риндбибельская! Только вдали полощутся желтые испанские костры...

Ну, скажу вам, натерпелся сначала я страха! Хотел даже вернуться. Руку себе укусил, чтоб не расхныкаться... На маленьком плотике перебрался через ров и минут пять лежал в траве, приглядывался. Трава мокрая, как после дождя, стало трясти от холода. Ну, думаю, адмирал, неужели ты как тощий селедочник Вастеле? А потом думаю: хитрый Сметсе, небось не хотел возить по траве пузом. Пойду и скажу им: сами ползите. Бррр, адмирал, а как же на море в бурю? Тут хоть земля твердая. И кто тебя заставлял? Сам напросился... А если испанец где-нибудь рядом? Схватит тебя за шиворот — и нож в спину...

Тихо кругом. Мало-помалу я успокоился. Даже трясучка прошла, хоть и рубашка была мокрая. Некоторое время я полз, а потом вообще встал и пошел, — правда, пригибался. Думаю, если я ничего не вижу, то и меня не видит никто. Чудное дело темнота! Сначала ее боишься, а потом даже приятно, как будто в шапке-невидимке.

Поближе к кострам я так осмелел, что просто шагал, как на прогулке, даже руки в карманы засунул. Чуть было не зашвистел свою песенку: «А где наш Филипп, испанский король...» — но вовремя одумался.

А когда от костра крикнули: «Эй, Руфеле!» — я сразу хлопнулся на землю и рук в карманы уже не засовывал.

Разглядел я эти костры. У каждого по два человека. А еще один ходил туда-сюда, от одного костра к другому. В темноте за кострами виднелись палатки, хорошая вспышка иногда их освещала. Большие палатки, но сколько в них солдат, угадать я, конечно, не мог.

Назад я бежал вприпрыжку. Споткнулся, чуть не упал, пошел потише. Вот что я вам скажу: главное — пересилить собственный страх. Потом самому приятно: ничего на свете не боишься.

Толстякам я сказал, что нет никакой засады, а караулы стоят у костров.

— Так, — пробормотал Сметсе Смее. — Значит, у них все по-старому. Ну ладно, щелкали мы такие орешки. Ты, Кеес, оставайся в городе. Молодец, настоящий разведчик.

Хотел я ему сказать, что могу и больше — пальнуть, например, в испанца, но меня уже не слушали.

Ворота открыли, толстяки вразброд пошли на мост. Кто босиком, кто в шерстяных носках, чтобы потише. Блестели клинки, оружейные дула. Трактирщик Бибулус тащил на плече огромную кувалду. Наверное, если трахнуть такой, вся пушка развалится.

Ну ладно, думаю, посмотрим, на что еще способен Адмирал Тюльпанов. И тихо так выскользнул за толстяками. Сотню шагов они шли в полный рост, потом пригнулись. Я думал: неужели, как на прогулке, мы подойдем к испанцам и зададим им трепку? Жалко, нет со мной пистолета: Сметсе велел оставить дома.

Только я так подумал, как слева полыхнуло пламя, грохнуло россыпью, раздался истошный вопль:

— Тревога!

— Вперед! — закричал Сметсе Смее. — Живее на пушки! Питер и Сандер, прикрывайте фланги!

Такое тут началось! Я отлетел в сторону, потому что рядом пальнули из мушкета. Толстяки с воплем и визгом бросились на костры. Как только большие люди могут так истошно кричать!

— Ия-я! За гезов! Лупи! А-а-иа! Кроши!

Раздался звон, тупые удары, метался оранжевый свет и черные тени. Кто-то вопил: «Святая Мария! О Иисус!..» Бум! Бам! Бац! Блим!..

— Пушки! — кричал Сметсе. — От пушек их, Сандер! Куда, куда ты, сатана! Назад! Назад, говорю, оставь его, Питер! К пушкам отступай, к пушкам!

Я заметался. Сначала отскочил в темноту, но наступил на раненого, и тот замычал. А тут в свете костра увидел Сметсе Смее. На нем висело целых два солдата. Вернее, одного он держал за шею, а другой пытался схватить за горло его.

— Ммых... — пыхтел Сметсе и тряс солдат.

Я вскочил и схватил одного за ногу. Не знаю, как получилось, просто что-то подбросило меня с земли. Тот взвизгнул и обернулся.

Тут Сметсе отбросил второго, а этого ударил по темени лбом, боднул, как хороший бык. Брук! — вот так стукнуло, и солдат покатился на землю. Ох и голова у Сметсе — наверное, железная!

— Как орешки! — крикнул он и обернулся, по лбу его

тскла кровь. — Ты, Кеес? Ну я тебе покажу, разбойник! Домой, домой возвращайся!

Он что-то поднял с земли и пропал в темноте. Я снова слышал его голос:

— Давайте, давайте, ребята! Сейчас подойдут солдаты! Палатку спали, Сандер! Ту, что подальше от пушек. Там поджидай рейтар, отвлеки их, Сандер!

Раздавались глухие удары, как будто били в замотанный тряпкой колокол: должно быть, корежили пушки.

Но тут подоспели валлоны — наверное, целый батальон. Они теснили нас молча и не особенно яро, но их было больше. За ними двигался всадник на черном коне. Он отъезжал, как только возле начиналась схватка. Потом пропадал в темноте и появлялся с другой стороны, наблюдая за боем. Раз два он что-то резко крикнул, и по его команде солдаты то отступали, то смыкались и шли вперед.

Я снова увидел Сметсе. Приложив ладонь козырьком, он смотрел на всадника.

— Эй! — закричал он. — Старый знакомый! Не вы ли это, дон Рутилио?

Всадник обернулся, и в ту же секунду хлопнул пистолетный выстрел. Я даже удивился, как быстро пальнул этот конник. А то уж я думал, что он не любитель сражаться, потому и держится сзади.

Сметсе даже ойкнул, потому что пуля цвкнула у него над головой.

— Брось-ка, сеньор! — закричал Сметсе. — Слезай лучше с коня, да попробуем пешими. Уж больно часто ты стал мне попадаться. Видно, сам черт носит тебя по Голландии. Ссадить бы тебя для порядка!

Но всадник и не думал слезать с коня. Он двинулся прямо на Сметсе, держа в руке второй пистолет. А Сметсе стоял с одним кинжалом, и видно было, что ему несдобровать.

Я увидел на земле мушкет и потащил его к Сметсе. Тяжеленная штука, как только из него стреляют? Сейчас Сметсе покажет этому дону.

— Лопух, — сказал запыхавшийся Сметсе. — Он не заряженный.

А всадник уже поднимал пистолет.

Тогда Сметсе схватил мушкет поперек, за дуло, и размахнулся им, как соломинкой. Ну и силища у кузнеца!

Бах! Всадник выстрелил, и в то же мгновение брошенный Сметсе мушкет ударил его прикладом в грудь.

Конь вздыбился, а старый знакомый Сметсе взмахнул руками. Вспыхнул костер, на мгновение я увидел бледное лицо дона Рутилио, а потом он полетел в темноту.

— Отступаем, ребята, отступаем! — кричал Сметсе Смее, держась за плечо.

Валлоны ослабили натиск. Быть может, им не хотелось кидаться за нами в темноту, а может, они растерялись, когда упал их командир.

Толстяки отходили кучной толпой, пыхтя и размахивая оружием. Раненые ковыляли в середине, некоторых несли.

— Отчаянный ты парень, Кеес, — сказал Сметсе Смее. — Чего ж ты проглядел заставу? Это они в нас палили.

Я сказал, что не было никакой заставы.

— Ну ладно, — сказал Сметсе Смее. — Быть может, это контрольный дозор. Он проверяет посты вокруг Лейдена.

— Ты ранен, Сметсе.

— Пустяки, царапина. Кабы не твой мушкет, была бы во лбу дырка. Дон этот стрелять умеет. Конь его дернулся, вот и промазал.

— А кто это, Сметсе?

— Старый знакомый. Я встретился с ним в Ловенштейне. Потом, когда брали Брилле. Красавчик. Ты видел, как я его ссадил?

— Видел, Сметсе!

— Но он, брат, тоже наставил на мне отметин. Сегодня вот плечо оцарапал. Ловкий, подлец. Видел, как он в меня пальнул? Стреляет на двадцать шагов без промаха. Кабы не лошадь... Да шут с ним!.. Какие у нас потери?

В эту ночь мы оставили у испанцев шесть человек. Четырнадцать было ранено. Мы заклепали три пушки, два фальконета и, как подсчитал Сметсе, положили не меньше двух дюжин рейтар и валлонов убитыми и ранеными.

Что там случилось с доном Рутилио, было неясно, а Сметсе хотелось бы знать. Мне кажется, таким мушкетом можно прибить и буйвола. Но Сметсе сказал, что дон Рутилио всегда носит на груди панцирь.

К БОЮ, ТЮЛЬПАНЫ!

Прошло несколько дней. Я был на седьмом небе от гордости и всем говорил, что скоро устрою вылазку сам. Караколю это не нравилось, он считал, что мальчишки не должны воевать по-настоящему. Интересно, а что должны делать мальчишки? В куклы, что ли, играть?

Ходил я, ходил и решил все-таки, что пора собирать тюльпанов. Неудобно ведь адмиралу без армии. Позвал я Эле и Караколя, Боолкин и Михиелькина, бойцов наших Пьера и Помпилиуса, усадил всех вокруг цветка и сказал:

— Это цветок, какого вы в жизни не видели. А называется он тюльпан. Правда, красивый?

Все согласились. А Помпилиус понюхал и хотел даже съесть, пришлось ему сделать выговор.

— Нечего нам болтаться без дела. Объединимся в «Военное Братство тюльпанов». Чем мы хуже разных фиалок, лилий и толстяков?

Первыми вступили в «Военное Братство тюльпанов» Боолкин и Михиелькин. Потом Эле, Пьер и Помпилиус. Караколь все думал, говорил, что лучше бы просто «Братство тюльпанов», а потом махнул рукой и сказал, что теперь ему все равно, потому что вся жизнь кувырком. Так что вступили все, ну, а я, как вы знаете, был уже там адмиралом.

— Пока нас семеро, — сказал я. — А будет семь тысяч.

Михиелькин сказал, что хорошо бы завоевать какое-нибудь отдельное герцогство или графство. Но я ответил, что, пока не выгоним испанцев, об этом и думать нечего.

Потом мы устроили военный совет, на котором Помпилиус так захрапел, что покраснел даже Пьер. В общем, мы ничего особенного не решили на этом совете, постановили только готовиться к бою. А Караколь все махал рукой и говорил, что можно и не готовиться, потому что все равно жизнь кувырком. Вообще последние дни Караколь только и делал, что вздыхал да вспоминал свою Эглантину.

Я посоветовал не слишком-то о ней печалиться. Видали мы таких! Конечно, спасибо ей, что надавала разной еды, но раз уж влюбилась в испанца, значит, с нами не по пути.

Я предложил Караколю написать углем на ее стенке что-нибудь похлеще, например, такое:

Эглантина, ты свинина,
а испанец твой дубина,
тури-дури-дурадас,
наплевали мы на вас!

Но Караколь сказал, что это грубо. Ладно, его дело, пусть вздыхает.

Затеял я было учение тюльпанов, но тут зарядили дожди. Каждый день с утра пораньше. Проснешься, высунешь голову из-под рогожи и слышишь: клуф-клаф, клуф-клаф — месит кто-то грязь клонками, деревянными башмаками. Ясно, опять слякоть. Если бы сухо, клонки стучали бы так: клек-клек, клек-клек... А в морозец, когда земля затвердеет, звук еще звонче: клик-кляк, клик-кляк! Так что, не глядя на улицу, скажу вам, какая погода. Всегда ведь кто-то пройдет мимо дома, и обязательно в клонках, потому что удобней обуви не сыщешь. В сырость в них сухо, в холод — тепло, чего еще надо!

Нехорошее все-таки дело дождь, хоть и привычное. И так

у нас сыро, а тут еще льет и льет. Небо похоже на мокрый мешок. Поневоле возьмешься дома за уборку: каждая соринка — лишняя плесень.

В городе стало тихо и хмуро. Комендант запретил вылазки из-за потерь. На площади объявили, что скоро начнут раздавать продовольствие, каждому немного мяса и хлеба.

Слимброк, конечно, опять исчез. Наверное, сидит в каком-нибудь подвале, ест свою рыбу да запивает кислым вином.

Бреестраат уже не подметали, да и люди появлялись на улице редко. Говорили, что принц Вильгельм просил продержаться три месяца, а прошло только два. Испанцы закидывали предложениями о сдаче. Главный их офицер, полковник Вальдес, собственноручно заверял, что никого не тронет. Перебранка у стен затихла, солдатам надоело в нас стрелять дохлыми крысами. Они жили в своих палатках, пили вино и распевали песни.

Чудная война, неинтересная. Какая же это война, когда одни хотят уморить других голодом? Знал я одного мальчишку, Петера Нетцке. Каждое лето он со своим отцом приходил из Германии косить нашу траву. Травы летом столько, что сами не справляемся, приходится нанимать работников. Вот и приходят «зеленые немцы», так их у нас называют. Еще, может быть, слышали, зовут их «ханнекемайеры». Это потому, что несколько лет подряд целая дюжина братьев Ханнекемайеров ходила с косами по нашим лугам. Смешные были ребята.

Ну, а этот, значит, Петер Нетцке. Любил он одну забаву. Копал в земле норку, сажал туда кошку и загораживал выход прутиками. Кошка сидела там несколько дней без еды, а Петер Нетцке приходил с покоса и смотрел, как она худеет. Не знаю, может, он держал бы там кошку до смерти, если бы не мы с Михиелькином. А драться этот Нетцке совсем не любил.

Теперь и мы, как та кошка. Но разве это похоже на войну?

Нашел я кусок красного сурика, который еще в прошлом году позаимствовал у Слимброка, растолок и размешал в льняном масле. Вырвал клочок шерсти из овечьей шкуры, той, что и так уже вся вылезла, сделал кисточку. Осталось залезть на треножник и нарисовать перед входом тюльпаны, прямо на белой штукатурке.

Но сначала решил придумать какую-нибудь надпись. На

многих домах у нас написано, правда, на тех, что побогаче. Только скучно все это — «Покой и порядок», «Моя радость», «Без неудач».

А мне надо что-нибудь позаковыристей. Пока рисовал тюльпан, все думал. Может, так: «Таверна покорителя морей»? Нет, не подходит, какая у меня таверна. Или вот так: «Отойди — взорвется!» Это уже ничего. А можно еще...

Тут и застал меня Сметсе Смее.

— Чего ты малюешь? — спросил он.

Я ему сказал:

— Это, Сметсе, такой цветок, какого ты в жизни не видел. Тюльпан называется.

— Слышал, слышал, — сказал Сметсе Смее. — А ты, говорят, теперь уже адмирал?

Я вытер руки и сказал, что пока нас семь человек, но будет семь тысяч. Если Сметсе желает...

— Да я не могу, — сказал Сметсе, — ты знаешь. Что же, толстяки останутся без председателя?.. Слышь, адмирал, — сказал Сметсе Смее, — наклеывается одно дело...

Поближе к вечеру мы пошли в магистрат. Там за большим столом сидел человек с лицом, похожим на сушеную рыбину. Он встал, отложил перо и начал расхаживать, щелкая башмаками по каменному полу.

— Пришла пора борьбы за свободу! Долой испанское владычество! Щелк, щелк... Император Карл Пятый напустил инквизицию на землю Нидерландов. А сын его Филипп еще хуже: пригнал полки солдат. Щелк, щелк... Долой закосневшую католическую церковь! Щелк, щелк...

Под этот «щелк» человек с лицом-рыбиной говорил целый час. Во всяком случае мне так показалось. Даже спать захотелось, а Сметсе мне все подмигивал и ухмылялся.

Нет, зачем меня сюда позвали? Я сам уже с тоски стал пощелкивать клонпами, а тот все занудствовал:

— И в этот час — щелк, щелк, — когда вся Голландия с надеждой смотрит на славных защитников Лейдена...

Тут в глубине отворилась дверь, и вывалилась целая дюжина людей. Они надевали на ходу шляпы, гремели шпагами, стучали каблуками. Все прошли мимо, тыча друг в друга пальцами, сопя и переругиваясь.

Остался один в черном бархатном костюме с брабантским кружевным воротником. Он постоял, заложив за спину руки, потом обернулся к человеку-рыбине:

— Ну что, Гуго, отслужил свою обедню?

Рыбина сразу сел за стол и зацарапал пером.

— Корнелис Схаак? — спросил меня человек в бархатном костюме. — Идите за мной.

Мы вошли в комнату поменьше, но посветлее. У человека был усталый вид. На столе валялись бумаги, карта, по-моему, циркуль, линейка. У окна стоял еще кто-то, он даже не смотрел на нас.

— Я ван дер Дус, — сказал человек. — Комендант обороны. А тот, что с вами разговаривал, секретарь магистрата. Бывший учитель.

Человек сел и забарабанил пальцами по столу.

— Корнелис, ты, говорят, сочиняешь стихи?

Я замялся.

— Еще как сочиняет, — ответил за меня Сметсе Смее. — Это для него все равно что орешки.

— Прочти что-нибудь. Впрочем, нет. Не время. Я, видишь ли, Корнелис, тоже сочиняю стихи. Правда, больше на латинском. Ты знаешь латинский?

Я ответил, что нет.

— Не обязательно, — сказал ван дер Дус. — Пожалуй, и мне пора перейти на голландский. Заели латинские вирши, от них так и несет святым Римом.

Он встал и прошелся по комнате.

— В общем, так, Корнелис. Такое время, что приходится нам, поэтам, взять в руки пистолет и шпагу. Отложим перо и выйдем на поле брани. Дульце ет декорум эст про патриа мори. За родину и умереть приятно. Впрочем, что это...

Он сел в кресло и вытер ладонью глаза.

— Опять на риторику потянуло. Сметсе, объясни суть дела.

Тот, что стоял у окна, обернулся и посмотрел на нас. Я узнал в нем бургомистра Бронкхорста.

Минут через пять я уже знал, что требуется.

— Все, что понадобится, достанем, — сказал Сметсе Смее. — Такую штуку мы устроили однажды самому Альбе. Выберем, где проще пройти. Лучше у немцев. Валлонов избегай: хитры, да и не любят нас, реформатов. Одно слово — рабы божьи.

— А остальные-то согласятся? — спросил ван дер Дус.

— Все согласятся!

— Всех и не надо, — сказал Сметсе Смее. — Девочку, Ка-

раколя и зверей. Для полной картины. Больше ни в каком случае.

— Ты знаешь, кто такой Мартин Виллемсзоон? — спросил ван дер Дус. — Сейчас я тебе объясню...

Обратно я шел не чуя под собой ног. Все вспоминал, как Сметсе сказал: «Теперь ты настоящий гез». Вспоминал, как сказал Иоганн ван дер Дус: «Стихи будем писать потом». Вспоминал еще, как бургомистр Бронкхорст пробормотал от окна: «Может, отменим, все-таки мальчик еще». А я чуть не заплакал, и он подошел, посмотрел как-то грустно, сказал: «Ну ладно, рискнем».

Караколь согласился сразу. Он даже обрадовался:

— Есть, адмирал! Пора убираться отсюда. Нечем кормить зверей, некого спасти от Голиафа!

Можно подумать, что он собирался на легкую прогулку.

Михиелькин стал хныкать, но я поклялся ему, что такой получил приказ — ни одного лишнего человека. Мне и самому было жалко, я так ведь привык к Михиелькину и Боолкин.

Весь вечер готовились мы в дорогу. Приходил Сметсе Смее и снова рассказывал, как нужно себя вести.

Я срезал тюльпан и отдал его Эле. А луковицу выкопал и отнес на чердак, положил, где посуше. Пусть отдыхает до следующей осени, тетка Мария говорила, что цветы будут несколько лет.

Михиелькину я велел набирать новых тюльпанов и вообще подумать об обороне города. Я скоро вернусь, а может, не вернусь и погибну, тогда адмиралом станет Михиелькин.

Еще я успел нарисовать тюльпан на фургоне, а потом мы стали прощаться. Утром ведь уйдем так рано, что все будут спать. Ну, вот и простились. Боолкин и Михиелькин взялись за руки и ушли такие растерянные, что, верите или нет, что-то пискнуло у меня в груди. Должно быть, сердце. По чести сказать, я один у них был товарищ: многие их дразнили и называли толстыми, а я никогда. Да и затрещины, которые иногда получал от меня Михиелькин, были совсем несерьезными, потом я ходил виноватым, и Михиелькин это понимал.

Ночью я совсем не спал, и Караколь не спал. Только Эле дышала ровно и спокойно.

• СЕРЖАНТ КОПЕЙЩИКОВ ГОТЕСКНЕХТ

Вышли мы из Хаарлемских ворот. Помпилиус сидел на повозке, а мы с Эле шли впереди. Караколь шагал последним и все оглядывался на городские ворота. Чего там оглядываться, опасность была впереди...

Вид у меня и Эле самый праздничный. В жизни я не носил таких костюмов. Коричневая курточка с серебряными пуговицами, широкий пояс, панталоны и черные чулки. Кломпы на мне были тоже новые.

Эле подвязала красный передник с розовой каймой. На голове крылатая белая шапочка. Вся она так и светилась под утренним солнышком.

Пьер, отдуваясь, тащил повозку. Он не привык возить Помпилиуса. Да и тот никогда не ездил, поэтому сидел сейчас с глупым видом, — может, думал, что все это какой-нибудь номер. В общем, номер. Только получится ли у нас?

«Свадебный суп», разные шутки-прибаутки, я приготовил еще вчера, так что мог сыпать ими хоть целый час. В моей шляпе торчали шесть петушиных перьев. Хоть и положено павлиньи, но где их теперь достать!

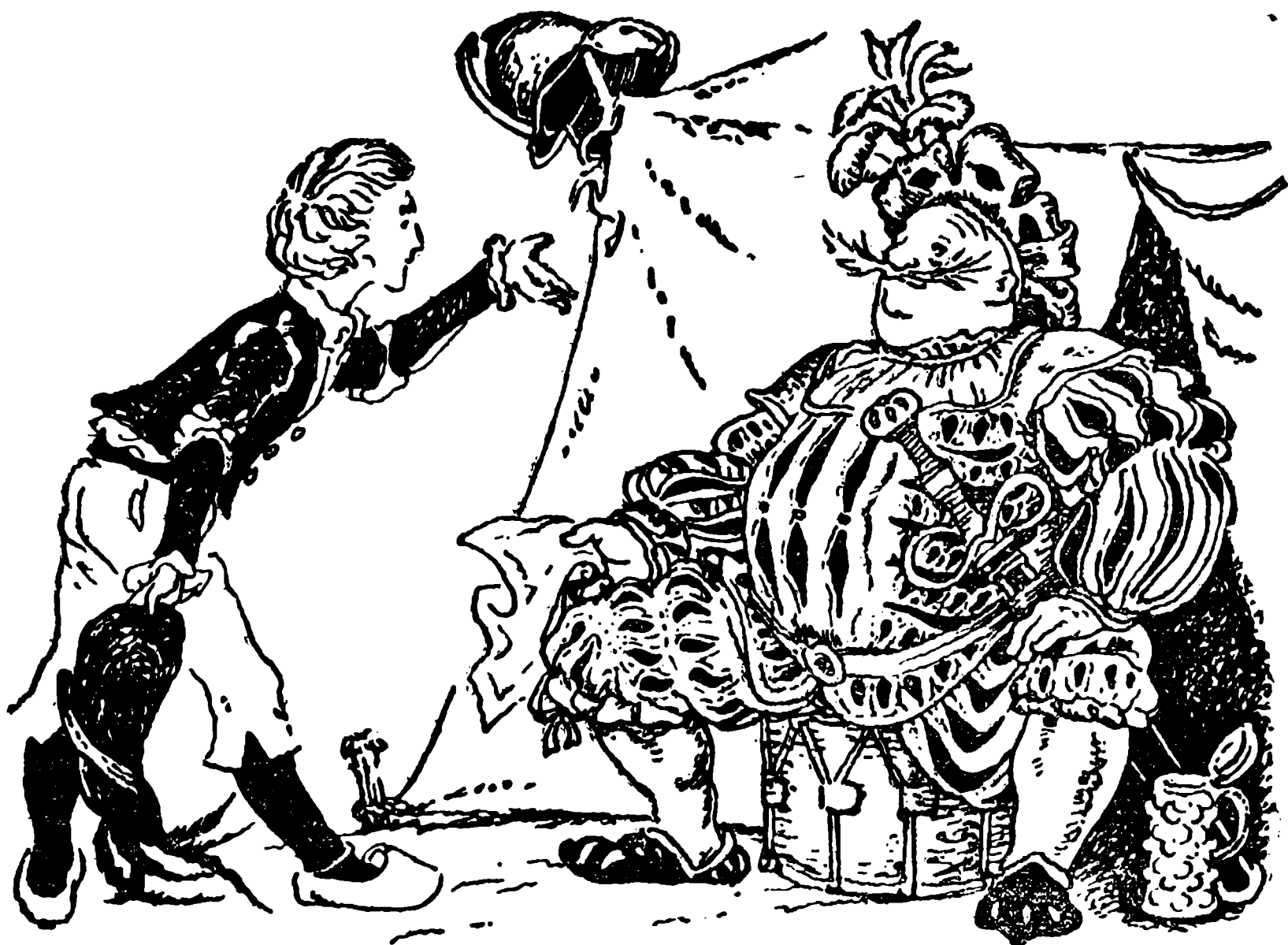
Когда мы подошли к редуту шагов на сто, оттуда выпали солдаты и смотрели разинув рты. Караколь взял барабан и начал тарахтеть.

Тогда в палатке открылся полог, и вылез толстый человек с большими усами. Солдаты перед ним расступились. Наверное, это был начальник.

— Фуй! — сказал человек. — Што это есть? Как некарашо тук-тук, стучать этот парабан. Што это есть? Ви пришель сдаваться плен?

— Господин начальник! — сказал я и помахал перед ним шляпой. — Позвольте пригласить вас на свадьбу, которая состоится через три дня ровно в десять!

Жених и невеста ожидают ответа,
медведь Помпилиус и медведица Грета,
быстрее соглашайтесь да приходите,
родных и знакомых с собой прихватите,
затем, чтобы справиться неторопливо
с бочонком вина и дюжиной пива,
чтоб петь, веселиться, плясать до утра,
до хрипа кричать новобрачным «ура!».

Отбарабанил я не переводя дух, как и полагается в наших краях.

— Фу! — сказал человек и вытер платком лоб. — Я ничего не понимал, шер! побирай! Вы имеет честь с сержант копейщик Готескнехт. С кем я говорил и куда меня приглашают?

— На свадьбу, господин сержант! Медведь Помпилиус едет к своей медведице Грете.

— Дас ист бер, медведь? Едет невесте, шер! побирай? — Готескнехт сел на ящик. — Што это есть? Шутка?

— Никак нет, господин сержант! Шутка не шутка, а нужен мишутка! Медведь Помпилиус хочет иметь наследника, господин сержант!

— Уф! — сказал сержант копейщиков. — Такой маленький медвежатка? Это есть националь обычай, такой женитьба? Где бывайт невеста?

— На острове Маркен, господин сержант. Мы с острова Маркен, господин сержант. Два месяца искали жениха для

Греты, нашли в городе Лейдене. Он согласился жениться на Грете. Вы бы знали, как трудно найти холостого медведя в Голландии! Тут ни гор, ни порядочных лесов!

— О да, — сказал Готескнехт. — Фуй, совсем нет горы. Очень плохо.

— Ей-богу, господин сержант, мы бы сразу поехали в Мюнстерланд или...

— Пошему ви знайт Мюнстерланд? Я есть сам аус Гро-нау, Мюнстерланд.

— А у меня там родственник, господин сержант, Петер Нетцке. Двоюродный брат или даже троюродный, я точно не знаю. Он говорил, там большие горы и много медведей.

— Пошему ви не ехаль нах Мюнстерланд?

— Уж больно далеко, господин сержант. Хозяин фургона, вот этот человек, не согласен. И так берет много денег.

— Это есть хозяин фургон?

Капитан Готескнехт посмотрел на Караколя.

— Мы наняли его в Монникендаме, господин сержант.

— А этот девошка?

— Наша служанка, господин сержант. Она немножечко, знаете... Совсем не разговаривает.

— Ти есть смышленный малшик. Пошему гуляешь один?

— Я не гуляю, господин сержант. Отец послал меня поискать жениха для Греты.

— Фуй, — сказал капитан. — Шерт побирай! Я мало понимал. Голланд — смешной страна. Нишего здесь не понимал. Пример: што есть де Схоорнстеенвегер?

— Какой-то человек, господин сержант. Это фамилия.

— Я понимаю. Што означайт «де»? Я был Париж. Париж «де» означай граф, барон, виконт. Пример: де Тюржи, де Тревиль. Мадрид «де» означай дворянин. Мне говорил, Схоорнстеенвегер есть шик-шик, чистить труба.

— Правильно, господин сержант. «Схоорнстеенвегер» — по-нашему «трубочист».

— Полушается, де Трубочист? — Готескнехт опять вытер лоб огромным красным платком, потом еще выжал в него нос. — Фуй, шепуха. Голланд есть смешной страна.

— Конечно, господин сержант. Очень смешная страна. Мы, маркенцы, хоть и живем рядом с Голландией, но не очень-то с ней дружим. Мы сами по себе. Ни с кем не воюем, ловим рыбу, торгуем. А голландцы нас только грабят.

— Где бывайт остров Маркен?

— Рядом с Амстердамом на Зейдер-Зее, господин сержант. А если точнее, то ближе к Монникендаму. На лодке полчаса морем, господин сержант, так что вы легко доберетесь.

— Ви желает ехать нах Маркен?

— Конечно, господин сержант. Свадьба назначена через три дня. Так что и вы не опаздывайте.

— Я имею приказ полковник Вальдес не пускать ни один шеловек.

— Но это медведь, господин сержант!

— Фуй, — пыхтел Готескнехт, — хитрый малшик...

Я уже видел, что этот Готескнехт простой дядька, которому надоели приказы полковника Вальдеса. Может, похныкать? Тогда наверняка пропустит. Я было собрался пустить слезу, как Готескнехт махнул солдатам.

— Я проверю ваш фургон и отпускаю все четыре стороны. Я не воюю с малшиком и медведем, шерту побираю!

Копейщики лениво обшарили фургон. Сначала им попалась клетка с голубями.

— Это свадебный подарок Помпилиуса, — поспешно объяснил я. — Во время свадьбы у нас разбрасывают конфеты и пускают голубей. Мальчишки на свадьбах всегда кричат: «Невеста, брось конфетку! Жених, пусти голубка!»

Про конфеты я сказал правду, а про голубей приврал, но получилось складно.

Ничего интересного для копейщиков в фургоне не нашлось, а снизу заглянуть не догадались. Там, в большой отцовской рукавице, прибитой под осью, лежал заряженный трехствольный пистолет.

Этого «голубка» я прихватил на всякий случай, хоть Караколь и был против.

— Ви поезжайте. И не бывайте назад этот город. Здесь пуф-пуф, немножко стреляй и отрывай голова. Фи, война — некароший штук... Полковник Вальдес плохой вояк. Но он дает дин-дин, немножко талер, сержант Готескнехт покупай новый дом Гронау. Ауфвидерзеен, малшик!

В это время справа, со стороны Мары, показались всадники.

— Ахтунг! — сказал Готескнехт и приложил руку к глазам. — Дас ист дозор аус Лейдердорп, главный штаб. Ви поезжайте быстро, быстро, шнель!

Мы покатили по хаарлемской дороге, но не успели отъехать и двухсот шагов, как раздался топот и солдат на

рыжем коне махнул саблей перед носом Пьера. Пьер зарычал, а солдат что-то крикнул и показал назад. Нас вернули.

Когда фургон подъехал к палатке, сердце у меня упало. Перед пыхтящим Готескнехтом на высоком черном коне гарцевал дон Рутилио. Живой, целехонький, как будто только что с галльского курорта.

— Сержант Готескнехт, — сказал дон Рутилио холодным голосом. — Вам известен приказ полковника Вальдеса никого не выпускать из города?

— Их вайс, — сказал Готескнехт. — Я выпускаль этот медведь на остров Маркен. Этот малшик не есть жить в Лейден. Это есть свадьба, националь обычай.

Дон Рутилио похлопал себя прутиком по сапогу, потом внимательно посмотрел на меня.

— Этот мальчик, может быть, и не живет в Лейдене, но убивать наших солдат он ходит вместе с лейденцами.

Все пропало! Он узнал меня. Теперь не вывернуться. Караколь стоял бледный, но спокойный. Эле тоже все понимала. Даже Помпилиус тихо заурчал.

— Доннер-веттер! — сказал Готескнехт. — Я нишего не понимал эта страна.

— А впрочем, — сказал дон Рутилио, — я готов пропустить этих циркачей, если при них не найдется ничего подозрительного. В последнем сомневаюсь. Вы, сержант, плохо знаете Голландию и тем хуже голландских детей. Любой из них в свои годы гораздо сметливее самого хитрого андалузского пастушка. Я говорю вам, сержант, что здешние дети вроде этого пострела вполне самостоятельные люди, заботы у них появляются чуть ли не с колыбели. И то, что мы беседуем сейчас о мальчишке, а не о том вон клоуне, говорит само за себя. Бьюсь об заклад, что они посланы с какой-нибудь пакостью от ван дер Дуса или Бронкхорста. Так что поищите у них в фургоне.

— Уже искаль, — мрачно ответил Готескнехт.

— Наверное, плохо искали, сержант. Впрочем, не одного вас дурачили. Два года назад сам герцог Альба остался в дураках. Он пропустил через свои заставы свадебный кортеж голландцев. Как выяснилось, это было оружие для мятежников. Так что ко всякого рода свадьбам мы питаем недоверие. Надо же! — Дон Рутилио оглядел меня с головы до ног. — Какой маскарад. Костюм маркенский, даже перья в шляпе. Только маленькая неточность: на свадьбу в здешних краях

приглашают двух мальчиков, а не одного. И уж во всяком случае не мальчика с девочкой.

Какой прохвост! Все знает. Можно подумать, что родился в наших краях, а не в своей Испании. Не успел я так подумать, как дон Рутилио сказал:

— Меня трудно провести. Я ведь с детства воспитывался во Фландрии.

Потом обернулся к Готескнехту:

— Так что вы нашли в фургоне, сержант?

— Нишего, — ответил Готескнехт. — Только таубе — голуби. Дас ист свадебный подарок, националь обычай.

— Национальный обычай в этих местах ненавидеть короля и веру, — сказал дон Рутилио. — Это прежде всего. А с голубями все ясно. Разве вы не знаете, каким образом осажденный город поддерживает связь с принцем Оранским?

— Вайс нихт, — сказал Готескнехт. — Я есть зольдат, нихт шпион.

— Напрасно, напрасно, — сказал дон Рутилио. — Солдату полезно знать про голубиную почту. А также про лиц, доставляющих голубей за линию осады.

— Их вайс! — прорычал Готескнехт. — Но это не мой компетенций!

— В таком случае поясняю, что связные с голубями подлежат смертной казни, — сказал дон Рутилио.

«Я И Ч Н Ы Й О Г О Р О Д»

Так вон чего задумал дон Рутилио! Смертная казнь! Это я-то в молодые годы должен лезть в испанскую петлю? А со мной Караколь и, может быть, Эле? Будем болтаться на деревьях, вместо того чтобы бегать под летним солнышком?

Ух и струхнул я тогда. Прямо поджилки тряслись. Тут выскочил вперед Караколь и затараторил:

— Почтенный сеньор, что вы сказали такое? Смертная казнь? Кого это казнить, сеньор? Неужели этих младенцев или, может, медведя, сеньор? Я смотрю, вы действительно хотите кого-то повесить, сеньор. Неужто меня? Да, именно меня, я так и понял. Увы, увy, приходится погибать за каких-то дурацких голубей. За моих голубков, сеньор. Это мои голуби, я голубятник, сеньор. Известный во всей Голландии Сизый

Нос Горбатое Крылышко. Ах, плакала моя головушка... И зачем я только повез этих голубков... Хотел загнать на амстердамском рынке. Плакала теперь моя головушка...

— Благородно, но неубедительно, — сказал дон Рутилио. — Тебя я не знаю. С таким горбом ты плохой вояка. А мальчик знаком. Мы с ним встречались в бою, правда? И может быть, на его совести не один убитый солдат. Возраст не оправдание. Нажать курок или пустить стрелу из арбалета может любой малыш. Вот если бы он был грудным младенцем, другое дело. Таких я не трогаю. Справедливость и порядок — мои принципы.

— Это не есть порядок — убивайт малшик, — пробурчал Готескнехт.

— А если мальчик убивает вас, такой порядок вам нравится? — спросил дон Рутилио. — В Хаарлеме такой же пострел прикончил десяток здоровенных рейтар. Ночью он подтащил к палатке бочонок с порохом и пальнул в него издали. Ваших как не бывало, только пепел сыпался с неба...

— Уррр! — прорычал Готескнехт. — Я мало понимал эта страна.

— Сеньор! — снова затараторил Караколь. — У вас что-то со слухом неладно. Говорю, ведь, что эти голуби...

— Молчать! — сказал дон Рутилио. — А то всех повешу. Мне показалось, что дон Рутилио разглядывает меня с интересом.

— Ума не приложу, — сказал он, — что с вами делать. Неужто и вправду повесить?

Мы замерли.

— Сержант Готескнехт, — обратился он к копейщику, — я завершу обход, а вы держите мальчишку до особого распоряжения. Может быть, им заинтересуется Вальдес. Парень совсем не дурак, должно быть, много знает о городских делах. Ждите приказа.

Дон Рутилио повернул коня и ускакал, а вслед за ним его конные латники.

Мы все перевели дух. По крайней мере, есть несколько часов, а там где наша не пропадала! Только бы коленки снова не начали трястись.

— Фуй... — отдувался Готескнехт. — Очень, очень смешной страна. Германия малшик не воевай, фуй... Я пропускаль один малшик город Гоорн прошлый год. Он вез свой больной муттер на санка. Я восхищаль этот малшик, фуй... Сейшас

я не имей вас пропускаль. Ви слышаль приказ этот испанский вояк, доннер-веттер?

— Господин сержант, — затараторил я, — у меня хорошая память. Сеньор приказал держать меня до особого распоряжения. Но ничего не сказал про остальных. Про медведя и про девочку. Даже про хозяина фургона. Это правда его голуби. Но я прикидывал купить их для свадебного подарка от Помпилиуса. Господин сержант, отпустите их всех, сеньор вам ничего не сделает. Он ведь хозяин своему слову.

— Уф, уф! — пыхтел Готескнехт. — Хитрый...

— Неужели это вы пропустили мальчика, который вез больную мать, господин сержант? Об этом рассказывали даже у нас.

— Удивительный поступок, гуманный поступок, — поддакнул Караколь. — Почему бы не отпустить еще одного, ведь он везет не мать, а всего медведя.

Эле стала утирать слезы. Не знаю уж, по-настоящему или нам подсобить решила. Она-то и доконала Готескнехта.

— Я решаль, — сказал Готескнехт. — Я отпущай фургон, собака, медведь, этот... голубья... как?.. Голубьятник и девотшка. Малшик дарф ниht, не мой компетенций.

Тут Караколь надулся и выставил ногу:

— Никогда! Никогда не поедем без Кееса!

Я подскочил к нему и тихо сказал:

— Всем нам не выбратся. Быстрее уезжайте! По дороге на Валкенбург есть брошенная мельница. Там ждите до утра. Если нет — значит, не выбрался. Голубей покормить не забудь.

— Ни за что! — снова сказал Караколь. — Хорош бы я был...

— Не рассуждать! — прошипел я, а кровь так и бросилась в лицо. — Приказываю... как адмирал... — Я прямо слов не находил. Хотелось дать затрещину, как Михиелькину.

— Ладно, адмирал, — грустно сказал Караколь. — Я выполняю приказ...

Он подошел к фургону, погладил Пьера и еще раз грустно посмотрел на меня.

Они уехали. Они уехали... А я повернулся и стал смотреть на Лейден.

Может быть, кто-то глядит сейчас в подзорную трубу и видит, что я сижу один среди усатых солдат. От них пахнет потом и луком. Может, увидит меня Сметсе Смее и протрубит былазку. Нет, вылазки запрещены.

Я почему-то вспомнил, как на улице Длинных Баранов видел нищую девочку. Был у меня в кармане кусок хлеба, но я не дал. Пожадничал. Эх, зачем я пожадничал...

Копейщикам нечего делать. Одни играют в кости, другие валяются в одних рубашках на сочной рейнландской траве. Смотрите не промочите спины, солдаты! Земля у нас — пальцем нажми, выпускает воду.

Они ходят, лениво ругаются, чешут друг другу спины. Обыкновенные люди. Неужели это они кололи, резали, отрывали головы, потрошили людей заживо, как было в Хаарлеме и Наардене? Неужели они распевали слова герцога Альбы: «Всади нож в каждое горло!»?

Уже далеко за полдень. Небо затянуло желтыми облаками. Поблескивает вода. Солдаты поели бобов со свининой. Дали и мне в помятом котелке. Интересно, добрался Караколь до мельницы? Туда ведь не больше часа.

— Очень скука, — вздыхает сержант Готескнехт. — Война некароший штук. Я был Париж. Париж я воевай против католик, за гугенот. Ви знайт гугенот? Гугенот отрывай голова католик. Католик отрывай голова гугенот. Париж я воевай против католик. Гугенот платить больше талер, дин-дин. Сейшас я воевай против гугенот. Ви есть тоже гугенот, голланд — гугенот, кальвинист. Ви понимай? Сейшас католик платить больше талер, дин-дин.

— А Париж большой город? — спросил я.

— О да! Совсем большой город. Больше Амстердам десять раз. Очень грязь, о да, очень. Больше Амстердам десять раз.

Я спросил:

— Зачем же воевать, если война вам не нравится?

— Зашем? Сержант Готескнехт желай новый дом Гронау. Зашем... Я не любил католик, я не любил гугенот. Они отрывай голова друг друг. Ви слышаль ночь святой Варфоломей? Фи! Мне чуть не отрывай голова этот ночь. Католик побеждай, имей больше дукат, флорин, пистоль, талер. Сейшас я воевай за католик. Дас ист майн летцтер криг — мой последний война... Ох, — вздыхает сержант, — очень скука... Бедный малшик. Надо играть мяшик, тук-тук, нельзя стрелять бочка порох.

— А вы знаете игру «яичный огород»? — спрашиваю я сержанта. — У нас целый май в нее играют.

— О! Ти можешь играть своя игра, — разрешает сержант.

— Один я не могу. Это очень веселая игра, господин сержант. Давайте поиграем вместе. Увидите, как будет весело.

Целые полчаса я объяснял правила. Солдаты собрались в кружок и слушали. Если и вам не доводилось играть в «яичный огород», послушайте, как это делается.

Вдоль дороги раскладывают несколько дюжин яиц. Рядом с первым стоит бочка с водой, а в ней плавает яблоко. Один человек должен поймать ртом и съесть это яблоко, руками трогать нельзя. Другой в это время сломя голову мчится по дороге и собирает яйца в лукошко. Ни одно не должен разбить. Кто справится первым, получит в награду лукошко.

Сколько раз я играл в «яичный огород»! Почему бы не сыграть еще разок, тем более я кое-что задумал.

Один солдат согласился со мной потягаться. Яйца и прошлогодние яблоки, конечно, нашлись. Наверное, награбили поблизости,

Примерно на сотне шагов мы разложили дюжины две яиц. В бочонок с водой бросили большое, еще крепкое яблоко.

— Форвертс! — крикнул Готескнехт.

Я помчался по дороге, быстро подбирая яйца. Конечно, тут без сноровки не обойтись. Я не оглядываясь знал, что копейщик мучится с яблоком, стараясь его укусить. Оно отпрыгивает, он гоняет яблоко носом и не успеет съесть и половины, когда я вернусь. Я слышал, как гомонили и хохотали солдаты.

Конечно, я победил. Соперник с мокрым красным лицом смеялся вместе со всеми.

Теперь мы поменялись ролями. Я занялся яблоком, а тот побежал по дороге.

Есть тут один секрет. Надо сразу прижать яблоко к краю бочки, быстро опускать голову в воду и откусывать по большому куску.

Не успел он вернуться, раздавив несколько яиц, как я уже проглотил отрывок. Пустяковое дело. Доедая яблоко, я даже успел поразмыслить над тем, что видел, когда сам собирал «яичный огород».

Значит, сотня шагов. Если прибавить еще сто, начнется поворот, обсаженный густой ивой. Пока они разберутся, успею добежать до тропки, ведущей налево. А там заросли боярышника — ищи-свищи!

— Давайте разложим вдвое больше яиц, — сказал я другому солдату. — А яблоко вам поменьше. Все равно за мной будет победа.

Яйца разложили так, как я рассчитал. До поворота оставалось каких-нибудь десять шагов. Начали!

— Форвертс, Пауль! Зиг хайль! — заорали солдаты.

Я побежал быстро, как мог. Копейщики гомонили, поддерживая своего Пауля. Я мчался, пропуская яйца, теперь не до них.

А тут еще краем глаза заметил, что со стороны Мары скачут всадники. Неужели за мной? Я подбирал последние яйца, когда за спиной раздался топот копыт. Еще немного! Вот поворот!..

Я бросил лукошко и оглянулся. Дон Рутилио! Он даже не гнал коня, и тот, пританцовывая, догонял меня.

В горле горело. Я бежал чуть не падая. Только бы успеть до боярышника, только бы успеть! Вот тропинка и поворот...

— Зачем же бежать? Нехорошо!

Это голос дон Рутилио. Совсем близко. И топот копыт. Боярышник, неужели не укроешь меня? Вот уже твоя густая стена, облако розовых бабочек. Еще несколько шагов, еще...

— Ах, как плохо! И бесполезно. Куда же ты мчишься?

И вдруг — бац-бац! — два оглушительных выстрела над моей головой! Я шлепнулся на землю. В меня? Я убит? Тишина. Какая-то букашка щекочет мой нос. Разве я жив? Я поворачиваюсь, поднимаю голову.

Передо мной, безумно поводя глазом, стоит черный конь. На его крупе, раскинув руки в белых кружевах, лежит дон Рутилио.

Потом я вижу Караколя. Он стоит в кустах боярышника, прижав к груди дымящийся трехствольный пистолет.

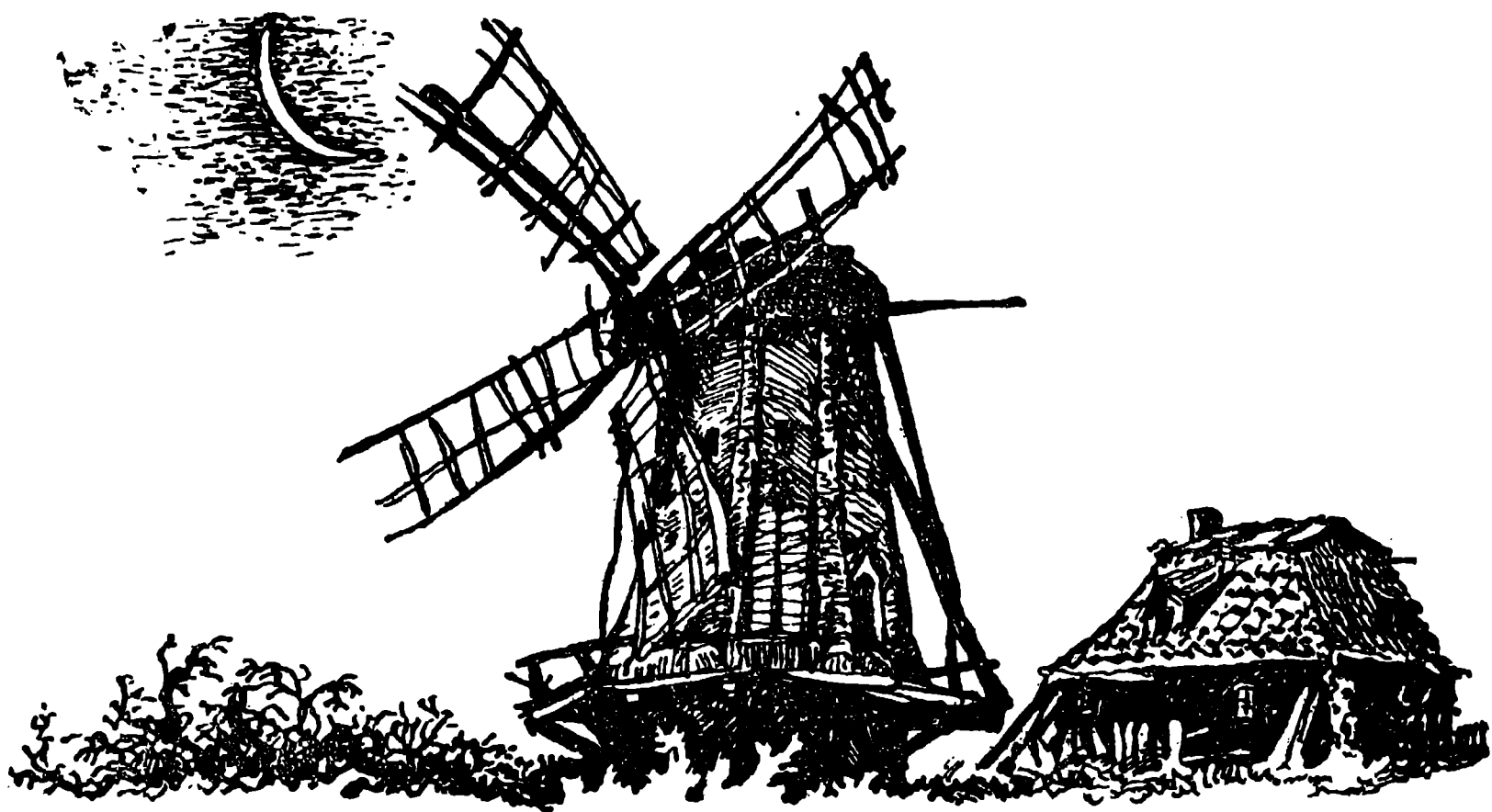

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
РАЗВИЛКА „КАПКАН“

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

Мы мчались через кустарник, царапая в кровь руки и лица. Сзади, как ни странно, было тихо. За нами никто не гнался. Только потом, когда отбежали порядочно, услышали два-три выстрела. Видно, поздно они спохватились, а может, не стали прочесывать боярышник. Да где уж, тут нужно не меньше полка...

В ложбине мы перевели дух, и я спросил:

— Где пистолет?

Но Караколь не ответил. Он встал на колени, сложил на груди руки и уставился в небо. Потом сказал:

— Неужели я убил человека?

Я ему говорю:

— Смотря куда попал. Если в лоб, то, конечно, наповал. А если, например, в грудь, то там у него панцирь.

— Я ведь хотел напугать, — говорит Караколь. — А панцирь, ты думаешь, выдержит?

Я ответил, что смотря какой. Если, например, нидерландский от мастера Лешо, то, наверное, выдержит. А если испанский или французский, то вряд ли. Тут я пустился рассказы-

вать все, что знал о панцирях от Сметсе. Но Караколь возмутился:

— Болтаешь в то время, как мы убили человека!

Я стал говорить, что это почти и не человек, а потом не обязательно убили. Может, он от страха хлопнулся в обморок. А сам думаю: нет, уж точно Караколь вlepил в него пулю, а может, и обе. Не такой человек дон Рутилио, чтоб испугаться пистолетного выстрела.

— Ты думаешь, в обморок? — спрашивает Караколь. — Может, он просто притворился? Думал, что это лесные гезы...

Тут я пустился враз, что видел этого дона еще на вылазке, что он ужасно трусливый, все время держался сзади, даже меня испугался, когда я погрозил кинжалом. Уж точно он притворился мертвым, иначе почему не упал с коня, а разлегся на нем, как на постели?

— Да вот и я думаю, — говорит Караколь, и руки у него перестают трястись. — Я ведь стрелял прямо в небо, как же в него попал?

Вот так и попал, думаю про себя. Прямо в лоб. И нечего тут хныкать из-за какого-то испанского дона. Они из-за нас не хнычут. Меня, например, собрался повесить. И очень здорово влетело ему за это...

Самое неприятное, что я остался без пистолета. Караколь из него пальнул, подержал, а потом бросил. Жалко, что я не заметил, успел бы подобрать. Но разве тут что-нибудь скажешь? Ведь Караколь спас мне жизнь. Оказывается, он спрята! фургон в боярышнике, Эле велел сидеть тихо, а сам вытащил пистолет и пошел обратно. Как знал, что помощь его пригодится.

Мы сделали две-три петли и вышли к фургону. Испуганная Эле пряталась в кустах, она слышала выстрелы. А Пьер с Помпилиусом хоть бы хны! Помпилиус гулял по лужайке, нюхал цветы боярышника, аккуратно срывал и пробовал на вкус. Пьер подремывал, а когда увидел нас, встал и вильнул хвостом.

Мы дали голубям пшена, а потом стали думать, как быть. Дело шло к вечеру. Небо превратилось в серую перламутровую раковину, над морем оно теплилось розовым светом, туда уходило солнце.

Я предложил ночевать на мельнице. Той самой, о которой говорил Караколю. Когда-то она, видно, откачивала воду с польдера — низкого луга, но теперь это место осушили, а ветряк сильно осел, и ось его перекосилась,

Эту мельницу я хорошо знал. Издали она похожа на огромную накренившуюся стрекозу. Я проходил мимо несколько раз, когда приносил с моря корзинки с ракушками. Михиелькин клялся, что ночью ветряк выпрямляется и начинает махать крыльями, а на каждом сидит ведьма с метлой. Он уверял, что про это говорится даже в загадке:

Четыре старушки
летят друг за дружкой,
не могут друг друга поймать.
Попробуй теперь угадать.

А я говорил, что отгадка не такая, просто четыре мельничные крыла, вот и не догонят друг друга. А Михиелькин спрашивал: зачем же крыльям друг за другом гоняться? А ведьмам тогда зачем? Михиелькин объяснял, что у одной ведьмы помело получше, а у другой хуже, вот они и хотят отнять.

Таким басням я не очень-то верил, поэтому считал, что можно переночевать на мельнице. Не в башне самой, а в домике мельника. Конечно, никакого мельника теперь там не было, и это нам на руку.

Но Караколь не согласился. Он сказал, что дом мельника первое место, куда могут пожаловать солдаты Филиппа. Поэтому лучше переждать в лесу до рассвета.

Мы отыскивали сухую дубовую поляну, загнали фургон под низкие толстые ветки и улеглись спать. На западе небо еще слабо светилось, так что время было не позднее. Я вспоминал прошедший день и никак не мог заснуть. А тут еще ведьмы, о которых говорил Михиелькин... Неужели и вправду катаются на ветряках?

А правую ступню словно жжет. Там в каблуке кломпа есть небольшое отверстие. Такие башмаки делают на заказ, в отверстие вставляют колокольчик, и получаются кломпы — тин-тон — со звоном. На праздник оденешь — все оборачиваются.

Отец Михиелькина, башмачник Кукебаккер, делал такие кломпы. Они висели в мастерской целыми связками. Одна пара досталась Михиелькину.

Когда господин ван дер Дус дал мне свинцовую трубочку и вставил туда бумажный листок, я сразу сообразил, куда это спрятать. Михиелькин отдал мне праздничные башмаки, мы вытащили колокольчики и запрятали письмо. «В Дельфте передашь Мартину Виллемсзоону, — сказал ван дер Дус. — Ты знаешь, кто такой Мартин Виллемсзоон?»

Мне рассказали, что так называют принца Оранского, чтобы испанцы не догадались; узнал, что названия месяцев года заменяют знаками зодиака; что на пение жаворонка нужно отзываться криком петуха. Всему научил меня Сметсе Смее, «Теперь ты настоящий гез, — сказал напоследок, — потому что взялся за дело, опасней которого не найдешь. Не вздумай поэтому попадаться, никто не посмотрит, что ты малолетка».

Сметсе как в воду смотрел. Дон Рутилио не собирался со мной нянчиться. Доберись он до меня по-настоящему, наверное, и письмо бы выудил, такой дошлый.

Интересно, прав Михиелькин насчет ведьм? Кукебаккеры приехали в Лейден из Брабанта, а брабантцы любители верить в разную чепуху. Но все-таки?

Я встал потихоньку и пошел в сторону мельницы. Решил своими глазами увидеть, а потом уж втолковать Михиелькину. Не очень было темно. Сквозь дымку пробивался бледный серп луны. Он зацепился как раз за одно из крыльев ветряка.

Ведьмы начинают летать после полуночи. Судя по месяцу, было такое время. Я решил наблюдать из домика мельника: спокойней все-таки, если дверь за тобой закрыта.

Не успел я пробраться в пустой дом, как рядом затопали копыта. Матерь божья, неужели ведьмы на лошадях? Но оказалось — люди. Они спешили у дверей, тихо разговаривая. А вдруг солдаты? Я кинулся в угол и спрятался за какой-то бочонок.

Они вошли. Два человека. Зажгли на столе свечку, придвинули скамейки.

Один сказал хрипло:

— Горло бы промочить. Хозяин, слышь, давай выпьем!

— Сначала о деле, — сказал второй, — пить будем потом.

Тридцать три якоря в бок, если это не голос Слимброка! Вот ведь где он оказался! А этот? Разве кто-нибудь из его слуг? Что-то не припоминаю.

Я осторожно выглянул из-за бочонка. Но мало что разглядел. Слимброк сидел боком, а тот, кто назвал его хозяином, — спиной.

Хриплый сказал:

— Обделаем дельце, не сомневайся.

— Вот здесь подпиши. — Слимброк положил перед ним бумагу.

— Хо-хо! Да я, может, писать не умею.

— Ставь крест.

— «Ставь крест», тьфу! Кресты покойникам ставят. Ну ладно, давай подпишу. Но ты мне тоже подпишешь.

— А я тебе что?

— Как что? Грех беру на душу. А за кого? Вот ты и напишешь, что за тебя. Все пригодится бумажка на том свете. Не за так, мол, прикончил, за пятьсот флоринов. А боженька в деньгах понимает. Ты знаешь, сколько я индульгенций у вас, толстосумов, понакупил?

— Я не продаю индульгенций.

— То-то, не продаешь. Знаю я вашего брата. За каждого конченного индульгенцию покупал, правда из его кармана, ха-ха!

— И много на тот свет отправил?

— Я? Спрашиваешь! Уж если за дело возьмусь, кишки на деревьях развешу! Один раз, веришь иль нет, ха-ха, смех разбирает... Встретил на дороге монаха. Что, говорю, брат, продаешь индульгенции? А он, продаю, отвечает. Отравление — одиннадцать дукатов, простое убийство — пять дукатов, и пошел, и пошел, черная корова... А я ему: святой отец, мне бы простое ограбление. Пожалуйста, говорит, всего один дукат. Ну, я купил у него и тут же, ха-ха, тут же обобрал его до нитки! Спасибо, говорю, святой отец, что заранее отпустил мне грешок... Ловко я, а?

— Много болтаешь, — сказал Слимброк сухо. — Учти: если проговоришься, на краю света найдем.

— Плевал я на вас. Кто вы такие?

— Мы такие, что тысячу подобных тебе из-под земли вытащим и в землю опять закопаем, живьем.

Слимброк сказал так зловеще, что хриплый примолк. Потом пробурчал:

— Ну и банда у вас! Далеко моим ребятам до вас, душегубов.

— Наоборот, мы спасители душ.

— Рассказывай... То-то, смотрю, пятьсот флоринов за спасение платишь.

— На небе его душа очистится от грехов земных.

— А моя-то, моя как же?

— Это еще заслужить надо, Железный Зуб.

Как? Я не ослышался? Тот хриплый и есть Железный Зуб? Разбойник, которого боятся в Голландии и во Фландрии? Рассказывали, что на голове носит шлем с острым стальным рогом. Когда нападает, бьет прямо в грудь, и никакой панцирь не спасает от страшной раны. Я всматривался из-за

бочки, но в трепетном свете не мог разглядеть, есть ли что-нибудь у него на голове.

Тогда кто же Слимброк, если его побаивается сам Железный Зуб? Всегда мне казалось, что хозяин мой не простая птичка. Так оно и оказалось. Нужно держаться от него по-дальше.

— Расписочку не забудь, — сказал Железный Зуб. — Что не мне этот покойник нужен, а вам.

— Сначала сделай покойником.

— Моя забота. Тут по округе человек шляется, весь в черном, не ваш?

— Какой человек?

— Крестики ставит, подсчитывает. Хотел было его на тот свет отправить, да подумал: может, ваш? С вами лучше не связываться.

— Потише!

— А я что? Одним делом, говорю, заняты, души спасаем, хо-хо! На том свете оно ведь спокойнее.

— Остальные пятьсот, когда узнаем, что дело сделано.

— Дешево платишь. Да ладно. Вино, говорил, есть или пиво?

— И то и другое.

— Какое вино?

— Рейнвейн.

— С него и начнем.

— Возьми там в углу. Еще полбочонка осталось.

Железный Зуб встал, опрокинув скамейку, и тут же я оказался на виду перед всеми, потому что прятался за тем самым бочонком.

— Вот те на! — сказал Железный Зуб. Бочонок у него в руках, ноги расставлены, а свет падает прямо на меня.

— Это что, твой шпик, хозяин?

Слимброк обернулся и уставился на меня:

— Кеес?!

Оцепенение длилось недолго. Я вскочил и кинулся к двери.

— Куда? — заорал Железный Зуб и уронил бочонок.

Бум! Бочонок подпрыгнул, пол дрогнул, качнулась свеча, упала и тут же погасла.

В темноте я каким-то чудом проскочил в полуоткрытую дверь и сломя голову кинулся в кусты.

— Поймать! — крикнул Слимброк.

Трещали сучья. За мной слышался топот и ругань. Я долго

бежал, ныряя под ветки кустов. Тем, кто за мной гнался, пришлось куда хуже — кусты хлестали их по лицу. Так что минут через пять я перешел на шаг и долго еще плутал, не разбирая, куда несут ноги.

МУДРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ КАМПЕНА

Ночью я спал в стоге сена. Костюм измялся и вывалялся в пыли, так что теперь я уже не был похож на маменькиного сынка. Скорей на бродяжку, но это мне больше подходило.

Утром, сделав большую петлю, я вышел к месту, где остался фургон, но там его не нашел. Что, если Слимброк и Железный Зуб поймали моих ребят? Об этом я даже думать не мог. Искать их? Но где?

Если им повезло, то где-нибудь на дороге нагоню. А если они повернули на север? Нет, вряд ли, ведь так не миновать испанской заставы.

Интересно, довезет ли Караколь голубей без меня? Выполнит ли приказ адмирала?

А правую ступню словно жжет. Скорей бы отвезти письмо в город Дельфт, к Мартину Виллемсзоону. Наверное, Мартин ждет.

Интересно, почему принца Оранского прозвали Молчаливым? Очень мне интересно на него взглянуть. Доберусь ли? Ведь этот человек давно поднимает народ на борьбу с испанцами, хотя при дворе Филиппа ему сулили всякие милости.

Я вышел на дорогу и решил ждать попутчиков. Одному идти неудобно, будут все приставать: куда да зачем. А так сочиню разок, и хватит до конца пути.

Вдали показался осел. Ехал на нем человек, наверное, очень высокий, потому что ноги волочились по земле. Тощий такой человек, в черной одежде, на голове что-то похожее на скворечник. Нос большой, а очки маленькие, — казалось, это два колечка, повешенные через забор.

— Эй, мальчик! — закричал он пронзительным голосом. — Мальчишка! Ты, ты самый! Ну-ка постой, постой, говорю!

А когда подъехал, сказал:

— Маленький господин, вы здешний?

Я даже хотел затылок почесать, так меня это удивило. То «мальчишка», то «господин».

— Да... то есть нет, — говорю, — я с острова Маркен.

— Ах, Маркен... — Он пошевелил губами, сделал из них крендель, потом баранку и громко сказал: — Маркен? В Японии! Я знаю. Молчать!

Потом снова зашевелил губами.

— А вы не знаете, как проехать в Рим?

Он вытащил большую засаленную тетрадь и стал водить по ней пальцем.

— То есть сначала не в Рим, а в Мадрид. Даже в Париж.

Вдруг он выпучил глаза так, что очки, казалось, лопнут, и закричал:

— Имя! Полностью, не задумываясь!

Я испугался и бухнул первое, что пришло в голову:

— Питер де Схоорнстеенвегер!

— Де Схоорнстеенвегер? Трубочист? — Он схватил меня за плечи, стал поворачивать и бормотать: — Так, трубочист... Это нужно. Давно у нас в Кампене трубы не чистят. Был один, разъелся, теперь в трубу не влезает... Мальчик! — сказал он. — Поедешь со мной. Сначала в Рим, потом в Кампен. — Снова забормотал: — Одна труба, вторая... так... у губернатора... трмрмм... Вероисповедание! — закричал он, и я опять вздрогнул. — Католик, реформат?

Хотел было я сказать, что вера моя против испанцев, но побоялся. Кто знает, чем занимается этот чудной человек.

А в самом деле, какой я сейчас веры? Спрашивай хоть на Страшном суде, и то не скажу. Потому что не знаю. Во всяком случае, не католик, потому что католики заодно с испанцами. А кто же? Наверное, целый десяток вер бродит сейчас по Нидерландам.

Тут надо бы, конечно, разобраться, да времени не хватает.

Я уже сколько лет не ходил в церковь, не молился, не причащался. Так что это мое слабое место. Спрашивайте о чем угодно, только не про веру. Тут я вам даже врать не стану — темное дело.

— Так что же, не знаешь? — спросил меня тот человек.

Я и ответил, как получилось:

— Не знаю, господин, позабыл.

Он вытащил чернильницу, перо и, бормоча под нос, сделал в тетрадке какой-то крестик. Потом спрятал чернильницу, засунул перо за пояс и заговорил не скрипучим, а даже приятным голосом:

— Видите ли, маленький господин, э-э, вы из Китая? Так вот живем мы в городе Кампене. Там очень много мудрых

людей, очень... — Он на мгновение задумался. — Действительно, много мудрых людей... Что же творится в Голландии, Фландрии, Германии да и у вас в Японии? Какие-то католики, гугеноты... Никто не знает, сколько тех и других. Э-э... Возник замечательный замысел — пересчитать всех поголовно, э-э... отдать список папе... э-э, разве нет?

— Конечно, господин, очень хороший замысел.

Он снял свой скворечник, подставил ветерку маленькую лысую голову и повторил задумчиво:

— Очень, очень много мудрых людей... Но трубочисты тоже нужны. Ты поедешь со мной. Представлю тебя самому папе. Ты хочешь поцеловать римского папу?

— Очень хочу, господин.

— Мы поцелуем его вместе. Он ошалеет от радости, когда я отдам ему поголовный список... Можно прочистить ему дымоход. Да, он ошалеет, все они ошалеют, все! — Он начал размахивать руками. — Придет день, блмлбуль, когда все поголовье...

Тут он схватил за грудки проходившего мимо крестьянина и заорал:

— Католик, реформат? Отвечай, когда говорит мудрый и великий, плъмль-ввв...

Крестьянин так испугался, что повалился на колени и запричитал:

— Смилуйтесь, господин! Я всегда платил налоги и отдавал десятую часть! Смилуйтесь, господин...

— Папист, лютеранин?

— Нн-не знаю...

— Так... — Мудрый человек из Кампена поставил крестик и задумался. Потом сказал: — Большинство не знает. — Он снова повернулся к крестьянину: — А вы не скажете, добрый земледелец, как проехать во Францию?

Крестьянин вытаращил глаза и только махнул рукой — туда!

Мы тронулись прямо на Францию, а проще — в сторону Гааги, но до нее было еще далеко.

— Мудрилой меня зови, — сказал человек из Кампена. — Все меня так называют. От слова «мудрый», понимаешь? — Потом добавил задумчиво: — Есть мудрые люди в Кампене, есть. Даже такие, как я. Ну, не такие...

День был такой приятный. Птички цвинькали. Крестьянки в полосатых юбках пололи огороды, мужчины косили траву. Июль, месяц роз. Поспевают на полях разные вкусные вещи.

Сладкий горошек, репа, бобы и салат. Капуста величиной уже не с кулак, а с хорошую голову. Коровы, черные с белым, бродят по колено в траве. В землю вколочены китовые ребра, чтобы тереть им свои бока. Хороший месяц июль, сейчас бы на море, купаться...

Справа открылась деревушка, и Мудрила повернул туда. Ворота здесь тоже из челюстей и ребер кита, — наверное, были в деревне свои моряки.

Перед ратушей на зеленой лужайке карапузы играли в «дуй-ветер». Подбрасывали палкой тряпичный мяч и с криком «ду-у-уй!» разбегались.

Один клоп никак не мог поймать мячик. Я бы его научил. Не надо суетиться, стой на одном месте, а потом сразу бросайся, куда падает мяч.

В раадхейсе была и харчевня, и постоялый двор, и цирюльня.

Так что, несмотря на рабочий день, несколько человек здесь толкались.

Мудрила слез с осла и сразу взялся за дело.

— Эй, буры! — закричал он. — Крестьяне! Подходите сю-

да, все подходите! Я вам втолкую в крутые лбы, откуда у нас вражда! Подходите, почтенные землепашцы! Человек из Кампена научит вас, что делать!

Никто не удивился такому обращению. Наверное, много повидали последнее время и проповедников, и шутов, и просто болтунов.

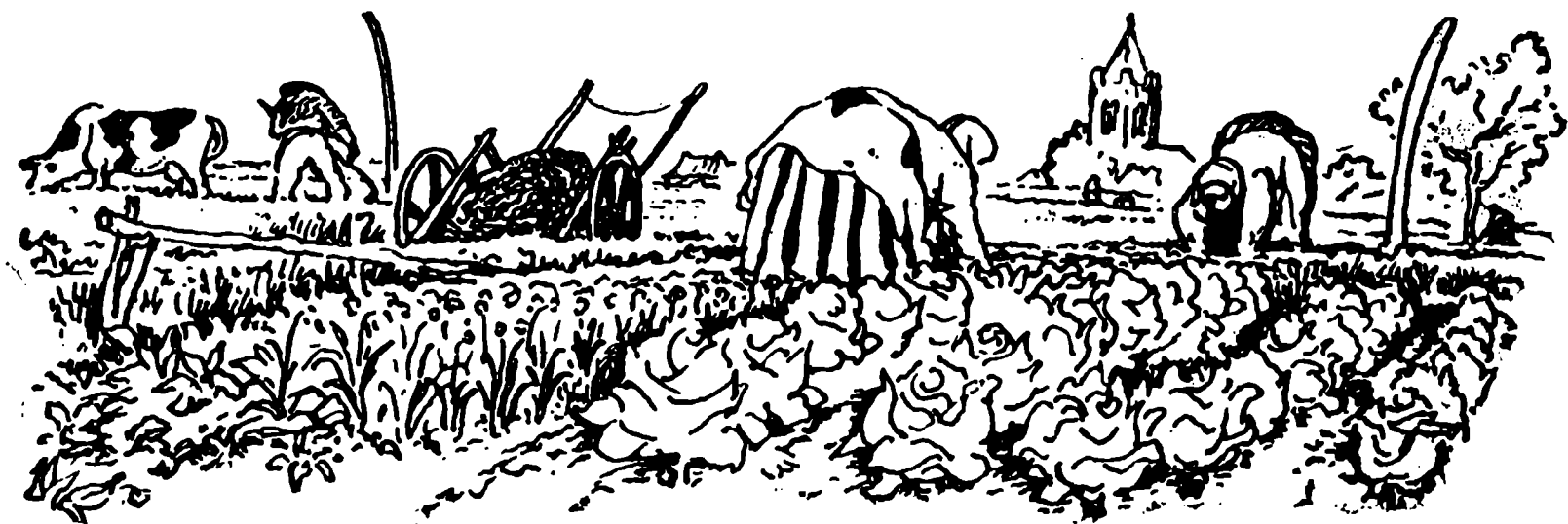
Подошли несколько человек, а среди них я заметил крестьянина, которого мы напугали на дороге. Карапузы бросили играть и столпились вокруг нас.

— Эй, вы! — закричал Мудрила. — Католик режет реформата, реформат — католика! Какая неразбериха! Безобразие! А все почему? Потому что папа не знает, сколько тех и других. У него нет точного списка. Когда он узнает, сколько на свете католиков, реформатов и прочих умников, он просто поделит между ними землю! А разве он может сейчас поделить? Отдаст, например, адамитам Фландрию, а их всего-то пять человек. По крайней мере, я насчитал только трех! И еще много таких, которые вообще ни во что не верят. Им надо отдать какую-нибудь страну подальше.

Люди вдруг стали переговариваться. Крестьянин что-то шептал соседу. Малыши стояли засунув пальцы в рот. Я чувствовал, что наша речь не совсем нравится, и стал потихоньку отступать в сторону.

— Крестьяне! — Мудрила вытащил перо и тетрадку. — Сейчас каждый скажет свое имя и честно признается, католик он, реформат или безбожник. Пусть папа изучит свое поголовье!

На мгновение стало тихо. Потом заговорил знакомый крестьянин:

— Не верьте! Это шпион инквизиции! Иезуит! Он сам мне сказал, что он Великий Инквизитор! Хватайте! Он донесет на нас Тительману! Хватайте вместе с чертенком!

Тут же нас сцапали. Сшибли с Мудрилы скворечник, отняли тетрадку. Кто-то тащил головешку.

— Сжечь ее, сжечь! — кричали буры.

Тетрадка загорелась, а Мудрила ползал по земле и шарил ладонью.

— Очки!.. — говорил он. — Невежи! Отдайте очки!

— Запрем их сначала! В кузницу к Питерсу! Эй, Питерс, открывай кузню, посадим их до утра. А там решим, что делать.

Я начал пищать: мол, дяденьки, я ни при чем, и даже хотел запеть жаворонком, но раздумал. Это всегда успею, есть еще время поразмыслить. Тайну лучше хранить при себе.

Хлопнули двери, брякнул засов, и мы оказались в темноте.

КАК ВЫГНАТЬ САТАНУ

Здесь пахло углем, железом и кожей. В стене было маленькое окошко с решеткой. Глаза скоро привыкли, и я стал оглядываться.

Мудрила размахивал руками и ругался на чем свет стоит:

— Бараньи лбы, козероги! Сожгли мой доклад папе! Всех разогнать, сослать! В самоедскую землю, к медведям. Я их проучу! Они меня будут помнить.

Теперь он меня даже смешил. Хорошо еще, очки его нашлись, а то давно бы расплющил нос о стену.

Решетку я подергал, но она была прочная. Тяжелая наковальня, мехи из толстой кожи, каменная печь — все сделано на век.

Так мы сидели до вечера. Еды нам не дали. Мудрила рассуждал:

— Народ любит подраться, ох любит! Медные лбы. Сожгли мой доклад. Ерунда, я и так помню. Пусть сожгли. Сатана, сатана сидит в каждом доме!

Потом он снова забормотал, что в Кампене много мудрых людей. Только вот трубочист растолстел, дымоходы не чищены, а дым мешает радумьям.

— Неужели не догадаются? — Он хватался руками за голову, надевал и снимал очки. — Печки надо перестроить, дымоходы расширить, тогда он пролезет! Трубочист! — Он схва-

тил меня за руку. — Возвращаемся в Кампен, быстрее! Ты маленький, ты пролезешь. Надо успеть вычистить трубы, а то мудрецы перемрут.

Так он шагал из угла в угол, пока совсем не стемнело. Мне надоело слушать про дымоходы, и я спросил:

— А где это самоедская земля?

— Далеко. — Он махнул рукой. — Там, где все время зима.

— А если зима, то как живут люди?

— Так и живут. Натираются салом, сдирают шкуры с медведей и в них заворачиваются. Потом ложатся в берлогу и спят до весны.

— А весна все-таки есть?

— Что ты болтаешь? — закричал он. — Говорят, там одна зима!

— Вы сами сказали.

— Молчать! Что сказал, то и есть!

Я все-таки не понял, бывает ли там весна. И спросил:

— А вы там были?

— Пока еще нет. Мой брат туда ездил в лекари нашивать. А его прогнали, сказали, что ничего не умеет. Ну это как раз правда. Мой брат ничего не умеет.

Мудрый человек было уговорился и даже похрапел немного. Но тут же проснулся и принялся за свои дымоходы.

— Расширить их надо, расширить! В самоедской земле потому и холодно, что нету печей. Туда всех сослать, болванов! Сначала был трубочист такой тощий, что пролезал в трубу и не пачкался. Потом растолстел и стал вылезать черный... — Он вдруг остановился и быстро спросил: — Сатана какого цвета? Не помнишь?

Я сказал, что, по-моему, черного.

— Все ясно, — тихо сказал человек из Кампена. — Как же я раньше не догадался... Понял, понял! — закричал он. — Я понял, почему пошла смута! Трубы не чищены, вот почему! Наверно, везде засорились дымоходы, и в них стал жить сатана! Ура, я понял! Не надо к папе! Нужно просто вычистить трубы! Давай за дело. Сейчас же! Ты где?

Я ответил, что здесь.

— Давай будем чистить трубу в этой кузне! Увидишь, мы выгоним сатану наружу! Здесь, потом дальше! Дойдем до самого папы и вычистим у него трубу! Он просто ошалеет от радости. Давай, трубочист, принимайся!

Я сказал, что мне не очень хочется. Не нравилась мне эта

затея. Во-первых, страшновато: а вдруг в трубе и на самом деле сатана? Потом, с какой это стати я буду мазаться?

Но тут я сообразил, что так можно вылезти на крышу. Лазят же трубочисты. Да и сатана там устроился вряд ли. Ведь если печь затопить, жарковато ему будет. Нет, не станет сатана жить в дымоходе, так ведь и шерсть обгорит.

Поэтому я согласился.

Мудрила даже не обратил внимания, что нет у меня ни лесенки, ни веревки — всего, что полагается трубочисту.

В кромешной тьме мы разыскали печь. Я влез в огромную топку и тут увидел слабое синеватое пятно. Это лунное небо светило в дымоход.

Дело это было попроще, чем ночная вылазка. По неровной кладке я стал подниматься наверх. Мудрила внизу нервничал и все подгонял:

— Смелее! За дело Христа! Потом сразу в Рим, устроим головомойку!

Целые хлопья сажки летели на меня сверху. Сажа на ощупь мягкая, как пух. Ну и хорош я буду! Да ладно, только бы вылезти наружу. Открою засов, выпущу этого мудреца, и надо сматывать удочки. А то не открестишься завтра.

Я вылез из трубы и сел на крышу. Вдали над лесом висела луна. Деревня уже спала, только на самом конце мутно желтело окошко. Одним скатом кузня выходила на площадь, другим во двор. Я было хотел сползти, как услышал мягкий топот копыт. Через площадь проехал всадник и спешился у ворот кузнеца. Он не заметил меня, потому что я сидел в тени трубы.

— Эй, Питерс! — хрипло сказал человек.

Голос мне показался знакомым.

Калитка открылась, и вышел другой. Они заговорили вполголоса, я разбирал только отдельные слова.

Тогда я перелез через конек на неосвященный скат и подобрался к самому краю крыши. Сам уж не знаю, какое разбирало меня любопытство.

Слышно стало получше. Сюда наклонялось большое дерево. Я взялся за ветку и снова перелез через конек. Теперь я уже был накрыт листвой, но устроился неудобно: какая-то доска шевелилась подо мной. Если бы не тонкая ветка, то вряд ли удержался бы на скате. Зато хорошо разбирал слова.

— Еще одно дело, — сказал хриплый голос. — Отдашь пузырек.

— Он в кузне.

- Неси.
- Там заперты двое.
- Кто такие?
- Болтали на площади, Якобс говорит, шпионы.
- Какие шпионы?
- Не знаю. Говорит, инквизиции.
- Плевать. Я сам инквизитор.
- Он ставил какие-то крестики против фамилий. Так говорил, что я ничего не понял. Да мало ли сейчас дураков. Такая неразбериха кругом.
- А может, он не дурак.
- А кто же?
- Слуга сатаны! — Хриплый засмеялся. — В чем он одет?
- Весь в чёрном.
- Так и есть. Знакомое дело. Давай-ка быстрее пузырек.
- Ты что, разучился работать ножом?
- Я умею не только ножом. Могу в тебе сделать дырку с кулак.
- Я знаю.
- А тут дело тонкое. Поднес человеку, глядишь, а он уже на том свете.
- Тише ты говори! Те двое могут услышать.
- Какое им дело.
- Сам говорил про слугу сатаны.
- Я сам сатана.
- Не греси.
- Мне за грехи платят. Деньги получены.
- Денег-то много?
- Все у меня. А тебе вот десять флоринов за помощь. Хорошее зелье?
- Без запаха. Капельки хватит.
- Неси.
- А как же те двое?
- А что мне те двое?
- Свидетели все-таки. Ты сам говорил, чтоб ни одна душа...
- «Душа, душа»... — Хриплый прокашлялся. — Свидетели нам ни к чему. Зачем ты связался?
- Это не я. Все вместе схватили и заперли.
- Кто второй?
- Мальчишка.
- Мальчишка?

— Да, лет двенадцати.

— Интересно. Один мне уже попадался. Ну-ка идем посмотрим.

Я уже и сам догадался, а тут сказал еще Питерс:

— Неужели прибьешь мальчишку? И грешник ты, Железный Зуб.

Так и есть! Я чуть было не скатился с крыши. Железный Зуб! Его хриплый голос.

— Мальчишка... — пробормотал разбойник. — Нужен мне больно мальчишка. Мне продали жизнь человека куда поважнее. Мартин Виллемсзоон его кличут. Может, слышал?

От неожиданности я повернулся неловко. Доска подо мной поехала. Я выпустил ветку и с грохотом покатился по крыше. У самого края мне все-таки удалось зацепиться, я даже привстал, но не удержался; зато полетел не вверх тормашками, а спрыгнул, как прыгали мы с высоких дюн у моря.

Я очутился прямо перед Железным Зубом и Питерсом. Матерь божья риндбибельская! В эту секунду я ничего не соображал...

Но что тут случилось!

Увидев меня, Питерс побелел и выкатил глаза.

— А-а-а! — заорал он истошно. — Сатана! Сатана!..

Я говорю — побелел, а вы, может, думаете: вот сочиняет, как это он во тьме разглядел? А я вам готов поклясться, потому что лицо стало похоже на кочан капусты, и никакая темень не превратила бы его в румяное яблоко.

Железный Зуб, видно, тоже струхнул. Он прыгнул к коню, ударил его и взгромоздился уже на ходу, животом. Только ноги дрыгались в воздухе.

А Питерс помчался через площадь с воплем:

— Сатана! Сам сатана!..

Такой поворот дела меня ошарашил. Я даже присел на корточки. Потом сообразил: ведь я весь в саже! Но хохотать было некогда. Я подскочил к двери и отодвинул засов.

Из кухни вышел Мудрила. Он был очень важный и уже в скворечнике. Он вовсе не торопился. Он поднял палец и сказал:

— Я же говорил, что мы выгоним сатану из дымохода! Куда он побежал?

— Кто?

— Сатана. Ты не хватал его за хвост? Есть у него там колючка?

На улице показались факелы.

— Они гонятся за сатаной, — сказал Мудрила.

— Сейчас они погонятся за нами, — сказал я Мудриле. —
Надо смываться.

— Что? От кого? Что это за слово «смываться»?

Как я ни дергал Мудрилу за рукав, он не двигался с места, а все говорил:

— Народ воздаст мне почести...

Тогда я махнул рукой и кинулся в темноту, от почестей разных подальше. Чужало мое сердце, загудят бока от таких почестей. А кроме того, не в печных делах я рассчитывал отличаться. Слава ждала адмирала впереди.

Я ПОКУПАЮ ДУШУ

Плутал я не знаю уж сколько. Желтый обломок луны путался в дальних деревьях. От быстрого шага я разогрелся и даже расстегнул куртку, а ночь ведь была прохладная.

Очень хотелось есть. Ночевать на земле я, конечно, не мог, а сено не попадалось. Дядя Гейберт рассказывал, что в странах, где он побывал, можно ночевать на деревьях. И даже лучше, чтобы никто не тронул. Но это мне тоже не подходило. Раз ухитрился я падать из люльки, то где уж тут вылезать на дереве целую ночь.

Я подумал, что нужно идти прямо на луну, тогда обязательно выйду к Влиту. А там бережком пойду в сторону Дельфта. Может, и переночевать кто-нибудь пустит.

В темной шапке деревьев мигнул огонек. Какой-то дом. И еще не спят.

Сколько же сейчас времени? Луна совсем потерялась в ветвях, так что я двигался почти на ощупь. Кто там живет, в этом доме? Может, дадут краюху хлеба. Но сначала решил заглянуть в окошко.

Оно было очень мутное, но когда я разглядел тех, кого освещала свеча, сразу сел на землю.

Что за ерунда! Куда ни сунься, везде тебя поджидают неприятности. Боком к окну сидел Слимброк, а напротив за столом еще кто-то.

Ползком я выбрался от окна и сел около дерева. Здесь я стал думать.

Тут меня словно стукнуло! Да ведь это дом мельника, только с другой стороны! Я встал, присмотрелся и на самом деле различил поблизости темную махину ветряка.

Вот балда! Как же я сюда забрался? Надо было столько идти, чтобы опять вернуться туда, где тебя чуть было не прихлопнули!

Надо убираться, да поскорее. Только вот ноги что-то дрожали, так что я решил посидеть немного.

Тут я услышал, как дверь отворилась. Кто-то остановился в дверном проеме. Потом голос Слимброка сказал: «Ну ладно, продолжим, девочка». Дверь снова захлопнулась.

Мать божья, неужели там Эле? Я ведь не разглядел, кто был напротив.

Это меняло дело. Я снова подполз к окну. Точно, она! Сидит, опустила голову. Он что-то ей говорит. Только ничего не слышно. Окно глухое, из толстого стекла с частыми железными переплетами.

А где Караколь? Ну ладно, чего там спрашивать. Не могу я вот так убежать и оставить Эле. Чего-чего, а такого не ждите от Адмирала Тюльпанов!

Я влез на дерево, с него на крышу и медленно пополз к трубе. Спасибо Мудриле, надоумил насчет дымоходов. Если там не закрыта заслонка, пожалуй, я все услышу.

Вот и труба. Я приложил ухо... Неплохо. Но можно еще лучше. Тихо, ощупывая каждый выступ, чтобы не обломить кирпич, я опустился в дымоход.

В тот раз луна мне светила, а теперь свеча, так что я хорошо видел желтоватое дно камина.

Слимброк говорил:

— Выходит, ты спутала меня с тем человеком, я так понимаю.

Эле молчала.

— Он ведь был рыжий, мне говорили о нем. А я, посмотри, совсем черный.

Молчание.

— Давай по порядку. Я ведь тебе добра хочу, девочка. Знаешь, кто меня послал? Твой лучший друг, да, да. Он ведь тебе почти папа? Ну, ну, не прикидывайся, что не понимаешь. Наверно, уже бойко болтаешь по-нашенски.

Эле молчит.

— Значит, жила ты на Розовом берегу, так? Потом тот рыжий... как его звали, не помнишь?

— Огневик, — прошептала Эле.

— Ну вот, молодчина. Это у вас его так прозвали. А на самом-то деле как? Он ведь из наших краев, из Голландии? Мне уж не раз говорили: есть человек, очень на тебя похо-

жий. Плохой человек, рыжий. Торгует ворованным товаром, убивает своих же людей. Ах, какой нехороший! Я вот хочу его изловить. Не знаешь, где он?

Молчание.

— Фу, какой нехороший! Разве можно кого-нибудь убивать? Говорят, девочку он украл, увез ее с собой в Голландию. А она около берега прыг прямо в воду! Такая смелая девочка. Думали, утонула, а она нашлась. Это не ты, случайно?

Эле молчит.

— Вот я и хочу отвезти тебя к другу. Не знаешь, зачем тебя этот рыжий крал? Жила бы на своем Розовом берегу, сиротка бедная... А друг твой хороший человек. Только вот где он сейчас, не знаешь? Говорят, тоже приехал в Голландию?

Эле подняла голову.

— Да, да. Как услышал, что тебя увезли, сел на корабль и приехал. Ты разве его не видела?

— Нет, — прошептала Эле.

Сижу в дымоходе и думаю: что-то привирает Слимброк. То говорит, что его друг послал, то спрашивает, куда он делся. А голос такой сладенький. Хитрющий человек. Что он задумал?

— Что же ты молчишь? — говорит Слимброк. — Так будем долго разговаривать. Расскажи все, что знаешь о рыжем, и дело с концом. Кого он убил, за что, почему твой друг не хотел возвращаться к нему на корабль... Наверное, ты все это знаешь. Вот мы поймаем его, будем судить. Надо же знать правду. Злодея пора наказать.

Я слышал, как он подошел к Эле.

— Ты же не хочешь, чтобы я тебе сделал больно? Как поступают с плохими девочками? Плохих девочек берут за косички, тогда они начинают говорить.

Эле заплакала. Я заерзал в трубе. Прямо хотел зарычать — так распирало от злости. Неужто он собирается бить Эле!

— Подожди, — сказал Слимброк. — Что-то слышалось.

В это мгновение затопали копыта, и дверь отворилась.

— Уф! — сказал голос. — Насилу добрался.

Железный Зуб! Опять он. Прямо карусель какая-то! То я выбрался из трубы, то забрался в нее... А тут снова Железный Зуб.

— Бррр! Водички испить... Или есть пиво? Буль-бль-бль-хрр-ры! Хорошее пиво, тьфу! Насилу добрался!

— Что так? — спросил Слимброк.

— Дьявол за мной погнался.

Слимброк хмыкнул.

— Не веришь? — Железный Зуб гремел, бухал, ворочался, утирал нос. — У Питерса был сейчас. И прямо с неба прыгнул на меня дьявол или дьяволенок, черт их разберет! Вцепился коню в хвост и гнал в сторону моря. Орал: душу продай, душу! Уфф-рр-ы-блл, хорошее пиво! Еле ноги унес! До сих пор по спине холод.

— Так что, продал душу? — спросил Слимброк.

— А что? Вот и продам, назло вам, святошам. Тогда уж не попадайтесь!

— А знаешь, что за это бывает?

— Ха! Чего мне бояться? Да я на любом суде уже пять раз покойник.

— Есть божий суд. Он страшнее.

— Уморил! Божий суд... А ты на божьем суде что будешь делать? И вся ваша банда? Да я против вас ангел голубоглазый! Праведник против вас!

— Мы действуем по велению господнему.

— Ну так и я по велению, ха-ха! Вот чую, что велит мне господь продать сатане душу, ей-богу, велит!

— Не кощунствуй.

— А что? Который раз является дьявол. Значит, господь ему позволяет. Так что продам, ей-богу, продам! Вот только покажется снова...

— Ну ладно, — сказал Слимброк, — мне пора. Помни: деньги заплачены.

— Сделаем. — Железный Зуб громко плюнул. — Ну что, разузнал у девчушки?

— Молчит. Может, чего и знает. Отпускать ее опасно.

— С собой забирай.

— Ну нет. — Слимброк усмехнулся. — Вот тебе еще пятьдесят флоринов, и чтоб я больше ее не видел.

— Это как?

— Как хочешь.

— Придушить, значит. — Железный Зуб засопел. — Аристократы! Того им прикончи, этого... Теперь вот девочку. Что я, мясник, что ли?

— Берешь пятьдесят флоринов?

— Ладно, давай. Чистоплюи... Как что, сразу Железный Зуб! Курицу придушить не могут. Покойник с тобой, давай пятьдесят флоринов. Все равно сатане продамся. Тут уж вас всех порешу!

— Ладно, прощай. Да смотри все делай как надо!

Слимброк ушел, а Железный Зуб стал ругаться:

— Я бы его скорее прикончил! Темный человек. А тебя жалко. Ничего не попишешь. Кину тебя в воду, а там как хочешь. Плавать умеешь? Да не реви ты, сердце разрывается... Сейчас вот еще бутылочку... Все-таки пятьдесят флоринов... Ей-богу, продамся дьяволу! Какая тут жизнь, если девочку кончу... Да не реви ты! Сам, вишь, плачу, слеза, как виноградина. Ух, горемычный я, горемычный... Ну ладно. Пойдем. — Он встал, откинул скамейку.

Тут я перекрестился, попрощался со всеми и, как есть, рухнул вниз.

Вместе со мной сорвались целые пуховики сажу, так что сначала я сидел в черном облаке, а из камина, наверное, валило клубами.

Когда все рассеялось, картина была такая. Железный Зуб сидел прислонившись к стене и выкатив глаза. Эле застыла в углу. Ну а я, как вы поняли, скорчился в глубине камина, в сажу с ног до головы.

Несколько мгновений никто не говорил ни слова. Только дым еще летал по комнате. Я сидел как очумелый и глядел на разбойника. Лицо у него было похоже на большую грушу черенком вверх, да еще все заросшее. На голове какой-то колпак с загогулиной. Наверное, тот самый стальной рог. Глаза у Железного Зуба выкатывались все больше. Потом он приложил палец к губам и сказал:

— Тсс! Все понимаю. — Он шипел и хрипел одновременно, сплющивал лицо-грушу,

подмигивал и чмокал. — Продаю... — прошипел он. — Сказано — сделано.

Значит, правильно. Он принял меня за сатану, как и в тот раз. Я повертелся и зарычал:

— Грррыы!..

Он вздрогнул и зашептал:

— Прямо сейчас и продаю... Ей-богу... то есть... тьфу, клянусь дьяволом, чтоб ни дна ни покрышки!

Я пискнул.

— Господин дьявол, — зашептал Железный Зуб, — ваше святейшество, тут мне девчонку подсунули. Осмелюсь попросить — прихватите с собой, чтоб без лишних, так сказать... Пятьдесят флоринов все-таки. Вот они, ваши. Ей-богу... то есть... тьфу! Детишек я еще того... не это... Я только взрослых, да и то больше разговору. Ваше преосвященство...

Я гугукнул.

— Вот и я говорю. Детишки... они того... шейки мяконькие... А душу — это я сейчас. Чем подписать?

Я бросил из камина обгоревшую головешку.

— Сей минут. Сейчас бумажонку достанем. Вот эту... чего на ней? Так, сейчас напишем. Вот так. Пальчик припечатать? Готово.

Он вскочил, вытянулся и заорал:

— Осмелюсь доложить, бумага готова!

Он положил ее на стол и начал пятиться.

— Тссс! — прошипел он в сторону Эле. — Осмелюсь доложить... тсс...

Так он пятился до самой двери.

— Извольте, бумажка на столе, ваше святейшество... Удалиться бы мне по надобности. После пивка, так сказать... Пивко — оно, знаете...

Я мекнул.

— Можно? Благодарю. Пивко — оно того... Тссс!..

Он выполз, как улитка, кланяясь, расшаркиваясь. А пот так и катил по заросшему лицу.

Потом раздался бешеный топот копыт...

Я уж не стану рассказывать, как целых десять минут отхаживал Эле. Причем пока не умылся, дело не сдвинулось ни на шаг.

Между прочим, на одной стороне этой бумажки, которая до сих пор у меня, написано так:

«Я, Железный Зуп, продался его святейшеству Сатане за так. Чего удыстоверяю. Железный Зюб».

И грязный отпечаток пальца.

Бумажка нам эта еще пригодилась, как и те пятьдесят флоринов, которые лежали на столе.

КАК ИСПЫТАЛИ МУДРИЛУ

Выспались мы хорошо. Закрыли дверь на засов, укрепили подпорой. Но гостей ночью не было.

Пища здесь тоже нашлась: толстая колбасина, обломок сыра. Утром отправились в путь.

Оказывается, Эле пошла на мельницу посмотреть, чего я там застрял. Тут ее и сцапали. А Караколя она с тех пор не видела.

День был пасмурный. Тучи нависли, вот-вот хлынет дождь. Я стал было спрашивать про Розовый берег, на котором она жила, да не много успел узнать. На дороге раздался гомон. Мы спрятались в кустах.

Я только присвистнул, когда увидел, как буры тащат Мудрилу. Командовал Питерс. Я сразу его узнал — такой приземистый, кривоногий.

— Сейчас мы тебя испытаем! — кричал Питерс. — Сейчас! Если ты и вправду не слуга дьявола, то утонешь, как простой человек. А если слуга, то будешь плавать, как щепка. Тогда мы тебя на костер.

Мудрила совсем не боялся.

— Чудаки, — говорил он капризным голосом. — Ну и ладно. Я и плавать-то не умею. Только вы меня сразу вынимайте.

— Ишь ты! «Вынимайте»! Сначала утони, а потом вынем.

— Еще чего! — закричал Мудрила. — «Утони»! Я к папе иду, глиняный лоб! Да я вас, всс-сс, под корень! Я вам дьявола выгнал... Отдайте осла!

— А как же ты дверь открыл? — спрашивал Питерс. — Небось нечистая сила помогла? А мальчишка куда делся?

— Не твое дело. То ему скажи да это. Я у тебя, бездельника, не буду дымоход чистить. Так и помрешь с сатаной в доме!

— Ага! Угрожаешь! Сатаной грозишься! Вот я тебя!..

— Молчать! — заорал Мудрила так, что все отшатнулись. — Испепелю! Вверх ногами поставлю! Человек из Кампена научит вас жить! Молчать!

— Ну его, Питерс, — сказал кто-то. — Давай отпустим. Как бы беды не было.

— Испугались! — сказал Мудрила. — Тогда я вас буду испытывать. Всех до одного покидаю в воду!

— Но, но! — сказал Питерс. — Полегче! Видишь, нас сколько?

Мудрила остановился.

— Крестьяне! — сказал он. — Буры! Известна ли вам поговорка: бур все равно что скотина? Правильная поговорка. А если так, то вы стадо баранов, а я ваш пастух! Поэтому не противьтесь мне, буры!

Буры топтались на месте и удивлялись таким словам. Я думаю, больше всего их сбивало с толку, что Мудрила ничего не боялся.

— Где это видано, чтобы бараны купали в реке пастуха? — спрашивал Мудрила.

— Тоже мне пастух, — бормотал Питерс. — Еще оскорбляет!

— Отпустим его, Питерс, — говорили остальные. — Пусть уходит.

— Трусишки, — сказал Мудрила. — Не пойду ни за что! Если бараны не хотят купать пастуха, пастух сам искупается.

— Купайся сколько хочешь, — сказали буры. — А мы пойдем.

— Хоть бы палкой его поколотить, — говорил Питерс, вытирая лоб.

— Никуда не пойдете! — закричал Мудрила. — Будете меня топить!

— Не будем, — сказали буры.

— А я говорю — будете!

— Не будем мы тебя топить, — сказали буры.

— Глупышки, — уговаривал Мудрила. — Вы только бросьте меня в воду подальше.

— Ты плавать не умеешь, — сказали буры.

Мудрила напыжился:

— В том-то и дело. Мудрый человек всё умеет. Бросьте меня в реку, увидите — не утону!

— Тогда ты слуга дьявола.

— Молчать! Каррамба! Почему это — дьявола?

— Так говорят.

— Мало ли что говорят. Человек из Кампена думает наоборот. Не тонут мудрые люди. Бросьте меня в воду!

— Давайте бросим, — сказал Питерс. — Жалко, что ли?

— Подождите, — сказал Мудрила. — Веревка есть?

— Зачем это?

— Как зачем? Связать меня, чтобы труднее было. Одной головой выплыву. Ты знаешь, как она у меня работает?

— Чудно что-то, — бормотали буры.

— Давайте веревку, вяжите.

Веревка нашлась.

— Вот так. Крепче затягивай и руки и ноги. Еще раз обвязывай, деревянный лоб!

Мудрилу так замотали, что он стал похож на штуку серого полотна.

— Очки не снимать! — командовал Мудрила. — И шляпу! — Потом бормотал: — Вот это идея! Прекрасно! Одной головой! Она у меня работает, ох как работает!..

Когда завязали последний обрывок, Мудрила попросил прислонить его к дереву и объявил, что скажет речь.

— Крестьяне! Буры! — закричал он. — Перед вами человек из Кампена! В Кампене много мудрых людей, очень много! Но ни один из них не пробовал плавать одной головой.

Сейчас вы увидите, как это делается. Хватайте меня, бросайте в воду, смотрите, как человек из Кампена будет плавать одной головой! Потом мы попробуем вместе летать. Я научу вас делать удивительные вещи! Крестьяне! Забудьте, что вы скоты! Вы птички и рыбки! Хватит таскаться на своих деревянных копытах! Вперед, в небеса, под воду!..

Крестьяне схватили Мудрилу и потащили к реке.

— Если этот человек выплывет одной головой, я тоже попробую, — сказал один.

— Потом будем летать, — обещал Мудрила, — тоже одной головой... Стой! — крикнул он. — Камень тащите, побольше!

— Где тут взять камень? — сказали буры. — Только жернов на мельнице, но очень тяжелый.

— Чем тяжелее, тем лучше, — сказал Мудрила. — И не такие решали задачи.

— Мельница далеко.

— Тогда привяжите ко мне Питерса, он тяжелый. Так интересней. Я выплыву с ним одной головой.

— Нет! — испугался Питерс. — Я не хочу.

— Чего ты боишься? — уговаривал Мудрила. — Глупышка. Потом будем летать, одной головой. Увидишь, как это приятно.

— Нет, нет, ни за что! — Питерс даже затрясся. — Пусть он сам выплывает.

— Попробуй, Питерс, — говорили буры, — может, получится.

Но Питерс не соглашался.

Мудрила надулся:

— Неблагодарные люди. Невежи. Ну ладно. Снимите с меня очки и шляпу — для трудности. Буду выплывать без очков.

Если бы я видел Мудрилу в первый раз, может быть, и поверил. Но тут сомневался в его затее. Как это он выплывет одной головой?

Мы с Эле кустами подобрались к реке. Тем временем буры раскачивали Мудрилу.

— Сначала в воду! — кричал тот. — В воздух потом!

Плюм! Мудрила шлепнулся в середину канала. Он даже секундочки не держался на воде, а сразу пошел ко дну. Буль-буль-буль... — выскочили пузырьки.

— Сначала он освоится под водой, а потом будет выплывать, — говорили крестьяне. — Это человек ученый.

Я выскочил и закричал:

— Да утонет он!

— А вот и мальчишка, — сказал Питерс.

— Спасите его! — кричу.

— Он головой плавает, — говорит Питерс. — А если врал, пусть тонет. Пошли, ребята.

— Может, вытащим? — говорят другие.

— Сам напросился.

— Еще ругал нас скотами, — говорит Питерс.

— И баранами.

— Я думал, он человек ученый.

— Ученый, а плавать не умеет.

— Так мы же его связали.

— А кто напросился?

— Я не хотел его связывать...

— А он говорит — вяжи.

— В небо еще собирался...

— Может быть, взять и вытащить?

— А я говорю — пошли, ребята.

Пока они толковали, я прыгнул в воду. Холодно — брр! Здесь было неглубоко. Я нырнул в то место, где лопнул последний пузырь, и сразу наткнулся на Мудрилу.

Я стал тащить его вверх. Сначала мне это удавалось. Но как только Мудрила глотнул воздуха, он стал так брыкаться, что снова пошел ко дну.

Так мы выныривали несколько раз. Веревки, наверное, были плохо завязаны, потому что вдруг Мудрила схватил меня рукой. Тут уж я стал отбиваться. Мудрила фыркал и тянул меня под воду. Если бы лежал спокойно, может быть, и я сумел бы его удержать. В общем, я нахлебался и стал уже прощаться с белым светом.

Тут, чувствую, кто-то схватил меня за шиворот и тащит к берегу. Мудрила — за мной. Я и опомниться не успел, как сидел на зеленой травке.

Смотрю, в лицо мне дышит... человек не человек, а кто-то мохнатый, с красной открытой пастью.

Пьер! Отряхивается, язык высунул. Потом лизнул меня через все лицо. Пьер, дружище!..

А там уже развязывают Мудрилу.

И кто же стоит рядом, в фиолетовых штанах и дурацком колпаке? Ну ясно — Караколь. Он хлопает меня по спине, гладит по голове, причмокивает, пожимает плечами. Потом оборачивается и говорит:

— Мудрила! Ты ли это, старый приятель?

— Ну я, я, — говорит Мудрила.

Он уже очухался, отплевался.

— Дьявол тянул меня на дно. Только я начал плавать головой... Оказывается, они в речках живут.

— Мудрила! — говорит Караколь. — Сколько лет, сколько зим!

— Надо попробовать еще в воздухе, — говорит Мудрила, стуча зубами. — Сейчас будем летать.

РЫЖИЙ ЛИС ГРАФ АРЕНЛАНДСКИЙ

Дело в том, что из-за Мудрилы я потерял башмак. Тот самый, в котором было письмо.

Прыгая в воду, я не успел разуться. Конечно, во время возни башмаки соскочили. Один клomp я нашел немного ниже, в кустах. Его прибило к берегу. А другой словно в воду канул. Вообще-то как раз в воду. Может, свинцовая трубочка его утянула? Я нырял, но бесполезно.

Хорошенькое дело, ничего не скажешь. Я был ужасно расстроен, хоть и встретил своих тюльпанов.

Мудрила мне даже спасибо не сказал, а только проклинал дьявола, который помешал ему плавать одной головой. Значит, ко всем бедам я оказался еще и дьяволом. Одно утешение — каким-то водяным, ну вроде морского дьявола. А это все лучше, чем сухопутный.

Оказывается, Караколь с Мудрилой давненько друг друга знают, встречались не раз, Караколь даже бывал у Мудрилы в Кампене.

Да, забываю сказать про Караколя.

В ту ночь он проспал сном праведника до рассвета, а потом кинулся нас искать. На мельницу заглянуть не догадался. С тех пор он рыскал по деревням и расспрашивал, а в Дельфт и не думал ехать.

Я поругал Караколя.

Сказал, что голуби важнее для обороны, чем один человек. Но он ответил, что, во-первых, не один, а два. А во-вторых, не просто человек, а целый адмирал, да еще барабанщица в придачу. Но я все равно не согласился.

Караколь и Мудрила сразу принялись спорить и спорили до упаду. Мудрила кричал, что неразбериха пошла от глупости, а Караколь говорил, что от несправедливости.

Глазки у Мудрилы наливались кровью, становились точно рабы. Он хватал Караколя за грудки и кричал:

— Эразмус Роттердамский мой друг! Ты слышал, кто такой Эразмус Роттердамский?

— Слышал, слышал, — говорил Караколь. — Только ведь он умер.

— Кто? Эразмус? Эразмус не умер! Он только прячется.

— Помер твой Роттердамский, лет сорок назад помер.

— Молчи, фаянсовый лоб! Говорю тебе — прячется! Читал «Похвалу глупости»? Небось не читал. Там сказано: все от глупости!

— Любишь ты сочинять, — говорил Караколь. — Помер твой Роттердам... то есть Эразм. Что ему, сто лет, что ли? Любишь ты сочинять.

Мудрила обижался и замолкал. Через час он говорил:

— Вот покажу, где он прячется, будете знать!

Еще через час он совсем успокаивался:

— Не скрою, что я умнее своего друга Эразма. Ему вредит недостаток пищи и темнота пещеры, где он скрывается.

Караколь только пожимал плечом.

Но тут приключилось вот что.

Пошел я за водой на канал. Смотрю, у берега сидит мальчишка, постарше меня, но с виду щуплый. Плечи торчат, как вешалка, спину сгорбил, сидит удит рыбу.

И этот рыбак, скажу я вам, был такой рыжий, что кругом стояло сияние. В жизни не видел таких рыжих. Как будто на голову надели подсолнух или шляпу из петушиных перьев.

Ну я, в общем, задираться не стал, не до этого, тихонько так подхожу к воде.

Вдруг этот рыжий поворачивается и говорит:

— Эй вы там, не трогайте мою воду!

Я говорю:

— Как это твою воду? Где это сказано?

А он:

— С чего это вы говорите на «ты»? Вы знаете, с кем разговариваете?

— С кем это разговариваю?

— Парле ву франсе?

— Что-что?

— Благородные люди говорят по-французски, вы, как я вижу, неблагородный человек.

— Подумаешь, какой благородный. Может, я благородней тебя.

— Перестаньте тыкать, юноша. Иначе я вызову вас на дуэль.

Я совсем оторопел:

— На какую еще дуэль?

— На шпагах, на пистолетах, на аркебузах. Но, впрочем, вы еще слишком молоды.

— Подумаешь, — говорю, — ничего не молод. Пожалуй-ста, можем подраться.

— А какой у вас титул?

— Титул?

— Ну да, кто ваш почтенный папаша?

— Мой папаша, — говорю, — корабельный плотник, и он такие корабли...

— Достаточно. Я не могу с вами драться.

— Почему это?

— Да вы знаете, с кем говорите?

— Ну с кем говорю?

— Шпрехен зи дойч?.. Спик инглиш?.. Право, не знаю, как вам и объяснить по-голландски. Такой бестолковый язык.

— Почему это бестолковый?

— Разве вы не знаете, что в Голландии ни один уважающий себя человек не говорит по-голландски? Даже этот принц... как его... Вильгельм Оранский... и тот говорит только по-французски.

Меня даже пот прошиб. Неужели рыжий говорит правду? А письмо-то, наверное, написано по-голландски. Вдруг принц еще не успел выучить голландского, родом-то он из-за границы. Да ладно, со мной и письма пока нет. Рано еще горевать. Во всяком случае, рыжему я сказал:

— А я вот говорю по-голландски.

— А кто вы такой, собственно?

Тут я не успел и подумать, как с языка у меня спорхнуло:

— Я адмирал.

— Адмирал? — удивился рыжий. — А какой адмирал?

— Адмирал Тюльпанов.

— Что это такое?

Я не стал ему объяснять, а только сказал:

— Много будешь знать, скоро состаришься.

— Во всяком случае, это меняет дело, милейший. Раз вы адмирал, значит, можем выпить на брудершафт и перейти на «ты».

Я подивился, как этот рыжий мне быстро поверил. Неужели вид у меня такой важный?

— Адмирал, — сказал рыжий, — теперь я должен признаться: ты разговариваешь с графом. Только тише, я путешествую инкогнито.

— Как это?

— Ну, тайно. Ты видишь перед собой графа Аренландского. Надеюсь, ты слышал о герцогстве Аренландском?

— Нет, никогда.

— Ах, это вина моего папаши. Он, видишь ли, не любит воевать. Мы не воюем уже двести лет. Не мудрено, что ты не слышал.

— А где это герцогство?

— Ужасно далеко, мон шер, ужасно. Надеюсь, тебя не смущает мой необычный костюм?

Да, что и говорить, одежда у него была не чета моей, адмиральской. Дырка на дырке.

— Видишь ли, адмирал, папаша лишил меня наследства. Вернее, наполовину, так что теперь я только граф, а мог быть герцогом. Кроме того, он изгнал меня из Аренландии. Но потом одумался и стал звать обратно. Но... дудки. Пускай помучается старикан. Может, откажет потом все наследство. Ты как думаешь?

Я пожал плечами.

Рыжий вздохнул:

— Да, адмирал... Тебя как зовут?

— Кеес.

— А меня — Рыжий Лис.

— Так и зовут?

— Это псевдоним, понимаешь? Так вот, адмирал, не будь я в стесненных обстоятельствах, не стал бы просить. Но, как адмирал графу, ты можешь достать монету взаймы? А то, видишь ли, и башмак-то у меня остался один.

Я глянул и обомлел. На земле стоял мой башмак, тот самый, с письмом. Я мог бы отличить его среди тысячи по двум зазубринкам на носу.

— Это мой кломп! — сказал я обрадованно. — Где ты нашел?

— Ошибаешься, адмирал, — сказал Рыжий Лис. — Это башмак моего хозяина, башмачника Берендрехта. Вернее, моего бывшего хозяина... господи, успокой его гнев.

— Да мой же, говорю тебе, вчера потерял! Это очень важный башмак!

— Что значит важный? Башмак есть башмак. Утром у меня была связка таких.

— Лис, отдай мне башмак. Я заплачу тебе целый флорин!

— Вот это разговор, адмирал. Но ты посмотри, какой он славный! Королева с удовольствием носила бы на цепочке вместо подвесок. Чудесный башмак, лейдердорпский фасон, и всего один флорин? Нет, не пойдет.

— Ну, два.

— Десять флоринов, адмирал, и ни лиаром меньше.

— Но вот же мой башмак!

— А я говорю тебе, это башмак кломпенмакера Беренд-рехта. Какой ты упрямый, адмирал.

— Ну ладно. Деньги у меня там, в фургоне.

— Деньги вперед, адмирал.

Мы стали пробираться к дороге. Вдруг граф Аренландский остановился и заявил:

— Пятнадцать флоринов — и по рукам!

Пятнадцать флоринов! Я уже видел, что рыжий почуял наживу и собирается вытянуть из меня все, что можно. Пока мы дойдем, он заломит и пятьдесят, а это все, что досталось от Железного Зуба. Поэтому я и сказал:

— Хоть ты и граф, а торгуешься, как селедочница!

Рыжий сказал:

— В таком случае я вообще не буду продавать такой замечательный клomp. Ты оскорбил мое дворянское достоинство.

— Не будешь продавать? Да это мой башмак, ты понял? Я просто могу у тебя его взять.

Он отскочил и сказал:

— Попробуй. Видали мы таких адмиралов липовых!

Хоть он был и выше меня на голову, но жидковат. Поэтому когда схватились, то долго никто не брал верх. Потом я ловко зацепил ногой, и мы упали прямо на дорогу. Я приговаривал: «Всех рыжих-конопатых мы били и будем бить!» Он тоже пыхтел и огрызался: «Всех липовых адмиралов мы в луже купали и будем купать!»

Тут слышу, кто-то кричит, как бы издали:

— Держи его, мальчик, держи!

Рыжий Лис стал вырываться и бормотать: «Пусти, пусти, говорю! Возьми свой башмак, пусти...»

Не тут-то было. Я распалился и крепко прижал его к земле. Вдруг чувствую, чья-то рука тащит из-под меня Лиса за шиворот, а голос говорит:

— Попался, негодяй! Вот где мне попался!..

МЫ ВЫРУЧАЕМ ЛИСА

Когда я поднялся, то увидел, что краснолицый человек трясет Рыжего Лиса так, что у того голова мотается, как на ниточке.

— Ах, негодяй! Обокрасть благодетеля! Я ли не поил тебя, не кормил!..

Лис казался испуганным. Даже голова его потускнела, стала не огненной, а наподобие стынущей головешки.

— Вот уж не надеялся тебя изловить! Спасибо мальчику — помог... Он что, тоже тебя обокрал?

Пока я раздумывал, что сказать, прибежали Караколь и Эле. Следом трусцой прибыл Мудрила. Мудрый человек сразу взялся за дело:

— Что за крик? Что за шум среди бела дня?

— Да вот, — сказал краснолицый, — поймал своего подмастерья — вора и грабителя.

— А что он украл?

— Что он украл? Да целую связку новеньких башмаков только с верстака!.. Куда ты ее дел, разбойник?

— Потише, потише, — сказал Мудрила. — Сейчас разберемся. Ты кто такой, мальчик?

Лис уже приободрился и выглядел не таким испуганным.

— Я вечный странник высокого происхождения, — заявил Рыжий Лис. — Я странствую инкогнито.

— Ах, негодяй! — закричал краснолицый. — «Высокого происхождения»! Не я ли подобрал тебя на дороге, голодного и раздетого?

— Он и сейчас-то не очень одет, — заметил Караколь.

— А ты кто, почтенный человек? — спросил Мудрила.

— Я кломпенмакер, башмачный мастер Берендрехт, ваша милость. Должно быть, вы из суда?

— В некотором роде, в некотором роде, — согласился Мудрила. — Так что у вас приключилось, башмачник Берендрехт, и у тебя, вечный странник?

— Что приключилось, ваша милость? Месяц назад я подобрал этого оборвыша на дороге, дал ему приют и пищу...

— Он пригласил меня погостить, — сказал Рыжий Лис.

— Ах ты... Ну ладно. Я стал обучать его ремеслу, ваша милость. Вы же знаете, что нет благородней ремесла башмачника.

— Ну, есть поблагородней. Например, ремесло трубочиста. Это очень благородное ремесло.

— Трубочиста? Хм... Я уж не знаю, но, словом, я стал обучать его башмачному делу. Я показывал ему, как распилить полено, как сделать из него заготовку. Я учил работать всеми ножами... Этот бездельник немало поломал у меня инструмента. Я делаю кломпы всех фасонов, ваша милость. Остроносые аппельдоронские и тупые беезо, фрисландские... знаете, с такой дужкой, и лейдердорпские — такие, как на вас. Все знают мастера Берендрехта! И вот я взялся учить этого проходимца. Мало того, что он рыжий, он оказался еще и вором!

— Так, — сказал Мудрила. — Ну, а ты, вечный странник, что скажешь?

Лис затараторил:

— Этот человек заманил меня в дом. Он сказал, что сразу признал во мне графа Аренландского. А графам не полагается спать на дороге. Он просил оказать ему честь и погостить в его доме. Я объяснил, что путешествую инкогнито. А он сказал, что никто и не узнает. Ну, вот он меня пригласил...

По мере того как Лис рассказывал, лицо Берендрехта из красного становилось малиновым, потом фиолетовым. Казалось, вот-вот его хватит кондрашка. А Лис ничуть не стеснялся.

— А когда я вошел, на меня накинулись слуги и заковали в тяжелые цепи...

— Да у меня слуг-то нет! — закричал Берендрехт. — И цепей тоже.

— И этот человек сказал, что не отпустит меня, пока не получит выкуп от моего отца, герцога Аренландского. Тогда я сделал вид, что согласен. Я написал письмо папаше, а его слуга сел на коня...

— Нет у меня коня, боже правый!

— ...и повез письмо в Аренландию. А я попросил башмачника позабавить меня какой-нибудь работой. Тогда он всучил мне сразу десять ножей, похожих на крючки и лопатки...

— Это мой инструмент, — прошептал башмачник.

— ...и велел скоблить ими сосновые чурки.

— Я учил его по совести.

— Из этих чурок он делал какие-то кораблики, плоски и скорлупки...

— Башмаки! — закричал Берендрехт.

— ...а мне говорил, что это особые деревянные капканчики.

— Боже милостивый!

— Когда выставлешь эти капканчики на дороге, то в них

обязательно попадет человек или птичка. Признаться, точно так же он поймал и меня. Я шел, шел, потом — хлоп! — наступил на какую-то деревяшку...

— Постой-постой, — сказал Мудрила, — ты говорил, что спал на дороге, а он пригласил тебя погостить.

— Ну да, конечно, я спал. Когда я попал в деревянный капканчик, то решил, что не выпутаться, и лег спать. Иначе зачем бы мне спать на дороге?

— Действительно, непонятно, — сказал Мудрила.

— Да он просто валялся на обочине, ваша милость! Там сено обронил кто-то с воза.

— Ну вот, я и лег на это сенцо, а нога в капкане. Тут он подошел, надел на меня кандалы...

— Ты же говорил — цепи.

— Цепи — те дома. Вы же слышали, я говорил: накинулись слуги и заковали в цепи. А здесь были кандалы, точно помню.

Мудрила почесал затылок. Караколь смотрел на Лиса с каким-то восхищением. А я и не знал, что думать. На что уж язык у меня подвешен, но до такого вранья далеко.

А Лис тараторит:

— И вот когда я научился делать капканчики, я смастерил четыре для него самого. Два больших на манер лейдердорпских и два поменьше, фрисландских. Одни для ног, другие для рук. Потом я прибил их к полу гвоздями и стал болтать, что мой дорогой папаша, герцог Аренландский, обожает носить башмаки на руках и ногах, а потому ходит на четвереньках.

— Первый раз слышу, — пробормотал Берендрехт.

— Он очень удивился и спросил, как папаша это проделявает. Я объяснил, что сначала папаша раскладывает башмаки — вот так, потом влезает в них четырьмя лапами и ходит целые дни напролет. А больше никому ходить не позволяет, потому что это такое блаженство... Даже я не носил четырех башмаков, а очень хотелось. Тогда этот глупый человек развесил уши и полез в мои башмаки. Бац! — капканчики захлопнулись!

— Ну и ну! — сказал Караколь, а глаза у него так и блестя.

— И вот он попал в капканчики, а они ведь прибиты к полу. Я подошел, вытащил у него ключ из кармана и дал еще хорошего пинка сзади. Этим ключом я открыл замок, снял с себя цепи и решил убежать. Но сначала подумал: зачем

подводить других людей? Надо взять у него все капканчики. Так я и сделал. Пошел в мастерскую, снял со стены связку...

— Грабитель! — сказал башмачник.

— Сколько же там было капканчиков? — спросил Мудрила.

— Не знаю... целая связка. Все эти капканчики я отдал одному охотнику на крыс, который...

— Он продал их! — закричал башмачник. — Целый месяц работы! Боже, на что я буду кормить семью?

— А это тоже капканчик? — спросил Мудрила. Он стал разглядывать башмак.

— Это не мой, — сказал башмачник. — Я выудил его из канала и просто положил сушиться.

— Вот видите! — сказал Рыжий Лис. — Не его! А те совсем другие. Внутри пружина, стальные зубцы. Как сунешь ногу...

— Он сумасшедший, — сказал башмачник. — Какое будет решение, ваша милость? Я только один вижу выход. Выдрать его, взять обратно, и пусть работает, покуда не выплатит мне убытки.

Рыжий Лис вздрогнул:

— Нет! Не желаю обратно! У меня папаша герцог! Я путешествую инкогнито! Пустите меня!

— Нет уж, — пыхтел башмачник. — Запру в сарае, будешь в потемках сидеть.

Мудрила опять почесал затылок.

— А почему бы тебе, вечный странник, действительно не отработать за эти капканчики? Можешь, например, прочистить ему дымоход. Это очень полезное дело. Есть там у вас дымоход?

Башмачник сказал:

— Найдутся и без дымохода дела. Будет полоть огород, чистить свиней...

— Караул! — завопил Ры-

жий Лис. — Спасите! Не желаю свиней! Мое высокое происхождение...

Тут Берендрехт отвесил ему затрещину.

— Эй, башмачник, — сказал Караколь, — потише. Нельзя же так сразу драться.

— А как с ним иначе? — спросил Берендрехт. — Стало быть, я забираю его, ваша милость?

— Ой! Дяденьки, не отдавайте меня ему! Гибну невинно!

Рыжий Лис хоть и кривлялся, но я увидел, что ему не сладко. Слезы даже потекли по лицу. А мне было неприятно. Ведь это я задержал его на дороге, из-за меня он попал к башмачнику. Что-то мне не слишком нравился краснолицый Берендрехт.

— Ну ладно, пошли, мошенник. Пока не отработаешь убыток...

— А велик ли убыток? — спросил Караколь.

— Да флоринов сорок. Огромные деньги.

Тут, чувствуя, Эле толкает меня в бок и показывает на фургон. А я и без нее догадался. Подошел, достал мешочек с деньгами. У Караколя спрашиваю:

— Можно?

— А как же! — говорит Караколь. — Святое дело. Я подошел к Берендрехту и протянул мешок.

— Возьмите. Тут пятьдесят флоринов. И отпустите его на свободу.

Тот стал обнюхивать мешок, рассматривать монеты.

— Не фальшивые?

— Давай бери! — закричал Мудрила. — Пока дают!

— Стало быть, выкупаете?

— Выкупаем вместе с одним башмаком, — сказал Караколь и мне подмигнул.

— Ладно, — сказал Берендрехт. — Чудные вы, господа. Думаете, и вправду он граф? Как бы не так.

— Так, так, — сказал Рыжий Лис. Он успокоился и сразу напыжился. — Мой папаша, герцог Аренландский, отблагодарит хороших людей. Каждый получит по тысяче флоринов!

Берендрехт ухмыльнулся, положил деньги в карман и ушел.

— Приятно встречать благородных людей, — начал было Лис, — сразу увидишь высокое происхождение...

— Ты, граф, сначала умойся, — сказал Караколь. — Хочешь есть?

— Не будь я в стесненных обстоятельствах... — сказал Рыжий Лис.

— Ну ешь, не стесняйся.

Со ртом, набитым хлебом и сыром, Рыжий сказал:

— Так будешь покупать башмак, адмирал?

Я засмеялся и надел башмак на ногу.

— Ладно, носи на здоровье, — сказал Рыжий Лис.

— Смотрю, у нас одни графы да адмиралы, — сказал Караколь. — А Эле почти принцесса.

Рыжий Лис оглядел ее с ног до головы и милостиво сказал:

— Похожа.

— Ну ты и мастак сочинять, — сказал я Рыжему Лису. — Наврал про всякие капканы...

— Совсем оглушил бедного башмачника, — сказал Караколь.

Рыжий Лис перестал жевать и посмотрел на нас:

— Пусть еще скажет спасибо, что не сказал про него правду.

СТРАНА АРЕНЛАНДИЯ

Рыжий Лис оказался страсть каким непоседливым. Все время он вертелся, как на шиле, и выдумывал разные проказы, но только называл их «опыты».

Он уже красовался в новых кломпах. Не знаю, где успел добыть. Кломпы были такие же, как у меня: тупоносые, лейдердорпского фасона, только, конечно, без колокольчиков в каблуках.

Ночью Лис вытащил у Мудрилы из-под головы сено и подсунул башмак.

Мне объяснил, что так спят в Японии, и если Мудрила не проснется ровно в час, то он в самом деле неглупый человек, потому что умные могут спать хоть на гвоздях.

Но Мудрила не проснулся до самого утра. Он даже причмокивал от удовольствия и облизал задник кломпа. Рыжий Лис сказал, что опыт удался и Мудрила настоящий мыслитель, только сумасшедший. При этом Рыжий Лис уверял, что все мудрые люди немного не в себе.

С Эле он разговаривал, как настоящий кавалер. Я так не умею.

— Мамзель, — говорил Рыжий Лис, — у вас настоящие голубые глазки, как озера в моей Аренландии.

С виду Эле это не очень нравилось. Она хмурила брови, но я заметил, что глаза у нее блестят. Неужели Рыжий Лис приглянулся Эле? Такой тощий и болтливый и драться по-настоящему не умеет.

— У нас при дворе было много фрейлин, но ни у одной щечки не горели, как у вас. Сколько вам лет, мамзель? Вы такая юная. Наверное, лет одиннадцать. А мне скоро четырнадцать, и я подыскиваю принцессу, чтобы разделить с ней наследство.

Мы шли в сторону Дельфта не главной дорогой, а проселками. Так мы собирались миновать Гаагу, где стояли испанцы. А кроме того, на большаке всегда поджидают какие-нибудь неприятности.

Колеса вязли в мокрой мягкой земле, но Пьер мужественно тащил повозку. Мудрила объявил, что будет изучать Помпилиуса, потому что собирается поехать насчет печей в московские земли, а там полно медведей и нужно уметь с ними обращаться.

— А что вы собираетесь делать с тамошними печами? — поинтересовался Рыжий Лис.

— Там нет печей, вечный странник, — сказал Мудрила, — в том-то и дело. Я выстрою две тысячи печей и обогрею страну. После этого, возможно, мы поселим там всех безбожников.

— А там уже есть население, — сказал Караколь. — Ты об этом подумал?

— Верующих я переведу сюда, — сказал Мудрила. — А остальные будут жить в тепле и покое. Безбожники тоже люди. Надо покончить с неразберихой.

Потом он перешел на тему о дымоходах и долго объяснял, что главное — чистая труба, чистый воздух, тогда и совесть будет чиста.

— Есть такие дымоходы, которые очень трудно прочистить, — сказал Рыжий Лис.

— Какие? — спросил Мудрила.

— Например, мой личный дымоход, — сказал Рыжий Лис. — У меня внутри тоже есть небольшая печка для обогрева, а дымоход иногда засоряется. Чем же его чистить? Иголкой больно.

Мудрила изумился:

— Ты утверждаешь, что у тебя внутри печка?

— Конечно, — сказал Рыжий Лис.

— Тогда из тебя должен идти дым, когда она топится?

— Ну в том-то и дело, — сказал Рыжий Лис. — Когда хорошенько прокашляешься и затопишь печку, валит прямо клубами.

— Вечный странник, ты говоришь смелые вещи. При всей моей мудрости я не могу поверить, пока не увижу собственными глазами.

— Сейчас тепло, но я могу немного затопить мою печку из уважения к мудрости, — сказал Рыжий Лис. — Для этого нужно поискать что-нибудь на растопку.

Он оттащил меня к обочине, сделал вид, что рвет траву, а сам достал из-за пазухи что-то похожее на труху.

— Сейчас проведем опыт, — сказал Рыжий Лис. — Тащи кресало.

Он завернул свою труху в сухой лист подорожника и выбил огонь.

— Эта штука называется табак, адмирал. Роскошная вещь! Потом научу. А сейчас проведем опыт.

Он подскочил к Мудриле и выпустил ему в лицо целую струю желтого дыма. У меня глаза чуть на лоб не полезли. Ничего себе «опыт»! Как это у него получилось?

Мудрила — тот совсем ошалел. Он попросил показать еще раз. Рыжий Лис снова пустил струю дыма.

— А могу клубами и колечками, — сказал он.

— И много ты знаешь людей с такими печками? — спросил Мудрила дрожащим от волнения голосом.

— На одном корабле в Антверпене все моряки были с такими печками, — сказал Рыжий Лис.

— Вот в чем секрет! — закричал Мудрила. — Я давно ищу этот секрет! Дьявол живет в личных дымоходах, а значит, в самом человеке! Эврика! Человек из Кампена научит вас жить!

Он тут же погрузился в размышления и стал бормотать:

— Но как же их прочистить? Иголкой? Больно...

Мне Рыжий Лис сказал:

— Я научу тебя дымить, адмирал. Это приятно, внутри тепло и горько. Табачок у меня еще есть. А в Дельфте подкупим у моряков.

— А это не грех?

— Грех? Не болтай, мон шер. Самое мужское дело. Грех только для дам. Один морской волк мне сказал: когда мамзели начнут дымить, тогда и конец света скоро. Нет, адмирал, у меня в Аренландии все мужики будут дымить. Сядут на крылечко, с утра до вечера дым в небо...

— А когда же работать?

— Работать? С ума сошел, адмирал! Зачем это нужно, мы только торгуем. Да, видно, ты ничего не слышал про Аренландию?

— Нет, ничего.

— И книжек не читал?

— Не читал.

— Да ты читать-то умеешь?

— Умею, я в кломпенсхооле учился — школе для бедняков. Целый год ходил.

— Ну там, надеюсь, рассказывали про герцогство Аренландское?

— Да нет, говорю тебе.

— Ну как же, разве не говорили, что есть такой архипелаг в море — много-много островов?

— Не говорили.

— Эх, мон шер... — Рыжий Лис вздохнул. — Образование у тебя того... Ты же не в прошлом веке, когда книжка стоила больше коровы. Теперь их пекут, как пироги, сразу по сто штук, сам видел.

— Да где мне взять книжку про твою Аренландию? Я всего-то их видел десяток.

— Ну ладно. Представь себе, плывешь по морю на корабле. И вот вдали видишь острова. И не такое полузатопленное блюдце, как твоя Голландия, а зеленые купола, понимаешь?

— Эле, — сказал я, — послушай про его Аренландию.

Но Эле и так слушала.

— Подходишь на корабле и видишь прекрасные горы, покрытые лесом. А берега крутые, из белого и розового камня. И много островов, маленьких и больших. Идешь по главному, а там на каждом шагу озера с хрустальной водой. Если залезть на самую высокую гору... подожди, как она называется? Больно заковыристое название. Да ладно... Так вот по-

смотришь оттуда, то под тобой зеленый ковер, а в нем озера, как голубой жемчуг. А зверья там! Видимо-невидимо! А какая селедка, адмирал! Толще и жирней зеландской. В общем, не жизнь, а малина. Но главного-то я тебе не сказал.

— А что главное?

— Э, брат, в том-то и штука. Такая, понимаешь, вещь... Прямо говорить не хочется.

— Ну скажи, Лис.

— А главное, адмирал, то, — Лис понизил голос, — что нету там никакой ночи.

— Врешь!

— Про этот главный аренландский секрет мало кто знает. А то бы житья там не было. Понаехало бы народищу... Жизнь-то ведь вдвое больше. Понимаешь, в чем загвоздка?

— Ух ты!

— Здесь только днем живут, а ночью храпят. А там, брат, все двадцать четыре часа гуляй — не хочу.

— Здорово! Вот бы пожить там немного.

Рыжий Лис пообещал:

— Вот получу наследство, может, подарю один островишко.

— А много их там?

— Целая тысяча.

— Хоть самый маленький, Лис...

— Ладно-ладно.

Мне так захотелось хоть годик пожить вдвое больше, я и забыл, что Лис сочиняет. А может, правду он говорит? Чего не бывает на свете!

— А вам, принцесса, я подарю самый большой остров, — сказал Рыжий Лис. — Но для этого нужно, чтобы вы были настоящей принцессой. Не сомневаюсь, что вы настоящая, но все-таки требуется небольшой опыт.

— Какой? — спросил я.

— Существует способ, по которому отгадывают настоящую принцессу. Для этого кладут в перину горошину, и если принцесса не может на ней спать, то значит, она настоящая.

— Горошина?

— Принцесса, адмирал. Какой бестолковый!.. Итак, проведем опыт.

— Но у нас нет перины и нет горошины. А потом, сейчас ведь не ночь. Как же Эле будет спать?

— Мы смягчим условия, — сказал Рыжий Лис. — Положим простой камешек. Вот этот. — Лис показал круглый се-

рый камешек. — Или не положим его. А Эле попросим сесть. Если она почувствует под собой камешек и он там на самом деле будет, значит, она настоящая принцесса. Если же камешка не будет, значит, она должна сказать, что ничего там нет. Если она ошибется, значит, принцесса не совсем настоящая... Согласны, мамзель?

Эле согласилась.

Пока Караколь и Мудрила спорили о дымоходах, Лис попросил Эле закрыть глаза и положил камешек на передок фургона.

— Теперь садитесь, принцесса! — А мне шепнул: — Смотри, адмирал, сейчас кое-что будет.

Когда Эле опустилась на передок, что-то хрупнуло. Эле спрыгнула с растерянным видом. А Рыжий Лис схватился за живот и стал хохотать как сумасшедший. Даже Караколь и Мудрила перестали спорить.

— Ой не могу! — хохотал Рыжий Лис. — Принцесса! Адмирал, посмотри на нее...

Я увидел, что розовое платье Эле испачкано. Оказывается, Лис подложил не камешек, а птичье яйцо.

Не успел я оценить это дело, как Эле подскочила к Рыжему Лису и отвесила ему такую оплеуху, что Лис поперхнулся.

— Вот это да! — сказал Караколь.

— Не отвлекайся, — сказал Мудрила. — Так ты говоришь...

Они опять принялись за свое.

— Пардон, мамзель, — сказал Рыжий Лис, — у вас рука настоящей королевы.

Тут Эле отпускает ему вторую оплеуху, уже послабее и по другой щеке.

— Справедливо, — сказал Караколь.

— Ты будешь отвлекаться, бревенчатый лоб! — закричал Мудрила.

— А это уже ручка герцогини, — сказал Рыжий Лис, а сам покраснел как рак. — Принцесса, я беру вас в Аренландию. Вас ждут щеки моих подданных.

Тут случилось что-то неожиданное.

Никогда я не слышал от Эле больше двух слов подряд. А здесь словно шлюзы прорвало.

— Нужна мне твоя Аренландия, я там сто раз была! А ты просто хвастун, зачем только, Кеес, его слушаешь! Надо же, пришел, болтает, да еще платье мое испортил!

— Мамзель! — сказал Рыжий Лис. — Я подарю вам ты-

сячи платьев из бархата и парчи. Во всем остальном вы правы, но говорить, что были в моей Аренландии, по меньшей мере нечестно!

— Я-то была, а вот ты зачем сочиняешь?

— Да я там родился, мамзель, и прожил всю долгую жизнь!

— Если родился, то почему же не помнишь название самой высокой горы?

— Подумаешь, горы! Там столько высоких гор! Уж не хотите ли вы сказать, дорогая принцесса, что подскажете мне это название?

— А вот и подскажу.

— Ах, ах! Какая смелость! Так как же называется эта гора, с которой озера видны, как голубой изумруд? Гора, на которой я, бывало, стоял, скрестив руки, и думал о смысле жизни? А? Я жду, дорогая принцесса.

Рыжий Лис кривлялся, приседал, размахивал руками, кланялся.

Эле смотрела на него насмешливо.

— Эта гора называется Голгофа, дорогой граф.

Редко можно увидеть такое изумленное лицо, какое было в этот момент у Лиса.

МЫ УХАЖИВАЕМ ЗА ЭЛЕ

Мы решили передохнуть, потому что Пьер захромал. Караколь осмотрел ему ноги и туго замотал куском парусины. Потом с Мудрилой они пошли в соседнюю деревню, чтобы принести немного сыра и молока.

Лис еще не совсем оправился от изумления и все поглядывал на Эле. Но та снова замолчала, только на щеках оставался румянец.

Я стал успокаивать Лиса:

— Может, она читала про твою Аренландию в книжках.

— Увы, — сказал Рыжий Лис и вздохнул. — Боюсь, что такая книга еще не написана.

— А правда там есть эта гора?

— Точно, адмирал. В том-то и штука. Я малость подзабыл, но гора так и называется — Голгофа.

— А если Эле и вправду была в Аренландии?

Рыжий Лис хмыкнул.

— Сомнительно, адмирал, сомнительно,

Выглянуло солнышко, пригрело, и сразу вокруг стало веселей. Вдали виднелись шпили и колокольни города. Наверное, это был Дельфт.

Мы разлеглись на сухой полянке и стали смотреть в небо. Рыжий Лис вытащил свою труху — «табак», он, кажется, сказал? — и начал дымить.

— Хочешь попробовать?

— А как?

— Дыши в себя, а потом обратно.

Я вдохнул, но тут же стал кашлять. Как будто кто-то схватил за горло.

— Нет, Лис, мне не нравится.

— Привыкнешь еще.

— А зачем?

— Эх, адмирал, это же корень жизни. Растет за тридевять земель. Если прогнать через горло сто таких корешков, прибавится год жизни.

— Кто тебе сказал?

— Моряки. В той стране, где все дымят, кругом одни столетние. Но там, брат, все куда хлеще. Дымят из огромных деревянных трубок, на конце у каждой такая штука вроде чашки. Туда и кладут корешки. А табачок там! Схватит за горло — хоть помирай!

— А у тебя в горле тоже дерет?

— А как же! Думаешь, просто заработать лишний год жизни? Труд, труд и труд. Даже страдания. Надо пройти через всё. Только тогда заслужишь.

— Ну ладно, давай и мне, Лис. Может, лишний часок себе выстрадаю.

— Уже кончилось. Вот купим с тобой целую тонну и будем трудиться с утра до ночи.

Так мы лежали и грелись на солнышке.

— Люблю светские беседы на отдыхе, — сказал Рыжий Лис. — У нас в Аренландии, бывало, уляжемся целым герцогством и беседуем.

При этом он покосился на Эле. Но Эле, как говорится, и ухом не повела. Точнее сказать, ушком: солнце в этот момент зацепило его своим лучом и оно стало похоже на розовую раковинку.

— Господа, — сказал Рыжий Лис, — в благородном обществе принято развлекать дам. Так что мы с тобой, адмирал, должны приударить за принцессой.

— Как это — приударить?

— Ну, поухаживать.

— Вот еще.

— Да ты не понимаешь, адмирал. Это ведь понарошку. Чтобы развеять скуку.

— А ты у нее спроси. Может, она не хочет, чтобы мы ухаживали.

— Благородная дама всегда хочет.

— Ну тогда я не хочу. Один ухаживай.

Тут Эле на меня посмотрела и поджала губку. Неужели ей понравилось предложение Лиса? Никогда не поймешь этих женщин...

Я кашлянул и сказал:

— Ну ладно, давай. Только я не умею.

— Ну, это я научу. Тут, адмирал, целая уйма правил. Какие ты хочешь выбрать? Заморские или местные?

Я подумал и сказал:

— Лучше заморские.

— Из заморских могу предложить тебе императорские, богдыханские, могольские и самые простые правила «тьфу-тьфу».

— А что это за правила?

— Да ерундовые. Садись против дамы и начинаешь плевать: раз через левое плечо, раз через правое. Если, допустим, на тридцатом плевке дама уйдет, значит, ты наухаживал за ней на тридцать «тьфу».

— А если не уйдет?

— Тогда плюешь дальше.

— А если опять не уйдет?

— Снова плюешь. У меня, адмирал, был потрясающий случай. Один раз я ухаживал за дочкой китайского хана. Я плюнул уже две тысячи сто пятьдесят раз и чувствую, что скоро плевать будет нечем. А тут, смотрю, ханская дочка приоровилась и стала плевать вместе со мной: раз через левое плечо, раз через правое. По правилам, если доплевался до того, что и дама начинает плевать, должен на ней жениться. Лучшей пары не сыскать. А я как раз не собирался устраиваться в Китае. Что бы ты сделал, адмирал?

— А ты что сделал?

— Я ей говорю: «Хорошо это вы, мамзель, сделали, что стали плевать. Как известно, после каждого плевка ханской особы в земле вырастает жемчужина. Так что завтра я откопаю здесь целую пригоршню жемчуга, спасибо вам». Как только я это сказал, ханская дочка сразу закрыла рот, вско-

чила и помчалась плевать где-нибудь в своем саду... Вот так, адмирал. Ну что, будешь ухаживать по способу «тьфу-тьфу»?

— Да нет, — сказал я. — Жениться не собираюсь.

— Тогда императорский, богдыханский, могольский?

— Давай императорский.

— Это, брат, очень сложная штука. Сначала ты должен на одной ноге обскакать свою даму десять раз, потом стать вверх ногами и стоять до тех пор, пока не зашумит в голове. Как только зашумит, ты начинаешь кукарекать и кричать: «Цып-цып, я твой император!» А она наклоняется к тебе и щекочет нос. Если ты не удержишься и чихнешь, она сразу скажет: «Цып-цып, я твоя императрица!» После этого вы должны пожениться.

— Нет, Лис, это мне тоже не подходит.

— Ну ладно, — сказал Рыжий Лис. — Есть еще один способ, как раз для тебя. Приберег напоследок. Называется адмиральский.

— Адмиральский?

— Ну да. Не очень сложный, но красивый и безотказный. Берешь яйцо, вот такое. — Лис показал серое птичье яичко. — У меня как раз еще одно осталось. Кладешь его в траву и начинаешь гнать носом. При этом напеваешь: «Катись, яичко, по траве, как кораблик по волнам».

— Носом катить по траве?

— Ну да. Прямо к даме.

— Я не сумею.

— Да это проще пареной репы!

— Ты сам-то ухаживал по-адмиральски?

— Конечно! За дочкой английского лорда. Я прикатил к ней яйцо, мы его сварили и съели.

— И поженились?

— Ну что ты! В адмиральских правилах нет никакой женитьбы, все адмиралы холостые.

— Тогда это можно. Но все-таки я не сумею катить яйцо. Как же его подцепишь?

— Да боже мой, все очень просто! Кладешь яйцо в траву. — Лис кинул яичко. — Становишься на четвереньки, вот так. Нагибаешь голову...

Он наклонил голову, и в тот момент, когда нос коснулся яичка, я хлопнул ладонью по рыжему затылку...

Хруп! Лис вскочил с глупым видом. По щекам у него текло, а в самый кончик носа вцепилась маленькая серая скорлупка.

— А это, — сказал я, — называется графский способ. Он самый простой, и по нему ухаживают одни дураки.

Эле упала на спину и засмеялась так звонко, как колокольчик. Сначала Лис не знал, что ему делать. Но потом тоже повалился и стал дрыгать ногами.

— Ой, адмирал! Ха-ха-ха! Да ты, я смотрю, не промах! Потом он умылся в канавке и сказал:

— Я знаю, как ухаживать по-настоящему.

— Как?

— Надо читать стихи.

— Стихи? — сказал я. — Пожалуйста:

Питер Книппервистер
штаны о дамбу вытер...

— Да нет, — сказал Рыжий Лис. — В стихах должны быть двое, он и она, понимаешь? А еще лучше — кто-нибудь третий. Понимаешь?

Я покопался в памяти и нашел то, что нужно:

Захариус с сестрицей
увидели утят.
Сестра сказала: «Птицы».
«Цыплята!» — крикнул брат.
Гулял тут Симон у реки...
«А вы, — сказал он, — индюки!»

Рыжему Лису не понравилось и это. Он сказал:

— Я имел в виду вовсе не то. Нужно про любовь. Ты хоть знаешь, что такое любовь?

— Еще бы, — сказал я. — Получше тебя. Если про любовь, то нужен мадригал.

— Правильно! — сказал Рыжий Лис. — Откуда ты знаешь?

Я сказал:

— Про любовь мне известно больше тебя. И могу показать, как ухаживают, если любовь.

— Интересно посмотреть, — говорит Рыжий Лис.

Я объяснил, что для этого нужен платок. Платка не нашлось, но мы оторвали еще один кусок парусины от фургона. Я дал «платок» Эле и велел мне его «подарить». Эле «подарила». Я повертел «платок» в руках, выставил ногу, сделал гордое лицо, как у Караколя, и сунул «платок» обратно.

— Возьмите ваш платок! Вы не принцесса!

Тут Эле удивила меня второй раз за день. Она надула губки и сказала:

— Подумаешь! Найдутся такие, для которых принцесса. При этом стрельнула глазками в сторону Лиса.

Нет, говорю вам, никогда не разберешь этих женщин!

РАЗВИЛКА «КАПКАН»

Совсем немного оставалось до города, когда стало темнеть. Мы прибавили шагу. Рыжий Лис увивался вокруг Эле и все рассказывал, как насмерть влюбил в себя дочку индийского могола. Эле шла с важным видом, и видно, ей нравилось, что попала в компанию императорских, королевских и царских наследниц. А на памяти Лиса их был целый табун.

Я шел и думал, как бы показать, что мне это все равно. Потом взял и подставил Эле ножку. Она не упала, а только споткнулась.

— Ты что? — говорит Эле.

А я говорю:

— Что?

— Как что? Ты мне подставил ножку.

— Я?

— Да, ты.

— Когда на моих глазах виконт Бипельбрунди подставил ножку принцессе Альтибальтини, — говорит Рыжий Лис, — ему отрубили ногу и подарили завернутую в пакет и перевязанную розовой лентой.

— А ну-ка попробуй, мне отруби...

— Мы с тобой не разговариваем, — говорит Эле.

— Есть, правда, такой способ ухаживания, — говорит Рыжий Лис. — Подставляют ножки до тех пор, пока дама не влюбится. После этого назначается свадьба.

— Так, может, и твой Бипельбрунди ухаживал.

— Конечно, ухаживал.

— За что же ему отрубили ногу?

— Я разве сказал — ему? Отрубили ножку стула. Принцесса сказала, что он совершенно не умеет подставлять ножки. Пускай поучится пока на стульях, а потом ухаживает за принцессой.

Я чувствовал, что Лис к чему-то клонит, поэтому и сказал...

— Ну, а дальше?

— А дальше то, что если уж подставляешь ножку, то дама должна упасть. Если не получается, поучись на стульях.

— Ладно, — сказал я, — поучусь на стульях, а потом ты будешь кувыркаться у меня на каждом шагу!

Я поотстал и решил: пусть они женятся между собой, а я найду себе что-нибудь получше. Но сказать по правде, было мне что-то невесело. Разве не я первый решил влюбиться в Эле, не я принял ее в тюльпаны? Разве не отомстил я Рыжему Лису за проделку с птичьим яйцом? А теперь они идут и болтают между собой, как будто ничего такого не было. Неблагодарный народ девчонки!

Мы подошли к такому месту, где дорога разъединялась на три ветки, и стали совещаться, которую выбрать.

Тут мимо прошел крестьянин и сказал:

— По какой ни поедете, все равно попадете в ольховую рощу, а дорога там не наезжена, будете плутать, пока не провалитесь в какую-нибудь яму. Не раз уже так бывало. Эта развилка называется «капкан». Лучше бы вам свернуть за пятьсот шагов отсюда, оттуда до города подальше, но суше и нет никаких ям.

— Ольховая роща? — говорит Мудрила. — Кажется, я узнаю. Здесь прячется мой друг Эразмус Роттердамский.

— Не знаю, какой человек ваш друг, — говорит крестьянин, — но место это нехорошее. Засветло еще можно проехать, а в темноте боимся. Там души умерших бродят со свечками.

— Ерунда, — говорит Мудрила. — Мой друг Эразмус живой человек, он только прячется.

— Эта развилка называется «капкан», — говорит крестьянин, — а дальше как знаете. Я вот накопал торфа и пойду домой. Прощайте.

— Прощай, добрый человек, — сказал Караколь. — Давайте вернемся назад и поедем по хорошей дороге.

— Ни в коем случае! — говорит Мудрила. — Здесь проживает мой друг Эразмус, который написал «Похвалу глупости». Стало быть, объезжать это место сплошная глупость. Идите за мной, я узнаю места.

Мы двинулись за Мудрилой. Сквозь листья ольховника желтело небо. Становилось все темней. Дорога разбрелась на несколько тропок, они соединялись, потом рассыпались снова.

— Когда-то я помог Эразмусу спастись от погони, — сказал Мудрила. — За ним бежали нехорошие люди с палками... Брат Эразмус! — закричал Мудрила. — Брат Эразму-ус!

«Ус-ус...» — отдалось в лесу.

— Зря мы это затеяли, — ворчал Караколь.

— Брат Эразму-ус!

Так он кричал несколько раз. Вдруг видим — в кустах стоит темная фигура, на голове капюшон, как у монаха. Фигура эта и говорит сладеньким, каким-то бабьим голосом:

— Приветствую тебя, брат Мудрилус. С чем пожаловал?

— Эразмус! — обрадовался Мудрила. — Я знал, что тебя найду, голова-то у меня работает, ох как работает!.. Пустите нас в свою пещеру, — сказал Мудрила, — это мои попутчики. Нам бы переночевать.

— Всем место найдется, — пропел брат Эразмус.

— Это и есть Эразм Роттердамский, — сказал Мудрила. — Говорил вам, что он живой, только прячется.

— Следуйте за мной, путники, — пропел человек.

Мы пошли, спотыкаясь в кустах. Пьер еле тянул фургон: то одна ветка цеплялась за колесо, то другая. У густых зарослей брат Эразмус остановился, сложил руки у рта и гукнул по-совиному. Ловко он это проделал, я так не сумею.

Что-то зашуршало, и перед нами открылась дыра. В ней теплился желтый свет.

— Брат Эразмус, у тебя, я смотрю, другая пещера, — сказал Мудрила.

— Спускайтесь, путники, — сказал брат Эразмус. — Фургон и животных оставите наверху.

Вниз вела крепкая деревянная лестница, а от нее шел коридор. Пахнуло землей и холодом, но чем дальше мы шли, тем становилось теплее. Открылась круглая комната, на стенах висели свечи, а за столом сидел человек и что-то писал.

Наш проводник сказал:

— Брат Ансельмо, лицезрей путника, помогшего брату Эразмусу в трудный момент. Мы не откажем в ночлеге верным христианам.

Тот, кого называли братом Ансельмо, посмотрел на нас, пожал плечом и ничего не сказал. Потом уже не глядя пробурчал:

— Поместите их в кладовую, сегодня у нас будут гости. Мы снова пошли по коридору.

— Брат Эразмус, — говорит Мудрила, — я смотрю, у тебя много друзей.

— Много, брат Мудрилус, — согласился Эразмус. — Все верные христиане мои друзья.

Мы оказались в темной комнате, только слабый свет пробивался из коридора. Присмотревшись, я увидел сено, наваленное по углам.

— Ночуйте, путники, — сказал брат Эразмус.

— Как! — сказал Мудрила. — Ты покидаешь нас? У меня накопилось много прекрасных идей! Одна из них касается личных дымоходов. Ты знаешь...

— Прости, брат Мудрилус, — пропел брат Роттердамский, — неотложные дела влекут меня в сие же мгновение. Я оставляю вас до утра.

— Как!.. — снова начал Мудрила, но рядом уже никого не было. — Прекрасную пещеру открыл себе мой друг Эразмус! — сказал Мудрила. — Вот что значит труд и терпение! Интересно, чем он копал?

Караколь только хмыкнул.

Мы улеглись на сене. Ко мне подполз Рыжий Лис и зашептал:

— Адмирал, мой нос чувствует непогоду.

Я говорю:

— С чего ты взял?

— Я эту компанию различаю за тысячу шагов. Брат Ансельмо, брат Эразмус... Сдается, адмирал, что мы попали к моим друзьям.

— Если к друзьям, — говорю, — тогда чего волноваться?

— Эти дружки еще те, адмирал. Да и мой папаша среди них не последний человек, а он за мной гоняется.

— Чтобы вернуть в Аренландию?

— Ну да, в некотором роде. Да еще прибить покрепче.

— Строгий у тебя папаша.

— Чего же ты хочешь — герцог... В общем, надо разнюхать, что к чему, — говорит Рыжий Лис, — иначе я не засну. Ты, брат, не знаком с интригами королевского двора, а это штука опасная.

— Как же мы разнюхаем?

— Давай потихоньку отсюда вылезем и посмотрим этот подземный дворец.

В коридоре было уже темно, только холодные ветерки шмыгали, как рыбы. Мы с Рыжим Лисом пошли на ощупь в ту сторону, откуда нас привели. Здесь, видно, был всего один ход, так что мы не заблудились. Увидели желтое пятно света и услышали разговор. Тихонько подошли поближе и оказались около той комнаты, в которой видели брата Ансельмо.

Он и сейчас сидел за столом, а рядом с ним наш Эразмус. Ансельмо ему говорит:

— Брат Эразмус, зачем ты водишь сюда всяких оборванцев? Здесь не постоялый двор и не харчевня.

— Я уже объяснял тебе, брат Ансельмо. Этот человек помог, когда за мной гнались люди принца. К тому же он не в себе, принял меня за Эразма Роттердамского.

— А те, остальные?

— Да это ведь нищие циркачи. Разве мы не должны дать приют бездомным людям?

— Все сейчас бездомные. А что скажет брат Герциано?

Тут, чувствую, Лис схватил меня за руку. А братец Эразмус говорит:

— Когда ты его ожидаешь?

— Вот-вот должен быть.

Рыжий Лис мне шепчет:

— Адмирал, надо драпать... Это они.

В этот момент братец Ансельмо встает и идет к нам.

— Хочу закрыть решетку, брат Эразмус.

Мы сразу прижались к стене, а он прошел, не заметил. Что-то заскрипело, зашуршало, посыпалась земля. Сзади нас опустилась решетка. Также не замечая нас, Ансельмо прошел назад. Он взял со стола свечку, огромные тени прыгнули на стены.

— Я встречу его наверху, — сказал брат Ансельмо. — А ты иди почивать. Святая Мария, долго ли нам обретаться в этой могиле?

— Ничего, брат Ансельмо, скоро переберемся в город. Уже подыскали место.

Свет померк, они ушли в разные стороны. На минуту мне стало очень страшно. Сверху земля, сбоку земля. И в самом деле могила. Даже воздух какой-то густой, тяжелый.

— Смываемся, адмирал, — сказал Рыжий Лис, — иначе мне крышка.

— А как же наши?

— Ты разве не видел решетку? К ним не пробраться. А кроме того, ничего им не будет, — поспят и отправятся дальше. А мне, адмирал, нельзя.

Я решил выбраться вместе с Лисом наверх, а там посмотреть, что к чему. Мы чуть не ползком стали пробираться по коридору в ту сторону, куда ушел брат Ансельмо. Звуки здесь были какие-то ватные. Если Лис мне что-нибудь говорил, то казалось, через подушку. Скоро я нащупал руками лестницу. Мы осторожно выкарабкались наверх. Брата Ансельмо не было видно.

Первым делом я решил посмотреть, как чувствуют себя голуби, и подложить им корма. Но только мы пробрались к фургону, как затрещали кусты.

— А это что? — спросил голос.

Я тут же узнал Слимброка! Внутри аж похолодело.

— Брат Эразмус привел ночевать каких-то циркачей. Это медведь и собака.

— Сколько их?

— Человек пять. Девочка, мальчик... Я поместил их в кладовой. Я говорил брату Эразмусу, что тут не постоянный двор, но он настоял.

— Брат Эразмус правильно сделал. Они еще там?

— Конечно. Остались до утра.

— Что это хрупнуло?

— Здесь никого нет.

— Ты уверен? Мальчишка не выбрался?

— Какой мальчишка?

— Тот, которого привели.

— Я опустил решетку.

— А до этого?

— Брат Герциано, почему ты...

— Я знаю этого парня. Большой любитель подслушивать. Так ты опустил решетку?

— Постой, когда я опускал, мне и вправду почудилось... А какой мальчик? Их было два. Один рыжий, такой худющий...

— Рыжий? Повыше первого?

— Да, рыжий, как огонь.

— Ах дьявол! Беги быстрее, поднимай решетку, не то они тебе всю пещеру вверх дном поставят!

— Да кто они такие, брат?

— Беги, говорю! Если эти двое сговорились... А я сейчас осмотрю все кругом: не ровен час, кто-нибудь выбрался...

Несколько мгновений было тихо, потом голос Слимброка сказал:

— Нет, чует мое сердце, они здесь... — И тут же крик, от которого я вздрогнул: — Мартин, ты здесь?

При этих словах Рыжий Лис кинулся в сторону. Кусты затрещали.

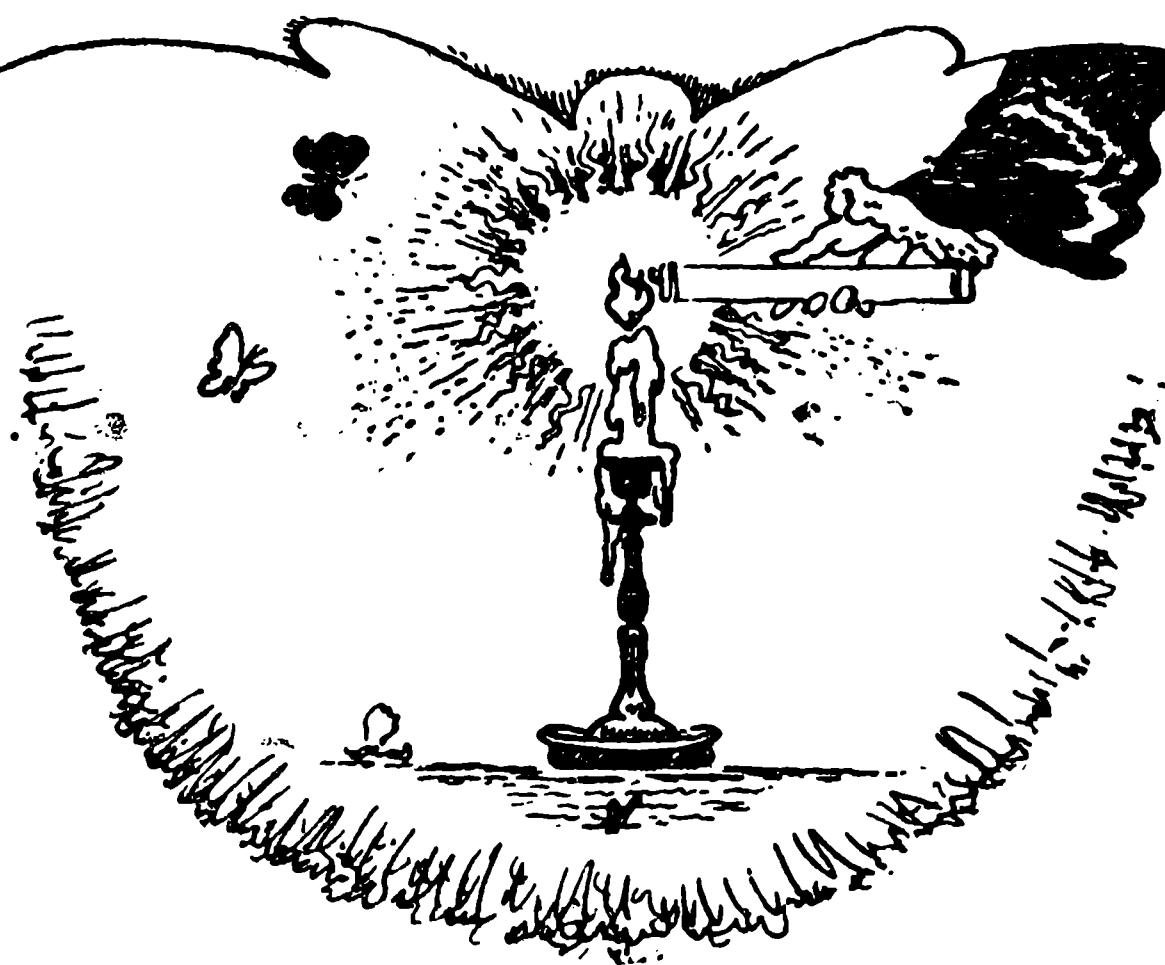
— Он здесь, дьявол! Держи! Ансельмо!

А мы уже мчались через кусты во всю прыть. И на этот раз ноги несли меня от беды как и положено, не спотыкаясь, хоть и темно было — выколи глаз. Да и Лис оказался страсть каким резвым,

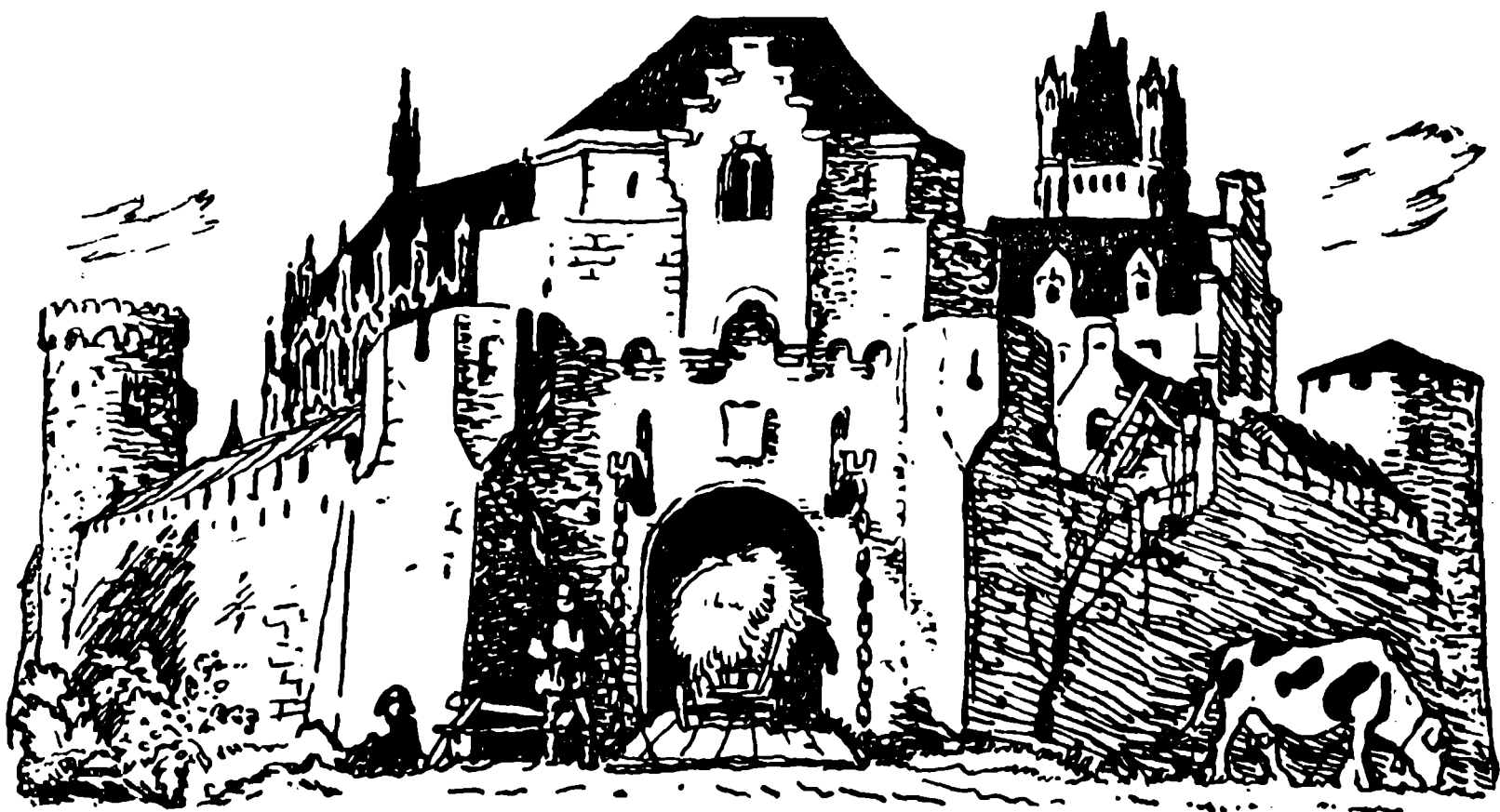

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
“ДЫХАНИЕ „ИСПАНСКОЙ НОЧИ”

В ДЕЛЬФТЕ

Я вот все думаю: кто там читает мою книжку? Где и когда? Днем или при свечке? В сарае или богатом доме? И в какой стране? Вот интересно. Дядя Гейберт привозил на своем корабле непонятные книжки с картинками. Вот и мою могут увезти за море, и попадет она к людям, которые ходят вверх головой. Вы, случаем, не вверх головой сейчас сидите? Или летаете... не знаю, какие у вас там порядки.

Говорят, с книжкой ничего не сделается даже за сто лет. Так что — ой, страшно подумать! — может, и через сто лет она кому-нибудь попадется в руки?

На всякий случай напоминаю: сейчас лето 1574 года, у нас война с испанцами. А на войне можно стать героем.

А сколько вам лет и какие у вас волосы, лохматые или причесанные? Умеете вы бегать, плавать, бросать камни? Нет, правда мне все интересно. Хотел бы на вас посмотреть.

Лис говорит, что через сто лет люди будут с тремя головами и десятью руками — так, мол, удобнее. Неужели?.. Ха-ха!.. Нет, я представить себе не могу! Неужели мальчишке или девчонке с тремя головами попадется моя книжка?

Нет, просто умора! Только если у вас три головы или больше, не залезайте другой головой вперед, а то неинтересно. И не мните страницы сразу десятью руками, а то ничего не останется. Ха-ха! Я бы попробовал, честное слово! Три головы!.. Да мне бы хоть одну лишнюю да еще парочку ног, а то эти совсем устали...

Так вот я про ноги. Вы, может, еще не забыли, как мы мчались через кусты? Я так вам скажу: расцарапался в кровь, коленку расшиб. Лис то же самое, но головы наши остались на месте.

Не стану вас допекать разговорами, как мыкались ночью, как провалились в какое-то болотце и насмерть перепугались коровы. Словом, к утру были около Дельфта. Сидим перед рвом у ворот. Рядом куры кудахчут, индюки гукают. Коленка у меня жутко болит...

Лису я говорю:

— Что будем делать?

Он отвечает:

— Как это что? Слава те, господи, уцелели. Интриги, ох интриги! Лишить Аренландию единственного наследника! Не удалось, господа, не вышло!

И достает свою ядовитую труху. Потом бежит к маленькой палатке, откуда валит вкусный дым, и возвращается с угольком. Пых-пых! Лис задымил, закашлял, положил ногу на ногу.

— Как это что делать? Будем странствовать, адмирал. Не трусь, проживем. Я знаю две тысячи способов добычи денег! Поедем в такие страны! С графом не пропадешь.

Я разозлился.

— Ты что, — говорю, — разболтался, тощая цапля? Я не про то спрашиваю, куда деться. Дела у меня поважнее твоих странствий, — и я похлопал по каблуку с письмом. — Я спрашиваю, что теперь делать с Караколем и Эле. Не говорю уж про Помпилиуса и Пьера.

Лис словно бы удивился:

— А что с ними будет? Выспятся и поедут себе. Подумаешь, какое дело!

А сам голову в сторону воротит.

Я говорю:

— А ты почему оттуда летел, до самого Дельфта не оглянулся?

Лис говорит:

— Мое дело. Сказано тебе — интриги. А ты почему, адми-

рал? Если такой храбрый, остался бы со своей Эле, нужна сна мне больно!

— Дело не в Эле, — говорю. — А почему убежал — тайна. — И показал Лису кулак. — Вот тебе!

— Ну и шарман, — говорит Лис, — то есть чудесно. Тайна на тайну. — А сам продолжает глотать дым.

Мне все-таки не терпелось сказать Лису. Не для хвастовства, а так, чтобы знал, какие бывают дела в наше время. Помолчали немного, потом и говорю:

— Давай, Лис, по-товарищески. Ты мне свою тайну, я — свою.

Лис подумал и согласился.

— Только ты первый, — говорит. — А то, может, твоя тайна моей не стоит.

Не стал я торговаться. Рассказал Лису все, как есть, с самого начала. Все приключения свои, про Слимброка и Железного Зуба. Потом достал из каблука свинцовую трубочку и показал.

Чувствую, Лиса проняло. Даже дымить перестал. Бросил на землю огарок и вцепился руками в рыжие патлы. Задумался, закручинился.

— Что, — говорю, — может, не веришь?

— Не поверил бы, — отвечает, — вот те крест и святая троица. Только половину этой истории я сам знаю. Но с другого конца.

Я уж думал, Лис пустится врать, и приготовился дать ему по шее. Только он говорит:

— Верь не верь, адмирал, а твой Слимброк — он же брат Герциано и есть мой незабвенный папаша, дай ты, господи, преставиться ему пораньше...

Не стану уж рассказывать, до чего я удивился. Даже язык у меня повернулся не сразу.

— Помнишь, — говорит Лис, — как он гаркнул: «Мартин, ты здесь?» Я ведь и есть Мартин. Он меня носом и селезенкой — чем хочешь чует и очень желает вернуть под свое крыло, а может, вообще прикончить.

— За что?

— Много про него знаю.

— Он что, перед кем-нибудь виноват?

Лис закатил глаза:

— «Виноват»! Пресвятая дева! Да плевать им на вину, боженька что хочешь отпустит!..

— Ой, Лис, потише!

— Ну, адмирал, попали мы с тобой в историю, — говорит Лис.

— Да ты про что, Лис?

— Не представляешь ты, брат, с кем связался.

И снова хватается за рыжие патлы.

— С кем бы ни связался, — говорю, — а Эле и Караколя надо выручать.

— Еще чего! — закричал Лис. — «Выручать»! Да нас там просто прикончат! Подумай о Голландии, адмирал. Кто будет водить корабли?

Я спросил у Лиса, почему он так боится отца.

— Ох, адмирал, не спрашивай, хоть и обещал рассказать. Просто язык немеет. Видишь ли, они меня затащили в свою банду, два года учили, а я сбежал. Все про них знаю.

— А чему учили?

— Фи! Ты представить не можешь. Каторга! Например, дисциплина. — Лис вскочил и отбарабанил: — Обязуюсь подчиняться безмолвно и любому приказу! Как палка, покорная любому движению! Как восковой шар, повторяющий любую форму!

И пошел, и пошел тараторить... Никогда такого не слышал, а вам не пересказываю, потому что все узнаете дальше. Потерпите немного.

Под конец Лис сложил на груди ладони, опустил глаза в землю и смирененько так сказал:

— Мы странствующие рыцари Христа. И всех мы вас закопаем в землю или перевешаем вверх ногами... Господи, на то твоя воля. Аминь.

У меня даже холодок по спине пробежал. Примерно такое же говорил Слимброк Железному Зубу.

— Самое неприятное, — говорит Лис, — что ты попал в передрагу, которая у них называется «Испанская ночь». Помни мои слова, но рано или поздно такой ночью снесут голову твоему Молчаливому. Они уже тысячи на тот свет отправили. А разных там королей, императоров — целую дюжину! Принц для них — раз плюнуть.

Я вскочил и сказал:

— Спасем принца!

Лис только было открыл рот, чтобы ответить, как закричал и стал опускаться подъемный мост. Слышно было, как за стеной тяжело топали лошади, пищал ворот. Всполошились куры, индюки, хозяйки стали поднимать корзины с зеленью, строили в ряд тележки.

Мост опустился, отворились ворота, вышел бородатый человек с алебардой и закричал:

— Прра-пускаю! Вozy на базар прра-пускаю! Пошлина серебром, а с женщины — медью!

На конце алебарды болтается деревянный башмак. Туда и положено сыпать пошлину. Но это, конечно, тому, у кого есть, а нам с Лисом до алебардщика нет дела.

Мы прошмыгнули в город за первой повозкой и шли с ней до базара. А мне нужен принц Вильгельм Оранский по прозвищу Молчаливый. В каблуке для него свинцовая трубочка.

По деревянному настилу вдоль канала шла женщина — видно, из хорошей семьи. В белом чепце и коричневом платье. Решил спросить у нее. Женщины всегда добрее. Сделаешь такое лицо, еще по голове погладят, а может, дадут лепешку.

Вот я и забежал вперед, вежливо так приподнимаю шляпу и говорю:

— Фреле, не скажете...

Только не досказал, потому что поперхнулся. Передо мной стояла Эглантина, как будто по небу из Лейдена прилетела. Та самая Эглантина Бейс, которой мы сочинили мадригал с Караколем, но ничего из того не вышло.

ДОМ НА ВЕРВЕРС ДЕЙК

Конечно, я удивился. Как она выбралась? Мы разыграли целую комедию и то чуть не попались, а она уже тут, идет себе по улице.

Но Эглантина объяснила, что в самый туман, когда своих ног не увидишь, она прошла посты вместе с прыгуном по имени Рыжая Пташка. Спешила к дяде, который вроде бы заболел, но сейчас его нет. Вместе с Молчаливым он в Роттердаме.

Я, в общем-то, обрадовался встрече и все рассказал, даже про письмо. Меня ведь предупредили, что, если не будет принца, записку можно отдать и Бейсу, дяде Эглантины.

— Они со дня на день приедут, — сказала Эглантина. — А сейчас пойдемте ко мне... Кеес, ты Караколя не видел? Куда-то он пропал, искала его по всему Лейдену.

Я поперхнулся и побоялся сказать про Караколя. А Лис стал громко напевать какую-то песню. Вообще он сразу напыжился и стал важным. Наверное, не хотел ударить лицом в грязь перед Эглантиной.

Толком не объясню, как прошел день. Все точно в тумане. Эглантина привела нас к себе домой, кормила вкусными штуками, даже пирожками-олеболлен, которых не удалось поесть в Лейдене. Смотрел я какие-то картинки, отвечал на вопросы и помню, что никак не соглашался лечь спать. А потом, как добрался до подушки, вроде бы на карусели поехал, и сразу все пропало...

Снилось мне разное, но один сон хорошо запомнил. Как будто разбила мать тарелочку из дельфтского фаянса, которая висела у нас на стене. Взяла одну половинку и ушла. А я кричу: «Мама, мама!» А мама ушла в темноту. Поднял я вторую половинку и тоже пошел в темноту. А потом стало светлее. Смотрю — прямо передо мной рай. Человек в белом стоит и всех пропускает. Меня задержал, а я показал ему половину тарелки. Вынул белый вторую, приложил к моей, увидел, что сходится, и пропустил. Прошел я ворота, а там опять темнота. Я снова кричу: «Мама, мама!»

Тут Лис меня разбудил.

— Чего ты, — говорит, — кричишь, спать не даешь.

А за окном уже утро. Проспали мы чуть ли не сутки. Я подошел к окну.

Рядом с домом блестит вода — какой-то большой канал. А напротив высокая церковь с густыми деревьями. Небо чуть-чуть желтоватое, весь воздух поэтому как густое молоко.

Почему-то мне стало жалко себя. Вспомнил маму, отца, и захотелось плакать. Так иногда после сна бывает. Лис объяснил потом, что ночью кровь остывает, и сердце делается слабым, как у девочки.

Эглантина кормила нас бараниной с бобами и показала из окна длинный сероватый дом. Оказалось, это монастырь святой Агаты, и там живет принц Оранский по прозвищу Молчаливый. Окно его кабинета смотрело через канал в нашу сторону. Как только оно распахнется, значит, принц уже в Дельфте и можно нести письмо.

Потом Эглантина ушла, а мы решили погулять по городу. На белой стене в кухне висело много тарелочек, а одна просто лежала в углу на скамейке, разбитая, точно такая, какую я видел во сне. Снова у меня в груди что-то пискнуло. Взял я один осколок и положил в карман.

Дельфт показался мне похожим на Хаарлем, где жил дядя Гейберт, — такой же чистый и маленький. Каналы здесь прямее, чем наши, а гавань побольше. Много всяких кораблей под разноцветными флагами. Лис все высматривал, нет ли

у моряков трухи для продления жизни, но купить-то ее все равно было не на что.

Подкатил к одному бородатому в шляпе по самые уши.

— Эй, — говорит, — любезный, нет ли у тебя кой-чего чудного из заморской страны, от чего дыхалка горит?

Бородатый даже не посмотрел, вылезает из лодки на берег, сопит.

— Спрашиваю: корешок такой не привозил, который в нос бьет и глаз мутит?

Бородатый только пихнул Лиса и бормотнул:

— Брысь!

Я отскочил, как мячик. Лис — за мной.

— Чего ты? — говорит.

А я отвечаю.

— Да это Железный Зуб.

Дали мы стрекача. В переулке отдышались, пошли спокойнее.

— Слушай, — говорит Лис, — он же тебя в лицо не знает. Видел-то ночью, да вымазанного сажей.

И то правда.

— Ты знаешь, Лис, — говорю, — ведь он сюда принца убить приехал.

— А как же, конечно.

— А если Молчаливого убьют, мы ведь не победим.

— Ты думаешь, принцы побеждают? — говорит Лис. — Чепушня.

— А тебе-то вообще все равно, — отвечаю я. — Ты в своей Аренландии вообще забыл, что такое победа.

Лис немножко обиделся. Потом говорит:

— Я-то, во всяком случае, не испугался. Видели мы этих Железных Зубьев!

Потом остановился и хлопнул себя по лбу.

— Ты ведь его душу купил! Или врал?..

Я ответил, что не врал ни капельку, и даже расписку показал.

— Да мы на него дунем, он упадет, — говорит Лис. — Хочешь, все разузнаю, что надо?

Я, конечно, согласился, только где теперь его взять? Не будет он торчать в гавани.

— Найдем, — говорит Лис. — Будь он хоть оловянный, хоть деревянный, а на можжевеловую водочку все падкие. Потому бежим в гавань, чуял я там можжевеловый дух.

И Лис потащил меня обратно. Тут же узнал про все

кабачки и трактиры. Галопом мы обскакали «Красный щит», «Черепашу», «Желтую муху», и, точно, у последнего трактира чуть было не врезались в Железного Зуба. Он вышел навеселе и, покачиваясь, двинулся в город.

Долго мы толкались по улицам, потом Железный Зуб свернул и стукнул в дверь кирпичного красного домика. Ему открыли, а мы прошли мимо, будто прогуливались.

— Запомнил улицу, адмирал? А ну-ка за мной в кильватер!

Мы понеслись в сторону монастыря святой Агаты, к дому Бейсов. Эглантина еще не вернулась, впустила нас служанка.

Из дома мы выбирались уже через окно со стороны сада. Теперь Лис был вовсе не Лис. Он завернулся в плащ Эглантины, а на голову приспособил белый чепец. Лис превратился в скромную монашенку и весь маскарад затеял потому, что по его словам, любил «провернуть дело красиво».

У красного домика Лис постучал, а я спрятался за дерево напротив, но все хорошо видел.

Дверь открыл Железный Зуб. Он зевнул и спросил:

— Кого?

Не поднимая головы, Лис ткнул пальцем в Железного Зуба. Тот удивился.

— Меня? Может, послал кто?

Лис кивнул головой.

— Кто послал?

Лис показал пальцем в небо. Сначала Железный Зуб не понял. Потом просто позеленел. Даже мне из-за дерева было

видно. Он затрепыхался в дверях. Стал расшаркиваться, дергать себя за бороду и просто не знал, что делать.

— Эта... Позвольте ручку. Пройдите, тетенька, то есть... тьфу, мадам... то есть... как вас там... Тссс! Сейчас мы, эта, сейчас, то есть... тьфу!..

Они вошли в дом. Совсем недолго дверь была закрытой, потом снова вышли. Железный Зуб кланялся, поддерживал Лиса за руку, причмокивал.

— Эта, привет там, значит... Тсс! — Похлопывал себя по груди: — Душонка-то, значит, тссс!..

На прощанье Лис потрепал Железного Зуба по щеке, потом как дернет за бороду и говорит сладким голосом:

— Служи исправно, сын мой.

— Ага, — говорит Железный Зуб и чуть было не падает носом в землю. Наверное, с перепугу.

В переулке Лис говорит:

— Сегодня у них сборище в пятом доме от Нового Храма по Верверс Дейк, какой-то начальник приехал. Железный Зуб должен отчитаться. Но я велел ему сидеть дома. Страху напустил. Здорово?

Я сказал, что здорово, но лучше бы Зуб пошел в этот дом, а потом доложил нам, что и как. Теперь самим придется туда пробираться.

— Ты что, рехнулся? — закричал Лис. — Не знаешь, что это такое! Подальше надо держаться!

До вечера мы ходили с Лисом по городу и препирались. Я предлагал хоть посмотреть на дом издали, но Лис и на это не соглашался. Тогда я сказал, что пойду один.

— Ну и ладно, — сказал Лис. — Подумаешь! — А сам плетется за мной.

Я отыскал Новый Храм, отсчитал пятый дом по дамбе — и вовремя, потому что сразу как-то стемнело и стал накрапывать дождик. А Лис тащится сзади и все ворчит, все обещает близкую гибель.

Дом двухэтажный, чистенький, до половины побелен известкой. Справа сад за красивой решеткой, под ворота уходит канава с водой. Совсем потемнело. Крап-крап — дождик. Света в доме не видно. И в соседних домах света нет. Собака завывала. Поежилась я, и дождь в плечи бьет.

Чувствую, Лис рядом дрожит. Я ему:

— Почем дрожь продаешь?

А он:

— Два подзатыльника штука.

Нет света в доме и нет. Может, ошиблись мы или Зуб наврал.

— У них там ставни и шторы, — говорит Лис. — Не увидишь света.

Я говорю:

— Лис, давай залезем в сад. Залезем только и посмотрим. Там ведь не опасно.

Лис еще сильнее затрясся. Нет, думаю, не полезет. А один я тоже боюсь. Вдруг Лис говорит:

— А черт с ними, полезем! Хоть в пекло. Пропадай наследство!

Скинул плащ Эглантины, чепец развязал, и вот мы уже махнули через забор. Сначала сидим в кустах тихо. Мокро здесь, за шиворот потекли струйки. Но чувствую, во мне поднимается азарт, как будто уголек внутри раздувают. Вспомнил ночь перед вылазкой. А Лис все трясется. Может, тоже от азарта?

В доме все тихо. Стали мы подбираться ближе. Вдруг в окне верхнего этажа блеснул свет, а потом и нижнее окно затеплилось. Но это те, что выходят в сад, с улицы их не видно.

Подкрались мы к самым окнам. Я было собрался влезть на фундамент, как — бац! — будто петлю на шее стянули: кто-то дернул за шиворот!

В глазах что-то сверкнуло, в горле хрустнуло... Не успел я опомниться, как стоял перед огромным чудищем, потом разобрал — человек в капюшоне. И Лис стоял тут же. Обоих нас держали за шиворот.

— Ну? — прохрипел человек. — По какому делу?

Я-то молчу. Думаю: крышка. А Лис прокашлялся, и очень я удивился, когда услышал его спокойный, правда очень тоненький, голос:

— Угомонись, брат Кристофель. Новичии Якоб и Никодимус присланы из Утрехта с сообщением.

— За мной! — прохрипел огромный человек. — К префекту.

Через минуту мы стояли в комнате. Маленький человек в темном плаще поднял свечу и осмотрел нас.

— Новичии Якоб и Никодимус из Утрехта с сообщением, — прохрипел Кристофель.

— С каких это пор в совет присылают новичиев? — спросил маленький человек.

— С тех пор, как дрозды заклевали орлов, отец Гвидо, — ответил Лис.

— Новичии знают, что предъявить глазам божьим?

Глаза Лиса растерянно забегали. Он стал шарить у себя по карманам, озираться.

— Новичии не знают, как войти в приют божий? — Человек поднял руку.

Огромный Кристофель двинулся к нам, положил лапу на плечо Лиса.

Не знаю, как это случилось. Просто рука моя, как у лунатика, опустилась в карман, нащупала осколок тарелки, вытащила и протянула человеку со свечой.

Тот взял черепок, внимательно посмотрел и кивнул головой.

— Брат Кристофель, новичиев к комиссару. Они знают, что предъявить глазам божьим.

ОТЕЦ АНТОНИО

В кабинете при двух свечах за большим столом кто-то сидел. Не сразу его разглядел. Голова седая, темная одежда.

— Новичии Якоб и Никодимус из Утрехта с сообщением, — сказал Кристофель и отступил в темноту.

Сидящий побарабанил пальцами.

— Из Утрехта некого больше послать?

— Некого, отец Антонио, — тихо сказал Лис. — Коллегия разгромлена, многие схвачены. Ректор отец Иоанн, прокуратор отец Гервард и коадьютор брат Филипп приговорены к смерти.

— Обвинение?

— Государственная измена.

— Суть?

— Пытались открыть ворота полку валлонов.

Отец Антонио встал, поднял ладони.

— Боже! Истреби этот неверный народ, сотри с лица земли, дабы могли мы с радостным сердцем воздавать хвалу господу нашему Иисусу Христу!

Снова сел.

— Остальные?

— Рассеяны по округе.

— Когда случилось?

— Две недели назад.

— Почему вы еще здесь, а не в Дуэ у отца Провинциала?

— Многократно задержаны людьми принца, отец Антонио.

— Знаешь меня?

— Как луч от светлого солнца, летящий в темноту.

— Я тоже знаю тебя, новиций. — Отец Антонио сощурил глаза. — Прошлый год, новициат Люксембурга. Так? Почему попал в Утрехт?

— Переведен по указанию отца Провинциала.

— Где сейчас твой отец, знаешь?

Лис поперхнулся.

— Не посвящен, отец Антонио.

— Так, так... — Отец Антонио встал. — Трудное время переживаем мы, возлюбленные сыны. Но укрепите сердце и мышцы свои не для удовольствий, а для борьбы за дело Христово. Молитесь, созерцайте, исполняйте без колебаний, убейте, если потребуется, вы рыцари Христа Иисуса.

Вошел человек и молча положил на стол толстую белую свечу. Отец Антонио осмотрел ее, даже понюхал. В тусклом свете блеснул золотой ободок у самого фитиля.

— Прекрасная свеча для тех, кто не спит, — сказал отец Антонио. — Отправляйтесь.

Человек со свечой ушел. Отец Антонио пристально посмотрел на Лиса.

— Казалось мне, что зовут тебя Питером. Когда-то знал всех наперечет. Теперь вас тысячи, и память не успевает.

Из темноты мягко вышел огромный Кристофель:

— Посланник от полковника Вальдеса из Лейдена.

Отец Антонио поморщился.

— Зовите. Новиции, останьтесь, сядьте. Возможно, вы пригодитесь.

Мы сели в угол на холодную деревянную скамью. Твердой походкой вошел человек в коротком плаще, поклонился.

— Ах, дон Рутилио! — сказал отец Антонио. — Вот не ожидал!

У меня внутри ёкнуло. Я вжался в скамью, Лис тоже заерзал. Сюрпризы продолжаются, и все на мою голову. Вот он стоит, дон Рутилио, — теперь я и в спину его узнал, — живой, и здоровый, будто и не стрелял в него Караколь.

— Садись, сын мой. Давненько не видывались. Что вы там засиделись под Лейденом? Не пора ли брать город? Почему не идете на штурм?

— Недостаточно сил, — сказал дон Рутилио.

— Недостаточно, ба! Десять тысяч здоровых лбов, вдвое больше, чем во всем нашем ордене! Нет, Вальдес мне никогда не нравился. Штурмовать, штурмовать! Положить пол-

войска, ворваться и... Что там у вас творится? Как в городе?

— Я, собственно, по городским делам, — сказал дон Рутилио. — Для штурма войск недостаточно, нет осадных орудий. Хватит с нас Хаарлема. Вы бы положили пол-ордена, отец Антонио?

— Разные вещи, сын мой, разные вещи... Мой человек стоит вашего батальона.

— Имею просьбу от полковника Вальдеса помочь штурму. У вас ведь есть люди в городе?

— Есть, сын мой, а как же.

— Не смогут ли они ночью открыть ворота или взорвать стену? Мы ведь сражаемся за одно дело, отец Антонио.

— «Открыть ворота»! Как это просто у вас, капитан! Да, есть наши люди. Они есть везде! И под землей и в небе есть наши люди! Неверный народ Голландии думал связать нам руки, закрыв коллегии в городах, изгнав со своей земли. Не тут-то было!..

Он заговорил тише:

— Просто стало труднее работать. Но мы работаем. Как видите, даже в Дельфте, под носом у принца. Что же вы топчетесь месяцами у городских стен? Все ваши Ромеро, Авилы,

Вальдес? Берите города, идите на Дельфт, Роттердам... Гоните сюда толпы глупых валлонов, мы дадим им оружие. Да, да, у нас есть оружие! Они вырежут всех реформатов, иогонят принца, как крысу...

Отец Антонио вздохнул, сложил руки на животе.

— Дело у нас опасней вашего, капитан. «Открыть ворота»! Вот гляньте: посланцы из Утрехта. Двое только и уцелели. А ведь потому, что хотели открыть ворота вашим войскам.

Дон Рутилио обернулся и внимательно посмотрел. Я опустил глаза.

— Кто это? — спросил дон Рутилио.

— Я же сказал: посланцы из Утрехта, новиии Якоб и Никодимус.

Дон Рутилио взял со стола свечку и осветил угол. Ну что ж, тут не спрячешься. С отчаяния я поднял голову и посмотрел в глаза дону Рутилио. Помирать — так с музыкой, адмирал!

— Вы что, кого-нибудь знаете? — спросил отец Антонио.

— Показалось, — сказал дон Рутилио.

В одно мгновение я весь взмок, по лбу потекли капли пота. Ведь он узнал меня, я это точно видел. Даже усмехнулся слегка.

— Ну что ж, капитан, — сказал отец Антонио, — передайте полковнику, что мы вам поможем. Да благодарите господа, что посланы вы, с другим говорить не стал бы. С вашим отцом я вместе испил не одну чашу горечи, не один кубок радости и потому говорю вам: возвращайтесь в полк, сын мой, все будет хорошо. О часе, когда для штурма будет открыта дорога, сообщим особо. Группа в Лейдене уже действует. Прощайте, капитан, да не попадайтесь ищейкам принца. Кстати, почему это Вальдес вздумал riskовать лучшим офицером? Прислал бы человека поменьше... Итак, всего наилучшего.

Дон Рутилио встал, взглянул еще раз на меня, усмехнулся и вышел.

— Внимательно слушали? — спросил отец Антонио.

— Да, комиссар, — ответил Лис.

— Первое. Задание утрехтской коллегии можно считать выполненным. Второе. Новий Якоб утром отправится в Лейден с инструкциями лейденской группе. Там его ждет приятный сюрприз. Третье. Новий Никодимус спустя полчаса пойдет вслед за капитаном Рутилио, найдет дом Пауля Бейса, где, как известно, капитан тайно остановился, и сделает

все, чтобы узнать о связях капитана Рутилио с племянницей Бейса Эглантиной.

Я так устал за сегодняшний день, что эта новость уже не ударила обухом по голове, а так, вроде бы подзатыльник получил. В мыслях сразу запрыгали слова: «Эглантина... любовь... испанский офицер... Караколь...» Я сразу как-то все понял. Видно, дон Рутилио и есть тот испанец, в которого влюбилась Эглантина. Почему он не выдал меня?

Но мне поразмыслить не удалось. Вошел Кристофель.

— Териар Берендрехт из Утрехта с сообщением.

Лис подпрыгнул чуть не до потолка. У меня мелькнула слабая надежда, что это не тот Берендрехт, башмачник, у которого мы выкупили Рыжего Лиса.

Но это был тот Берендрехт. Он вбежал, то ли споткнулся, то ли на колени упал и сразу заголосил.

— Ваша милость, отец Иоанн казнен позавчера, и брат Филипп, и отец...

— Молчать! — крикнул отец Антонио. — Встать! Забыли устав? Не знаете, как обратиться? Перед вами комиссар Антонио Поссевино, правая рука генерала! Встать!

— Простите, отец Антонио, не узнал... — Берендрехт вытер нос рукавом. — Я же не в ордене, я только помогаю.

— У вас есть звание — териар. Вы светский член ордена. А дисциплина у нас одна. Докладывайте.

— Я из утрехтской коллегии. Многие члены взяты по обвинению в государственной измене. И по-моему, отец Иоанн, отец Гервард и брат Филипп, по-моему... вчера их казнили...

— По-вашему или казнили?

— Во всяком случае, их приговорили.

— А где вы болтались до сегодняшнего дня? Вы, взрослый сподвижник ордена? Юнцы вас опережают. — Он показал в нашу сторону. — Новички из Утрехта доставили сообщение раньше вас.

Берендрехт выпучил на нас глаза.

— Ваша милость, то есть отец Антонио, — прошептал он, — да это же... никакие не новички... Вор! Вор! — закричал Берендрехт. — Это вор и бродяжка!

— Что?!

— Никакие не новички! — говорил Берендрехт. — Я знаю всех в Утрехте, всех! Это шпионы, шпионы принца!

Тут и Лис выскочил из своего угла и тоже давай кричать:

— Сам ты шпион! Он шпион, отец Антонио! Заманил меня

и держал неделю, все выпытал об Утрехте! Никакой он не териар, шпион принца Оранского, хватайте его! Вы же знаете меня, отец Антонио!

— И меня знаете! — закричал Берендрехт. — Помните, я привозил вам письмо от брата Герциано!

— Странно, — задумчиво сказал отец Антонио. — Обоих вас я действительно знаю... Кристофель! — крикнул он.

Вошел Кристофель.

— Когда вернутся братья Эразмус и Ансельмо?

— На рассвете.

— Они-то должны знать своих людей? Пусть разберутся, кто говорит неправду и почему такая склока в рядах ордена. А покуда запереть этих в разных помещениях. Берендрехта в подвал, а у двери новичиев положи зверя.

— Исполню, комиссар.

Отец Антонио потер виски, а потом сказал:

— И горе тому, кто окажется ненастоящим иезуитом.

ЗВЕРЬ КРИСТОФЕЛЯ

Значит, мы попали в лапы иезуитов. Кое-что об этих господах я слышал и раньше.

Слава у них не меньше, чем у святой инквизиции. Только костры инквизиторов я видел сам и даже знал одного доносчика. Он жил на соседней улице.

Иезуитов не видел никто. Во всяком случае, у нас в Лейдене. Что им надо и почему живут тайно, этого я толком не знал. Только все их боялись, и даже Сметсе говорил, что нет никого хуже. Потому что биться в открытую с ними нельзя, а от ножа из-за угла уберечься трудно.

А тут еще Лис страху нагнал. Уж больно он трясся, когда я тянул его в это дело.

Правда, чудная штука: теперь трясся я, а Лис спокойно расхаживал из угла в угол. Да еще говорит:

— Ты что, адмирал? Чего приуныл? Теперь уж нечего. Запрут нас в какой-нибудь подвал — и поминай как звали. Ха-ха! С голоду и помрем.

— Ты что, — говорю, — веселишься? — А у самого зубы стучат. — Мне помирать неохота.

— Ладно-ладно, — говорит Лис. — Помирать... Я и не знал, адмирал, что ты себе на уме.

— Как на уме? — говорю. — Ты про что?

— А про то, — говорит Лис. — Нашел дурачка. Ох и хитрый ты, адмирал! С тобой не пропадешь!

Махнул я рукой и сел в угол. Наверное, Лис спятил. Потому что время совсем не для шуток.

Осмотрел я комнату. Нет, отсюда не убежишь. На окне решетка, выходит в сад. Бей стекло, кричи — никого не докричишься. Что это с Лисом?

А тот снова побегал из угла в угол и говорит:

— Я сразу понял, что ты меня разыгрываешь!

— Чего это мне разыгрывать? — говорю.

— Ни один человек в дом к иезуитам просто так не полезет. У тебя что, здесь свои люди? Когда они нас выпустят?

Нет, Лис точно спятил. Наверное, со страху.

— Никто нас не выпустит, — говорю. — И нет здесь своих людей. Может, у тебя есть?

— Как? А обломок тарелочки кто показал, когда нас сцапали? Это же пропуск! Иначе бы сразу нам крышка!

Тут я все вспомнил. А до этого вроде бы из головы выскочило, уж это точно, со страху.

Вспомнил про сон прошлой ночью. Как бежал вслед за мамой с обломком тарелки. Как у входа в рай показал этот обломок и меня пропустили. Вспомнил, как утром невзначай прихватил из кухни кусочек разбитой тарелки, а когда нас схватили, показал этот осколок человеку со свечой. Ума не приложу, почему показал.

Лису я так и объяснил. Сначала он не поверил и даже заставил поклясться. Я клялся три раза. Тут Лис почмокал губами, поднял палец и сказал:

— Не иначе как чудодейственный сон! А раз так, значит, не пропадем!

Тут я еще добавил, что дон Рутилио наверняка меня узнал, но не выдал. Не знаю сам почему.

— Ух! — говорит Лис. — Точно, не пропадем!

Прошло еще какое-то время. Мы с Лисом обнюхали все углы, но ничего не нашли интересного. Настроение у Лиса снова упало.

Я говорю:

— Давай сами попробуем выбраться.

— Как же! — говорит Лис. — Видал этого урода, Кристофеля? Так он тебя и выпустит.

— Откуда ты их всех знаешь?

— Я многих знаю, — говорит Лис. — Отца Антонио видел еще в Люксембурге, до того как сбежал. Большой че-

ловек. Разъезжает по всем странам, проверяет своих людей. Потом докладывает генералу.

— А кто такой генерал?

— Генерал — это в Риме. После бога у них вторая фигура. Молятся на него, как на солнце.

— А чего им нужно у нас, в Голландии? Жили бы в своем Риме.

— Как бы не так! Они всем миром хотят править. Я до сих пор наизусть помню: «Иезуит, подобно апостолу, должен стать всем для всех, чтобы приобрести сердца всех». Вот так, адмирал! Как видишь, и до тебя добрались. А меня-то уж точно прихлопнут, до утра недолго осталось.

— Не унывай, Лис, может, еще обойдется.

— Как же! — Лис вздохнул. — Сейчас обойдется, в другой раз не обойдется. У них на каждом углу свои люди. Видал этого Берендрехта, башмачника? Я ведь и вправду собрался у него ремеслу поучиться. А потом как-то ночью понаехали к нему гости, а среди них мой папаша незабвенный! Оказывается, и этот Берендрехт иезуит. Я, конечно, тут же сбежал. Если бы не вы, пришлось бы мне плохо.

Прошло время. Я говорю:

— Нет, надо что-то придумать.

— Была бы жабья слюна и ястребиный коготь, делать нечего, — говорит Лис. — Я знаю одно колдовство. Истолочь ястребиный коготь и с жабьей слюной смешать. Где этой штукой помажешь, сразу все живое с дороги уйдет. Или вот крысиный хвост, но не простой серой крысы, а зеленой, которая в Индии живет...

Тут Лис пустился рассказывать, чего ему не хватает, чтобы вырваться из дома: соку молочая, помета от курицы, которую столетним вином поили, какой-то травы дуй-дуй и даже мочки от уха мертвеца... Про все это он болтал и сокрушался, что ничего нет под рукой.

Не знаю уж, как повернулся Лисов язык говорить про колдовство. За такие штучки на костре жгут и голову отрубают. Только я не очень-то Лису верил. Будь он хоть маленьким колдунишкой, давно бы заметил.

Так он болтал еще долго. Я говорю:

— Может, не приедут эти Ансельмо и Эразмус?

— Приедут, — говорит Лис. — У них дисциплина железная... Интересно, куда это мой папаша подевался? Вроде его не ждут.

Я встал и сказал:

— Хватит нам, Лис, болтать. Давай подумаем, как обмануть Кристофеля. Иначе плохо нам будет. Может, попробуем дверь открыть?

— Там их две, — говорит Лис. — Впрочем, обе они не закрыты. — При этом Лис так лениво потягивается.

— Как не закрыты? — я удивился.

— Плохая у тебя память, адмирал, — говорит Лис. — Ты слышал, что приказал отец Антонио? У нашей двери он велел положить зверя. Такая уловочка. Отец Антонио понимает, что если я тот, за кого себя выдаю, то должен знать Кристофеля и его зверей. Если я знаю, то никогда не полезу за дверь. А если не знаю, то могу попробовать. Тогда меня разорвут в клочки. Вот так, адмирал.

Лоб у меня сразу взмок.

— Какой еще зверь? — говорю. — Какие клочки?

— Понимаешь, — говорит Лис, — про этого Кристофеля и его зверей знает каждый новиций. Бывало, чуть что, сразу пугают: отправим к Кристофелю и его зверям. Ну, Кристофеля ты видел. А зверь его, думаю, лежит сейчас за второй дверью и облизывается. Мечтает, чтобы мы вышли. Интересно было бы посмотреть на этого зверя.

— Какой зверь-то? — я спрашиваю, а сам дрожу.

— Сам не знаю, — говорит Лис. — У него их много; говорят, похожи то ли на медведя, то ли на волка. Кристофель покупает их где-то, не кормит неделю, держит в подвале, а потом выпускает на виноватого. У них даже казнь есть такая. Называется «собачья смерть».

— Ты думаешь, он за дверью лежит? — говорю я, и зубы стучат. — А если не лежит?

— Лежит, — говорит Лис. И тоже застучал зубами.

— Давай что-нибудь под дверь сунем, проверим.

— Говорю тебе, их там две.

— Тогда под вторую.

— Не желаю, д-д-д... — бормочет Лис. «Д-д-д...» — зубы стучат. — Не желаю со всякими зверями. Я, может, сам герцог. Я, может, инкогнито...

Набрался я храбрости, тронул первую дверь... Тихо. Толкнул. Потому я все это делал, что казалось мне, нет никакого зверя. Первая дверь открылась. Крохотный коридорчик. А вот вторая... Едва я подполз к ней, как — «уррр!» — глухо так раздалось.

Прижался я к полу, боюсь пошевелиться. Сердце стучит.

— Говорил тебе! — шипит сзади Лис. — Не лезь дальше!

«Урррр-рр-мму...» — снова за дверь. А потом помягче: «Уи-ууу...» — и царапанье по двери.

Стук-стук... Мое сердце. Сел я на пол. Потом встал. Вытер рукавом лицо и говорю:

— Ладно. Пойдем, Лис, отсюда. Правильно ты говорил: с адмиралом не пропадешь.

И тут же открываю дверь. Огромный, мохнатый вздымается передо мной зверюга. Кидает на плечи лапы. Горячим дыханием обдает мне лицо.

Страшный, конечно. Но это кому как. Мне он сейчас милее всех на свете. И я шепчу в мохнатое ухо:

— Пьер, Пьер... Как же ты здесь очутился...

СТОЙТЕ!

Стойте! Дайте-ка отдохнуть! На таком интересном месте хочется остановиться, перевести дух, назад оглянуться, чтобы не вышло скороговорки. А то самое важное пролетит мимо, как стрела из арбалета, и разглядеть не успеете. Да и мне бы не запутаться, ведь есть от чего.

Так что давайте отдохнем минуточку-другую, а там уж пустимся дальше. Много еще впереди.

Я вот сейчас вспоминаю быстренько, все ли вам правильно говорю, не упустил ли чего, а может, приврал лишнего.

Так: значит, попали мы в Дельфт, встретили Эглантину, потом Железного Зуба, пробрались в сад к иезуитам, попались, и тут... Да, кажется, правильно. Все по порядку.

Ну, а насчет Пьера вы догадались или объяснить? Лис — тот сразу сообразил, быстрее меня. А вам все-таки расскажу немножко. Не у всякого такой котелок, как у Лиса. Или сами поняли?.. Нет, ну ладно.

Так вот. Этот Кристофель и вправду держал у себя зверей. Не зря Лиса пугали. В «звери» попадали собаки пострашнее, побольше. Вы помните, как мы с Лисом удирали из пещеры? Тогда Караколь, Мудрила и Эле остались внизу, а Пьер с Помпилиусом — наверху, их привязали к фургону. Дальше было так: Пьер попался на глаза Кристофелю, и тот сразу решил сделать из него «зверя». Других «зверей» у него в это время не было. Как-никак иезуитов сильно потрясли в здешних местах, не то что «звери», многие из их братии разбежались.

Не знаю, как Пьер втерся в доверие к Кристофелю, но

уже на третий день тот решил его испытать и положил у наших дверей. Как говорится, сел в лужу. А нам повезло. И может, прав был Лис, когда сказал, что боженька нас охраняет?

Вообще, скажу вам прямо, везенья у меня хоть отбавляй, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Это ведь надо, в такие попадать истории — и хоть бы хны! А дальше что будет! Вы просто, может, решите, что привираю? Да нет, тридцать три якоря мне в бок! Хоть чем побожусь, могу землю съесть, только все это правда.

Вы, может, еще подумаете: чего, мол, остановился на самом интересном месте? Дальше, что ль, сочиняет? Так я отдыхаю, чудачки гороховые! Рассказчику, думаете, отдыхать не надо? Не все же про себя да про себя. Надо и про что-нибудь другое. Про птичек, например, про цветочки или букашки.

Кстати, о букашках и цветочках. Рыжий Лис, оказывается, страсть как любит эти вещи. В минуты, когда ничто нас не томило, никто за нами не гнался, Лис начинал вздыхать, хлопать зеленющими глазами и бормотать:

— Я, адмирал, желаю изучать природу. Я весь этот козявочный мир наизнанку выверну.

При этом он становился на четвереньки и начинал ползать кругом. То и дело он останавливался и блаженным таким голосом говорил:

— Эле, поди сюда. Посмотри, какие у него усики! Как они шевелятся! А какие крылышки!..

Тут Эле к нему наклонялась, и вместе они рассматривали то, чего кругом полным-полно, что кусается, зудит и мешает жить.

— Стой! — орал Рыжий Лис на меня. — Не раздави своим башмачищем! Это ведь тонкое создание! Это тебе не медведь и не собака, чтоб наступать!

Тьфу ты! Они меня просто замучили своим козявочным миром.

— Не понимаю! — возмущался Рыжий Лис. — Почему тебе не нравится наша любовь к природе?

Н а ш а! Вы слышали? Быстро они спелись.

Около какого-нибудь цветка Лис мог просидеть целый час. Он пересчитывал лепестки, листочки, чмокал губами, приговаривал.

Я ему сказал:

— Слушай, любитель природы, у меня дома такой цветок есть, что ты лопнешь от зависти.

Лис стал выяснять, какой такой цветок. Конечно, вы поняли, что я говорил про тюльпан. Он на фургоне у меня нарисован. Лис поморщился и сказал:

— Вранье, адмирал. Нету таких цветов. Я думал, у тебя трезубец намалеван. Какой еще тюльпан...

Но Караколь и Эле в один голос подтвердили, что красный тюльпан рос у меня во дворе, что этот цветок теперь в гербе нашего братства, а я сам собой Адмирал Тюльпанов, прошу любить и жаловать.

Тут Лис выпучил глаза и говорит:

— Так вот ты какой адмирал? Цветочный?

Я пожал плечами.

— Не морской?

— Ну почему же... — начал было я.

— Ура! Цветочный адмирал! Здорово! Ну, брат адмирал, это ты здорово!

Он прыгал на одной ноге, кувыркался. И сначала было даже заявил, что поступает в тюльпаны. Потом стал задумчивым и отозвал меня в сторону.

— Адмирал, — сказал он и выставил ногу. — Я должен сделать признание. Очень, очень важное признание.

— Какое? — спросил я.

— Видишь ли... — Лис почмокал губами. — Я тут кой-чего наколоколил-натраливалил. Назвался графом Аренландским. Но это, как бы тебе сказать, не совсем верно. Это я слегка того, присочинил...

— И про Аренландию?

— Ну нет. Аренландия есть по правде. Папаша мне рассказал. Только я там еще не граф. Буду попозже. Аренландия — это, брат, мечта. Надо еще выяснить, откуда Эле про нее знает. Но собака не здесь зарыта.

— А где?

Тут Лис меня еще дальше отпихнул, прижал к самым кустам и зашипел прямо в ухо:

— Поклянись печенкой и левой пяткой на прокол каленой иглой и правым ребром поклянись, что будешь молчать.

Я всем этим поклялся. А Лис огляделся кругом и зашептал:

— Я говорил тебе, что путешествую инкогнито? Что странник высокого происхождения?

— Говорил.

— Так вот, все эти графы и герцоги — чепуха. Я страшную тайну тебе доверю. Как Адмиралу Тюльпанов. Цветоч-

ному адмиралу. Другому бы не сказал... — Тут Лис наморщил лоб, выпучил глаза и сказал отдельно: — Я не граф и не герцог. Я... Стрекозиный Маршал!

— Что?

— Я Маршал всех стрекоз, жуков, мошек и букашек! Я повелитель козявочного мира!

При этом лицо у Лиса было какое-то сумасшедшее. Я даже подумал, не спятил ли он.

— Верь мне, адмирал, верь! — забормотал Рыжий Лис. — Я верю, что ты цветочный. Ты верь мне, что я стрекозиный. Будешь мне верить? — А у самого на глазах чуть ли не слезы и щеки горят.

— Ну ладно, — промямлил я.

— Спасибо! — горячо сказал Лис. — Век не забуду! Ты да я, цветочный да стрекозиный, мы гору свернем! Спасибо! До Аренландии я доберусь тоже и там уже такое государство козявочное устрою!..

И Лис отошел с мечтательными, горящими глазами. Нет, этого рыжего никогда не поймешь. Издевался он надо мной или вправду хотел быть Стрекозиным Маршалом?

Но хоть Лис и немного ку-ку, в нужную минуту голова у него варит что надо. Здорово он не растерялся, когда нас поймал Кристофель. И Берендрехту ловко заткнул глотку, а то бы совсем конец. Опять же спасибо Лису, когда выбирались из дома. Он хорошо знал, как поставлено дело у иезуитов, кто чем занимается и где его место. Сказал, что отец Антонио не выйдет из кабинета и многих еще, наверное, примет за ночь — такая работа у этого комиссара, — а днем он уже будет в другом месте.

Префект — это у них вроде бы распорядитель — от комиссара ни на шаг. Он пропускает людей к отцу Антонио. А Кристофель рыскает по саду и вокруг дома. Наверное, есть еще парочка телохранителей, но их посты еще дальше, по улице.

В общем, Лис повел нас прямо через решетку сада в другой сад, соседний, а из него на противоположную улицу. И точно, никто нас не окликнул, никто за нами не погнался. Да и Пьер был с нами. Думаю, он свалил бы любого телохранителя. Так что мы не очень беспокоились.

Ну вот я и передохнул. С того места, как мы выбрались из дома иезуитов, рассказываю дальше.

С Н О В А В М Е С Т Е

На улице полусветло. Домá плавают по слою тумана, как большие коробки. Мы мчимся по пустынной Верверс Дейк и не можем остановиться, потому что Пьер тащит нас дальше и дальше. Вместе с какой-то ранней повозкой проскакиваем мимо сонного стражника, барабаним ногами по мосту и вот уже пылим по дороге.

— Ой, не могу! — кричит Лис. — Не могу я больше! Давай отдохнем...

Я тоже едва бегу. В горле горит. Мне-то лучше, чем Лису. Пьер волочит меня за толстый ремень, привязанный к ошейнику.

— Пьер! — кричу. — Стой, не могу! — и бросаю поводок.

Упали мы с Лисом на траву, дышим, как загнанные лошади. А Пьер бежит рядом, повизгивает, толкает нас мордой.

— Ох, не могу!.. — стонет Лис. — Это он снова туда...

— Куда?

— К той пещере.

— Где наши остались?

— Ну да...

— А они еще там?

— Откуда я знаю.

— Тогда побежали скорей!

— Чтоб снова в капкан?

— Надо же выручать!

— Себя лучше выручи.

— Лис, надо идти. Пьер ведь не зря нас тянет.

— Мне кажется, там никого уже нет.

— Почему?

— Иезуиты перебрались в город. Ты сам видел. Помнишь, Ансельмо говорил, что надоело в пещере жить, а Эразмус ответил, что дом уже подыскали.

— А где же Эле, Караколь и Мудрила?

— Почем я знаю. Может, их отпустили, а может...

— Что может?

Лис пожал плечами.

— Все может. Может, с собой увезли, как Пьера с Помпилиусом.

— А может, убили?

Лис снова пожал плечами.

— Слушай, — говорю я как можно ласковее, — Лисик, миленький, пойдем, а? Не зря же нас Пьер тянет. Может,

ждут они нас не дождутся. Никого нет. А они просто сидят под деревом и ждут. Пойдем?

Ласка на Лиса действует, это я давно заметил. Он сразу вскочил, выпятил грудь и говорит:

— Конечно, пойдем! Там, может, Эле по мне скучает!

И мы снова помчались во весь дух. Сначала бежали, потом шли быстрым шагом, потом еле плелись, но все-таки добрались до ольховой рощи. Я сразу ее узнал.

Туман уже растаял, только кое-где еще цеплялся за деревья, как белые платки из тонкого батиста. Запели птицы, какие голосили, какие чирикали, и никому из них не было до нас дела, у птичек свои заботы.

Здесь мы шли уже с опаской. Не угодить бы в лапы старых приятелей!

— Стой! — сказал Лис. — Отсюда мы удирали.

— Значит, вон там пещера.

— Что-то не вижу, — сказал Лис.

Я тоже смотрел и не видел входа. Правда, кусты мешали, а выйти на поляну мы побаивались. Я отпустил Пьера, и тот кинулся через кусты. Минут пять мы сидели тихо. И на поляне ни звука, только Пьер носился туда-сюда.

— Пойдем, — сказал Лис. — Видно, нет никого.

Мы вышли и снова не увидели входа в пещеру. Кусты, какие-то кучи хвороста. А Пьер прыгал вокруг одной и лапой откидывал сучья. Мы разгребли эту кучу. Обыкновенная трава. Нет никакой пещеры.

— Может, не та поляна? — говорю я.

А Лис задумался. Постоял, поковырял траву ногой и говорит так спокойненько:

— Они их замуровали! Знал я такие случаи.

Я даже подпрыгнул. Потом наклонился и потянул траву руками. Она приподнялась вместе с землей. Так и есть — дерн! Да так ловко уложенный, от травы кругом не отличишь.

Мы стали хватать и откидывать этот дерн. Выступили деревянные доски. Пьер бесновался рядом. Потом мы с трудом отвалили тяжелую крышку. Вот он, вход в пещеру. Даже лестница на месте.

— Ты, Лис, оставайся, — сказал я, — чуть что, свисти.

Спустился я вниз. Неужто все наши тут? Просто не верилось! Но посмотреть все-таки надо. Сразу стало темно. Я шел и держался рукой за стенку.

Пахнуло холодком, стены раздвинулись. Это большая ком-

ната, в которой сидел брат Ансельмо. Направо от нее коридор, а там кладовка. В ней-то и остались Караколь, Мудрила и Эле. Как бы не заблудиться!

Что-то впереди шелохнулось. Я прижался к стене...

— Кто там? — спросил тихий голос.

— Караколь! — Я бросился вперед и сразу наткнулся на решетку.

— Кеес! Где ты, Кеес? — Голос Караколя дрожал.

Через решетку я нашел его руки.

— Где остальные? — спросил я, задыхаясь.

— Спят. Я им сказал, что такая длинная ночь. Все время придумывал сказки. Сколько мы здесь?

— Третьи сутки.

— Я думал, что только вторые.

— Они вас замуровали.

— Я понял.

— Как же поднять решетку?

— На левой стене есть деревянное колесо. Я видел, как нас закрывали.

Колесо я нащупал сразу. Решетка со скрипом поднялась.

Вы очень удивитесь, когда я скажу, что мы кое-как добились Эле и Мудрилу. Третьи сутки они спали, не догадываясь, что могут заснуть здесь навсегда! Уж и не знаю, в чем тут дело. То ли время под землей идет втрое медленнее, то ли сказки Караколя подействовали.

Во всяком случае, Эле и Мудрила не очень-то удивились, когда увидели нас с Лисом. Будто мы их не спасали!

Они долго привыкали к дневному свету. Щурились, хлопали глазами, а Мудрила все говорил:

— Куда пропал братец Эразмус? Хочу с ним поспорить. А вы, мальчишки, где отсыпались? В соседней пещере? Сколько сейчас времени?

Мы с Лисом нигде не отсыпались. Мы попросту еле стояли на ногах. Поэтому недолго думая завалились под первым кустом.

К вечеру растолкал меня Караколь.

— Кеес, — говорил он, — ночь на носу, а ты все сопишь. Ну-ка вставай да умойся. Будем думать-гадать, где нам счастье искать.

Я сел и протер глаза. Капал маленький дождик. Но тепло.

— А где Эле? — спросил я. — Где Лис?

— Эле с Мудрилой пошли в деревню за едой. А Лис — вот он спит. Куда Помпилиуса подевали, не знаешь?

Не знал я ничего про медведя. Хорошо еще, Пьер опять с нами. Из кустов торчали ноги Рыжего Лиса, его оборванные штанины. А вот башмаки на Лисе были вовсе не Лисовы. Когда разбудили Лиса, я говорю:

— Откуда у тебя башмаки такие? Кожаные. Были ведь кломпы, такие, как у меня.

Лис позевал-позевал и говорит:

— Башмаки эти очень хорошие. Не то что твои деревянные колодки. Это, брат, женские башмаки. Смотри, пряжка красивая. У Эглантины, когда переодевался, под лавкой нашел. Замечательные башмаки.

— Воровать нехорошо, — сказал я Лису.

— Мон шер, это же я на время. Раз в монашенку обрядился, значит, и башмаки надо менять.

Потом он еще позевал и говорит:

— А на тебе, адмирал, между прочим, мои кломпы. Чего ты на них позарился? Они ведь похуже твоих.

Я на ноги поглядел. И вправду Лисовы башмаки. Когда это я успел перепутать? Лису я говорю:

— Тебе-то что, жалко?..

И тут меня словно обухом по голове! Письмо-то к принцу в свинцовой трубочке! А трубочка в каблуке правого кломпа, моего, не Лиса! И кломпы, стало быть, остались в комнате у Эглантины.

Пока я с открытым ртом обдумывал эту новость, Лис тоже обо всем догадался и стал меня успокаивать:

— Плюнь ты, адмирал, ей-богу! Твое письмо давно уже опоздало.

Тут и Караколь вмешался. Пришлось ему быстро все рассказать. Про Эглантину, про дону Рутилио, про наше знакомство с отцом Антонио и Кристофелем.

— Ну и дела! — сказал Караколь. — Много же вы успели, пока мы тут ночевали.

— Стараемся, — сказал Рыжий Лис.

— Давайте обсудим, — сказал Караколь. — Жизнь что-то запуталась... — При этом он сразу стал грустным. Думаю, опять из-за Эглантины.

Лис первый стал тараторить и убеждал, что пора податься к югу, во Фландрию. Места тамошние он хорошо знает, можно бродить по стране и давать представления. А бегать от иезуитов ему надоело.

Я ответил, что все это болтовня. Пусть Лис подается во Фландрию, а мне нужно выручать башмаки, по крайней мере

правый, в котором письмо, а потом искать принца Оранского в Роттердаме, потому что не очень-то я теперь надеюсь на Эглантину.

Караколь сказал, что для начала стоит дожждаться Мудрилу и Эле, а уж потом выбирать дорогу на Роттердам или во Фландрию.

С этим я согласился. Лис согласился тоже и снова завалялся под куст. Капать с неба перестало, оно посветлело, стало розовым. В соседней деревушке звякнул колокол. Потом и дельфтский пивной колокол пробил три раза — бум-бим-бом! Значит, настал час, когда хозяева закрывают пивные лавки. А Эле с Мудрилой все не было.

Я вскочил и сказал, что не могу больше ждать. Надо идти к Эглантине. Что, если служанка выбросит мои башмаки в канал? Мы снова начали спорить. Караколь не хотел отпускать меня одного. Я сказал, что возьму Пьера.

— Еще чего! — закричал Рыжий Лис. — А кто с нами в лесу останется?

Пьер тоже порывался что-то вставить, но у него не получалось. Он перепрыгивал с ноги на ногу и басом говорил: «Ррав!»

В конце концов я и Караколь решили идти за башмаками. Рыжий Лис вместе с Пьером останутся ждать Мудрилу и Эле, а потом доберутся к развилке «капкан» и заночуют в шалаше рядом с торфяной ямой. Часа через три мы с Караколем вернемся, а утром решим, что делать.

ЭГЛАНТИНА И ДОН РУТИЛИО

Уже в сумерки мы оказались в Дельфте. Чем ближе подходили к дому Бейсов, тем беспокойнее становился Караколь. Да и я размышлял: что делать? Просто позвонить и войти? Конечно, Эглантина обрадуется Караколю. Станет расспрашивать, куда подевались мы с Лисом. Но хорошо, если так. А если у ее дома разгуливает какой-нибудь иезуит вроде Кристофеля? Или, чего доброго, сам капитан Рутилио сидит на кухне и пьет бургундское? И можно ли до конца доверять Эглантине? Вдруг она одурачит?

Короче говоря, совсем недалеко от дома мы с Караколем остановились.

— Слушай, — сказал Караколь, — ты лучше один иди. Не стоит мне видаться с Эглантиной. — А сам ежится.

Ох и далась ему эта Эглантина! Ладно, один так один. А если один, то вовсе не обязательно через дверь. Залезу в дом со двора, в то самое окно, откуда мы с Лисом выскочили. Конечно, если будет открыто. Просто возьму башмаки из-под лавки — и до свиданья. Так даже лучше. Не нужно будет объясняться с Эглантиной.

Сказано — сделано. Караколь остался меня ждать у канала, а я обогнул дом Бейсов и подобрался к окну. Залез на фундамент, толкнул раму — закрыто. Толкнул еще — точно закрыто. Да, дело плохо. Неужто придется звонить с улицы? А вдруг влипну?

Присел я на фундамент и стал размышлять. Вдруг слышу над собой стук. Гляжу в окно, а там уже свеча на подоконнике и чья-то рука отворяет раму. Я прижался к простенку, окно распахнулось.

— Хороший воздух после дождя, — сказал голос дона Рутилио.

— А ребят все нет, — другой голос, Эглантины.

— Зря ты их ждешь, не придут, — сказал дон Рутилио, — мальчишки смышленные.

— Не понимаю все-таки, как они попали в тот дом?

— Я сам удивился, когда увидел. Ты говоришь, мальчика зовут Кеес? Но думаю, все просто объясняется. Когда позапрошлой ночью я остался в твоём доме, ко мне приходил человек отца Антонио. Я разговаривал с ним в коридоре рядом с комнатой, где ночевали ребята. Ведь ты мне про них ничего не сказала. Человек передал мне, что паролем служит осколок дельфтской тарелочки, и дал несколько обломков. Ребята, видно, подслушали. А утром я забыл ненужные осколки на кухне, забыл выбросить. Они подобрали и с этим паролем прошли в дом. Так что все просто.

Услышав такое, я подивился. Вовсе я не подслушивал, а спал как убитый. Может, разговор все-таки дошел до меня, а показалось, что сон? Бывает же такое.

— Хорошо, что ты не обмолвился про Кееса, — сказала Эглантина.

— Я не доносчик. И с молодцами отца Антонио не хочу иметь ничего общего. Здесь я только потому, что хотел увидеть тебя.

— Наверное, не только потому. Ты выполняешь поручение. Иначе бы не встречался с этим монахом.

— Не стоит говорить о делах, Эглантина. Я солдат. К несчастью, наши армии воюют. Но любовь выше вражды.

Стоило бы всем королям и принцам поглядеть нам в глаза. Они бы кое-что поняли.

— Ты любишь меня? — прошептала Эглантина. — Правда?

— О да, — сказал дон Рутилио, — такая ужасная правда, и прекрасная...

До чего взрослые любят кривляться! Просто хочется сунуть в рот пальцы и свистнуть. Стоит им понравиться друг другу, как они теряют голову и начинают молоть всякую чушь. Неужели, например, Эглантина, голландка, не понимает, что ей не положено влюбляться в испанца? И дон Рутилио должен соображать. Но, как я уже говорил, у влюбленных взрослых все не так.

— Сегодня уходишь? — спросила Эглантина.

— Сегодня. Я задержался на целых два дня.

— Тебе не достанется от командира?

— Командир у меня один — полковник Вальдес. Он смотрит на мое отсутствие сквозь пальцы. А все потому, что сам подолгу не бывает в лагере. Кстати, по той же причине?

— По той же причине? По какой причине?

— Полковник Вальдес мой товарищ по несчастью. Или по счастью, это уж как смотреть. У него в Гааге есть дама сердца. Тоже голландка, Магдалена Моонс. Он часто ее навещает. Об этом знаю только я, точно так же как полковник знает о нас с тобой.

— Это не опасно?

— О нет. Полковник порядочный человек. Другой на его месте давно бы взял город штурмом. Полковник не хочет крови. Возможно, его возлюбленная просит о том же: в Лейдене живут ее родственники. Ну и я, как ты знаешь, противодействую штурму.

— О, я тебе очень благодарна за это! — горячо сказала Эглантина.

В этом месте я сделал маленькую зарубочку в своей голове: дон Рутилио врет!

Отцу Антонио говорил, что штурм дорого обойдется: нет осадной артиллерии. Это я и сам видел. У испанцев только легкие пушки, ворота и стены не разобьют.

Нет, это ведь надо! Сочиняет насчет своей доброты, а сам только что выпрашивал у отца Антонио помощи, чтобы предательски открыть ворота и тогда штурмовать город! Хорош нежный влюбленный!

Темный человек дон Рутилио. Ведь ни слова не говорит Эглантине, что собирался повесить меня на лейденской дорожке. А если и не собирался, то, во всяком случае, не хотел отпускать. И в то же время не выдал иезуитам. Вот и поди разберись в таких людях...

— Полковник очень увлекся, — сказал капитан. — Ездит в Гаагу чуть ли не каждую неделю, а письма получает через день. Меня уже спрашивали офицеры, что за почта идет к полковнику. Он распорядился пропускать всех, кто скажет, что спешит к нему из Гааги.

Здесь я сделал еще одну зарубочку в памяти.

— Когда же увидимся? — спросила Эглантина.

— Теперь уж тебе придется ко мне приехать.

— Ох, это неприятно... Представь себе, дядя узнает.

— Зато не так опасно. Я встречу тебя, а в лагере нас никто не увидит. Можно не в лагере. В какой-нибудь деревушке — скажем, Бентейзен.

— Ты всегда носишь с собой этот пистолет? — спросила Эглантина. — Очень красивый, трехствольный...

Тут я насторожился.

— Голландской работы, — сказал дон Рутилио. — С хорошим кремневым замком. Таких еще мало.

Похоже, речь шла о таком же пистолете, какой потерял Караколь, — моем пистолете. Быть может, о нем самом.

Неужто дон Рутилио нашел его в кустах?

— Из этого пистолета в меня дважды стреляли, — сказал дон Рутилио. — Одна пуля ударила в панцирь, другая задела голову. Но осталась еще третья. У нас в роду есть поверье: если враг бросает оружие и бежит, это оружие найдет хозяина. Третий выстрел я оставил тому, кто хотел меня убить.

— Кто это был?

— Не знаю. Стреляли из кустов под Лейденом. Я презираю тех, кто стреляет из кустов... — И опять ни слова не говорит, что в это время гнался за мной.

— Ужин готов, — печально сказала Эглантина. — Пойдем...

Они ушли; оставили открытым окно. Я быстро забрался в комнату, сразу нашел свои кломпы, переобулся и выпрыгнул. Мне не терпелось сказать Караколю, что в то время, как он молился за здоровье дона Рутилио, тот подобрал наш пистолет и теперь грозитя прихлопнуть Караколя.

У ПОЛЬДЕРВАРТА

Если вам приходилось после разлуки найти друзей, а после длинной дороги и опасных приключений спокойно лежать на спине и смотреть в небо, то вы поймете, как это здорово.

Подо мной чуть-чуть качается палуба, а кажется, что качается небо. Все мы тут, на барке «Улитка». И Караколь, и Мудрила, и Эле, и Рыжий Лис. «Улитка» тащится вверх по реке Схи прямо к Роттердаму. Судовщик, правда, сказал, что остановится в местечке Оверсхи, но до города оттуда совсем недалеко.

По берегу барку тянет упряжка приземистых лошадей, подкованных треножниками. Так легче упираться в мягкую землю.

Конечно, и Пьер с нами. Сразу скажу, что нам удалось отыскать фургон. Монахи загнали его в кусты недалеко от пещеры. Голубей в фургоне уже не было, валялся только барабан. Эле обрадовалась, она и сейчас тихонько постукивает палочками и напевает песню.

Вчера мы с Караколем благополучно вернулись к шалашу, наши были уже там.

Мы хорошенько выспались, а утром двинулись в дельфтскую гавань и там попросились на барку.

Судовщик не берет с нас ничего.

Мы только сказали, что спешим в Роттердам по важному делу. А он ответил, что ему все равно, потому что барка пустая, и только в Оверсхи он нагрузит товар, чтобы продать его во Фрисландии.

День сегодня опять ясный. Много солнечных дней в июле. И жарковато становится. Мимо нас проплывают большие де-

ревья, поля и мельницы. Но людей встречается мало. Видели сгоревшую деревеньку. Обугленные стропила вспыхивали на солнце фиолетовыми искрами.

— Испанцы сожгли, — сказал судовщик.

— Разве здесь испанцы? — спросил Караколь.

— Нет, они там, подальше. — Судовщик махнул рукой в сторону моря. — Только могут и здесь оказаться. Сейчас не поймешь, кто где.

— Где нет испанцев, так это в моем государстве, — сказал Рыжий Лис важно. — В царстве козявок и мошек.

Теперь у Лиса новая причуда, я вам уже говорил. Он Маршал всех стрекоз, жуков, мошек, букашек и прочей твари. Короче сказать, Стрекозиный Маршал. Пока эту тайну он открыл только мне, но раза два уже проговорился, как только что. Правда, никто не заметил. Все привыкли к тому, что Лис болтает без умолку.

Что такое Стрекозиный Маршал, я вам толком не объясню. Наверное, и Лис не совсем разобрался, потому что иногда замолкает и начинает раздумывать с важным видом.

Правда, кое-что он уже придумал. Например, сказал, что скоро ему предстоит явиться в суд какого-то немецкого города. Местные жители вроде бы подали жалобу на жуков-короедов. Жуки, вместо того чтобы работать в лесу, пришли в город и занялись необструганными подпорками сараев, заборов и мостов.

Если суд решит дело в пользу людей, то жукам придется уйти или вовсе заплатить жизнью. В суде Рыжий Лис собирается представлять короедов и защищать их изо всех сил.

Про такие суды я что-то не слышал и посмеялся над Рыжим. Но Караколь и Мудрила подтвердили, что в некоторых городах жители и вправду подают в суд на животных и насекомых.

Я сильно тому подивился, а еще больше позавидовал хитроумному Лису. Всё-то он знает. Но меня ему не провести.

А Лис тем временем совсем распалился. Он затащил меня на корму и вслух репетировал речь на суде.

— Господа! — кричал Лис. — Протрите свои заплывшие очи! Посыпьте перцем лысые черепа и смажьте горчицей глотки! Может, это пробудит вас от спячки в вашем протухшем городке! Господа судьи, господа горожане! С вами толкует Маршал такого войска, которое сожрет ваш городишко вместе с его подвалами в полчаса! И вы еще печетесь о каких-то необструганных столбах! Господа, дамы! Утрите нос

своим дочкам! И чтоб духу вашего не было в этом затрепанном селенье! Здесь будут жить одни жуки-короеды!

Я сказал, что такая речь больше похожа на угрозу, и Лиса, как пить дать, побьют. Но тот не слушал и репетировал дальше.

Тут впереди что-то бухнуло — бу-бух! Потом еще и еще раз!

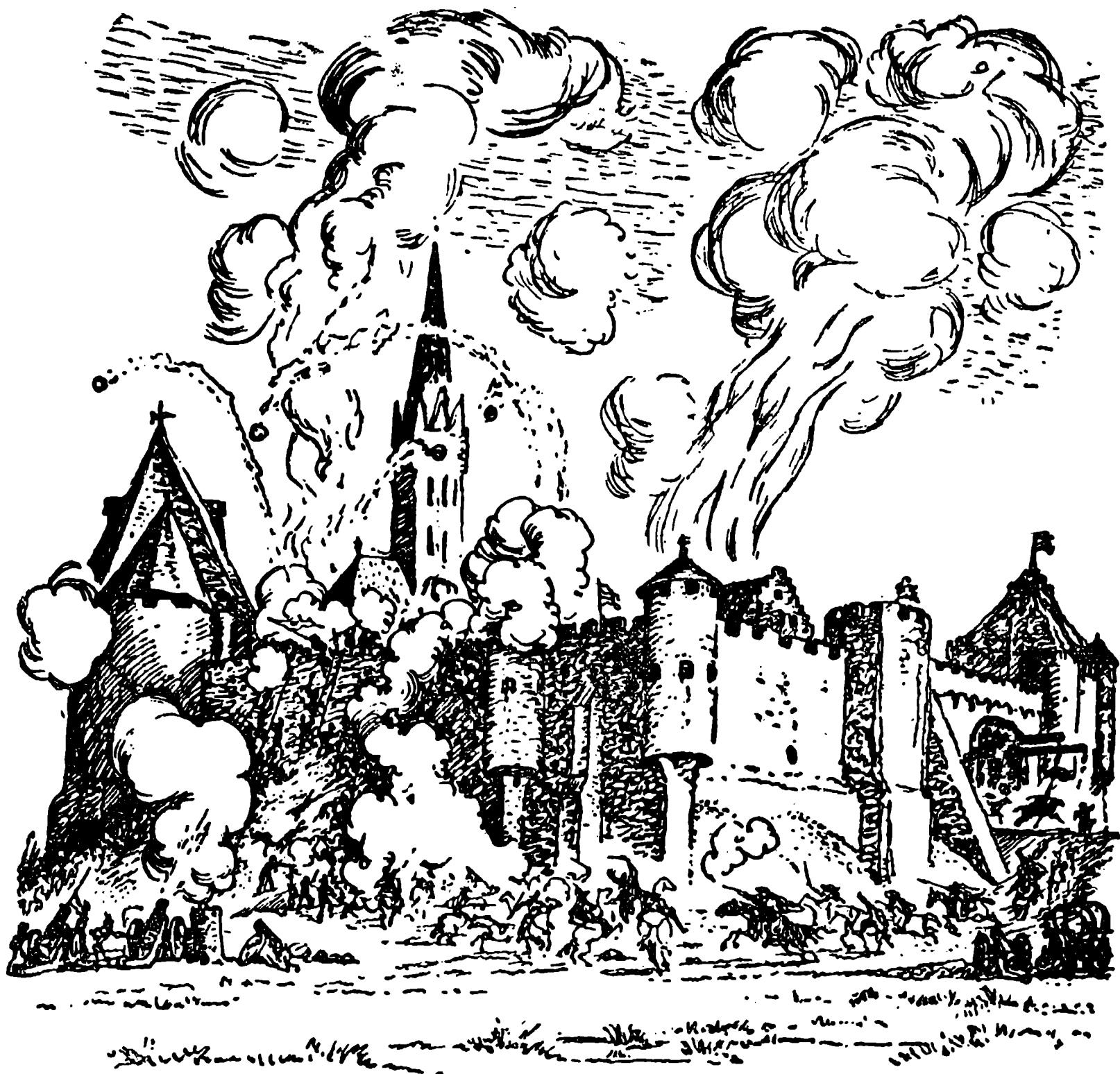
— Пушки! — крикнул судовщик.

Все вскочили, загомонили. Только Мудрила не двинулся с места. Задумчиво потер подбородок и сказал:

— Пушки... Н-да... Пушки-хлопушки. Надо подумать о пушках. Пушках-пеструшках...

Речка впереди делала поворот, а излучину прикрывали деревья. Но прямо за ними поднялась пальба: ба-бах! ба-бах! бух! К небу кинулись клубы белого дыма.

— Салют? — задумчиво сказал Мудрила. — Может быть, это салют?

— Какой салют? — закричал судовщик. — Должно быть, испанцы напали на Польшдербарт! Куда теперь деться?..

— Можно назад, — сказал Караколь.

— Еще чего! — кричал судовщик. — Мне товар нужно брать в Оверсхи! Что же теперь, с голоду помирать из-за этих испанцев!

Самое интересное, что лошади вовсе не испугались. Они все так же тянули «Улитку», пока судовщик махал руками и проклинал короля Филиппа, мы обогнули излучину, и перед нами открылась картина сражения.

Над приземистой крепостью лопались и отрывались кверху белые шары дыма. Похоже было, что вырос букет огромных одуванчиков. К стенам бежали цепи солдат. Блестели клинки и шлемы. Взмахивая руками, проносились всадники. Рядом с одним бастионом бой шел уже на стене. Там просто перекатывалась то в одну, то в другую сторону толпа схватившихся. Прыгали и падали вниз люди. В одном месте полыхнуло на солнце красно-желтое испанское знамя, но тут же спорхнуло в ров, как птичье перо.

— Матерь божья, — пробормотал судовщик, — что делается... Наших бьют! — вдруг завопил он и бросился в трюм. Оттуда он выкарабкался с какой-то железной штукой — то ли с молотом, то ли с палицей.

— Чего смотрите! — орал судовщик. Глаза его выкатились, на лбу вздулись вены. — Хотите, чтоб взяли Польшдербарт?! Чтоб горло нам перерезали?!

Но тут же бросил свой молот и стал разводить руками.

— А чего я один могу? Все я да я. Хоть бы пушка была...

— Да чего ты, в самом деле, папаша? Отдыхай, — сказал Лис.

— Смотрите! — крикнула Эле. — Смотрите!

Атака откатывалась от стен Польшдербарта. Схватка шла уже за рвом.

Конница с яркими перьями, видно испанская, кинулась на выручку, но тут же из-за крепости выметнулась другая и врезалась в испанскую.

— Наши! — крикнул судовщик.

В том месте, где сшиблись всадники, прямо-таки пыль столбом стояла. Потом вырвалась группа и понеслась в нашу сторону.

— Испанцы удирают! — крикнул судовщик.

Сбившись тесной кучкой, группа ехала все медленней и медленней.

Потом снова помчалась. Теперь мы увидели, что их человек десять, а в середине один всадник держал поперек седла другого.

— Матерь божья... — пробормотал судовщик. — Прямо к нам, разбойники!

И точно, минут через пять лошади танцевали и храпели на берегу перед нашей «Улиткой». Лица у всадников злые, перемазанные. Один, с окровавленным лбом, в зеленом камзоле и без шляпы, крикнул разъяренно на ломаном голландском:

— Пронто! Пронто! Собаки! Пускай трап!

Пришлось бросить на берег деревянные сходни. Всадники спешили и внесли на борт раненого испанца. На его бледных щеках, подбородке и синеватой стали нагрудника запеклась кровь. Наверное, офицер. Расшитая серебром португез держала пустые ножны. За черным поясом заткнуты большие пистолеты.

Испанцы загомонили по-своему, посмотрели в сторону Польдерварта, где по-прежнему шел бой, трещали выстрелы, звенели клинки. Потом тот, что в зеленом камзоле, показал на раненого и сказал:

— Лейтенант де Орельяна. Ранен сабля. Будем везти Влаардинген.

— Влаардинген! — ужаснулся судовщик. — Но мне нужно в Оверсхи, взять товар, а потом во Фрисландию!

— Собака! — крикнул зеленый камзол и схватил судовщика за грудки. — Везти Влаардинген! Лейтенант де Орельяна!

— Но как же идти во Влаардинген? Надо возвращаться назад и сворачивать по каналу, а там земля мягкая, лошади провалятся.

— Собака, — снова сказал испанец, но уже тихо. Лицо его побледнело, усы топорщились. По лбу вместе с потом катилась каплями кровь. Он вытащил из ножен широкий короткий кинжал и острием приставил к груди судовщика.

— Собака, — прошептал испанец. — Везти Влаардинген...

— Сам ты собака, — вдруг отчетливо сказал судовщик и тоже побледнел.

Он тут же отскочил и схватил с палубы молот.

— Сам ты собака! — крикнул он и швырнул в испанца молот.

Тот судорожно рвал из-за пояса пистолет, но не успел. Тяжелый молот ударил в грудь. Зеленый камзол вскрикнул, перевернулся и ничком повалился на палубу.

— Вот тебе Влаардинген! — крикнул судовщик и кинулся к борту.

Но тут его догнала сабля другого испанца. Она вошла наискосок около шеи.

— Ох! — сказал судовщик. По его изумленному лицу пробежала судорога, и он съехал на палубу, привалившись к борту.

Все это произошло мгновенно. Никто из нас и пошевелиться не успел.

Тот, что ударил саблей, в черном плаще и такой же шляпе, сунул клинок в ножны и мрачно спросил:

— Кто такие?

— Бродячие артисты, — дрожащим голосом ответил Караколь.

— Чей фургон?

— Наш.

— На этом фургоне отвезете лейтенанта де Орельяну и... — Он подошел к испанцу в зеленом камзоле, перевернул его обмякшее тело, посмотрел в открытые глаза. — Только лейтенанта Орельяну. Отвезете во Влаардинген. Вместе с солдатами. Девочка будет менять повязки.

Он посмотрел на крепость Польшерварт, на отступающих испанских солдат и пробормотал:

— Проклятая земля, проклятая война...

Под каблуки его сапог текла через палубу кровь.

О КРАСНЫХ ШАРАХ И ДВУХ БРАТЬЯХ

Потом я долго помнил случай на барке «Улитка». Судовщик вел барку за товаром в Оверсхи, и казалось, ничего важнее для него нету. Лис говорил, что погиб он ни за что. Просто не сдержался, а надо было помолчать. Может, и так. Но откуда Лис знает, почему не сдержался судовщик? А если у судовщика вся семья побита испанцами и не осталось никакого терпения? Да мало ли что. Во всяком случае, покинул он этот свет не просто, а увел за собой испанца и, может быть, спас тем самым кому-то жизнь.

А мы против своей воли оказались во Влаардингене на берегу залива. Правда, до Роттердама отсюда не дальше, чем от Оверсхи, но разница в том, что в Роттердаме и Оверсхи стоят войска принца, а здесь, во Влаардингене, несколько рот испанцев, немецких наемников и верных королю Филиппу валлонов.

Теперь я понимал, что атакой Польшерварта испанцы пытались вбить клин между Дельфтом и Роттердамом, но это у них не вышло, а лейтенант Орельяна умер, не доезжая Влаардингена. Всю дорогу он бредил, бормотал то по-испански, то по-голландски. То об эскудо, которых ему не доплатили, то о какой-то Марии. Потом он затих, страшно побледнел, и на лоб упали капли голландского дождя. Вот и все, что он заработал в наших краях.

Влаардинген отнял у нас пару дней. Становилось жарко, вода в море как парное молоко. Мы с Лисом много купались, а потом лежали на песочке. Пригреешься так и думаешь: куда спешить? Смотришь в морскую даль, и кажется, что, может быть, там, за островами-проливами, упрятана настоящая жизнь, а здесь, у тебя под боком, не самое важное.

Нет, не советую, если есть важное дело, устраиваться на песочке у синего моря. Трудно бывает подняться. Правда, и в Роттердам теперь было попасть не просто. Говорили, что севернее Влаардингена у испанцев много застав.

От нечего делать я присматривался к солдатам, палатки их стояли на берегу залива. Не очень-то они засиживались в лагере, все больше шатались по улицам и опустошали кабачки. Особого порядка у них не заметил, и если б напасть врасплох, многих можно положить на месте. Между собой они не очень ладили. Валлоны не любили немцев, немцы — испанцев. Они ссорились и часто дрались.

Даже среди своих не было дружбы. Кавалеристы свысока смотрели на пехотинцев. Из пехотинцев важнее всего держались мушкетеры, за ними аркебузиры, и за последних людей считались копейщики, особенно те, которые без лат.

Вот так однажды валялись мы с Лисом на песочке, а поодаль сидел Мудрила. Он все бормотал:

— Пушки... м-да... надо подумать о пушках. Пушки-подушки...

Видно, придумывал что-то новенькое. Подошел какой-то старик в шляпчонке с пером и в рыжем потертом плаще.

— О-хо-хо... — сказал старик и присел рядом с нами. — Ждете, ребята?

— Ждем, ждем, дедуля, — тут же ответил Рыжий Лис, хоть ни я, ни он никого не ждали.

— Бывало, разве так мы встречали? — сказал старик. — Я, дорогие благородные дети, служил в магистрате и сам поднимал на башне большой красный шар. Ей-богу, это был я, Виллем Виллемс, хоть у кого спросите.

— Верим, дедуля, — сказал Рыжий Лис. — Только разве красный был шар, не зеленый? Или хоть голубой?

— Красный, благородные дети, огненно-красный. Красный издалика видно.

— Ну в чем дело, дед, — сказал Рыжий Лис, — давай сейчас подними. Можешь фиолетовый или желтый.

— Да разве не знаешь, что сегодня нельзя поднимать шары? Испанский начальник запретил.

— Тыфу ты! — сказал Рыжий Лис. — Я разрешаю, а он про начальника.

— Не знаю, кто ты, благородный мальчик, — сказал старик. — В твои годы ты мог быть и принцем. Но, судя по одежде, власти у тебя не больше, чем у каждого из нас. Как же ты мог разрешить?

— Это мне ничего не стоит, — сказал Рыжий Лис. — При чем тут одежда? У меня, может, папаша герцог.

— Ты разрешил поднять красный шар на башне, когда увидят парус?

— М-да... — задумчиво протянул Рыжий Лис. — Кажется, я разрешил наоборот. Поднять красный шар на парусе, когда увидят башню.

— Просто не знаю, кому теперь верить, — сказал старик. — Пойду посоветуюсь с кем-нибудь.

Старик ушел, а я толкнул Лиса в бок.

— Ты хоть знаешь, о чем разговор?

— Понятия не имею, — сказал Рыжий Лис.

— Зачем же дурачил старику голову?

— Люблю побеседовать с простыми людьми, — сказал Лис.

Скоро недалеко от нас сидели уже несколько стариков. Они переговаривались и посматривали в нашу сторону.

— Не пора ли сматываться? — сказал я Лису.

Но к нам уже подходили. Теперь спрашивал другой старик, в толстой вязаной фуфайке и шерстяном берете.

— Виллем Виллемс говорит, что ты разрешил поднять красный шар на первом парусе.

— Разрешил, ну и что? — сказал Рыжий Лис, а сам уже вертит головой и собирается пуститься наутек.

— Эй! — крикнул Мудрила со своего места. — Что там за сборище?

Старик обратился к нему:

— Я Клаас Бенкельсзоон, родственник того Бенкельсзоона, который придумал солить селедку. Сегодня первый день, когда с улова возвращаются наши суда. Раньше мы поднимали на городской башне красный шар, когда видели первый парус. Но теперь дон Педро, капитан аркебузиров, запретил это делать. Тогда мы просили разрешения поднять красный шар на парусе, чтобы жители видели, что хюлка¹ идет с уловом. Для нас, рыбаков, это всегда большой праздник. Дон Педро запретил и это. Он боится морских гезов... — Старик в берете перевел дух. — Я вам рассказываю все потому, что вижу, вы нездешний. А так бы вы знали сами.

— Возможно, — сказал Мудрила.

— Но Виллем Виллемс говорит, что тот рыжий мальчик сын большого начальника, и он разрешил поднять красный шар на первом парусе. Скажите, это правда?

— М-м... — Мудрила почмокал губами. — Правда... Правда вещь не простая. С одной стороны это может быть правдой, с другой — нет. А в целом это опять может стать правдой... Ну и так далее...

— Нам не понятно, — сказал родственник того Бенкельсзоона, который придумал солить селедку. — Если вы потешаетесь, то вместе с мальчишкой потешаетесь над всем Влаардингеном. А палки у нас крепкие.

— Сейчас будут бить, — шепнул я Рыжему Лису. — Тут уже целая шайка...

Шайка не шайка, а несколько местных мальчишек окружили нас и пригоршнями набирали камни.

— Да, адмирал, — сказал Рыжий Лис, — вот так и попадешь ненароком.

— Смотрите! — вдруг крикнул кто-то. — Красный шар!

Мы обернулись и увидели, что к берегу идет судно с тугим белым парусом и красным шаром на мачте.

— Тьфу ты! — сказал Рыжий Лис. — Ну и везет! То сон в руку, то вранье в руку!

Вслед за первым по горизонту высыпала целая стая белых парусов. Они быстро нагоняли судно с красным шаром.

¹ Х ю л к а — голландское рыбацкое судно.

— К пристани, к пристани! — закричали влаардингенцы. — Встречать улов!

— Уррраа-а! — завопили мальчишки.

— А вам первую бочку самой нежной, самой жирной голландской селедки! — издали крикнул нам родственник Бенкельсзоона, и все побежали вдоль берега к пристани.

— Мерси, — сказал Рыжий Лис, переводя дух.

Все паруса уже обогнали красный шар, а тот стал заваливаться влево и направился прямо к нам.

— Я его выдумал, вот и шпарит ко мне, — сказал Рыжий Лис.

Долго ли, коротко, судно — а оказалось, что это не крутобокая хюлка, а так, какой-то заморыш, — подкатило к берегу и ткнулось в песок. Судите сами, что за мореход, если подполз к берегу по такой мелкоте.

Парус опал, и красный шар опал. Только... только, ей-богу, это был никакой не шар. На палубу вылез полуголый человек, очень толстый, в одной рубашке до пупка. Человек дернул за веревку. То, что мы приняли за красный шар, свалилось на палубу. Человек побряхтел, сунул ноги в этот... да нет, никакой не шар, просто в короткие и пузатые красные штаны. Видно, они сушились на мачте, и ветер надувал их, как колбасу.

Толстый человек снова побряхтел, вытащил очки, нацепил, уставился на нас и вдруг заверещал тоненьким голосом:

— Братец! Да, никак, это ты, беспутный!

Тут и Мудрила свои очки нацепил и тоже как закричит страшным голосом:

— Да, никак, это ты, братец бестолковый!

.

ЧТО РАССКАЗАЛА ЭЛЕ

Самое интересное было не в том, что Мудрила встретил своего брата, с которым нанимался лекарем в дальние земли.

Гораздо интереснее, что, увидев Эле, брат Мудрилы буркнул:

— Привет, бубнилка. Где пропадала?

А Эле захлопала глазами, руками всплеснула и говорит:

— Ой, дядя Пончик!

Брат Мудрилы сразу надулся, отбежал в сторону и капризным таким голосом говорит:

— Не буду ни с кем разговаривать! Надоели мне ваши

Пончики. Домой приехал, а они опять — Пончик. Не буду ни с кем разговаривать!

А Мудрила принялся укорять Эле:

— Ну зачем обижаешь братца? Он человек глупый и ничего не умеет, но ведь у него имя есть — Иеронимус. А что это за Пончик?

— Да все его так звали, — сказала Эле. — Когда у нас лекарем был. А потом его... ну... домой отпустили. Его все так звали...

— Прогнали! — сказал Мудрила. — Я же говорил.

— Ага, — говорит Эле и прямо бросается к братцу Мудрилы. — Дядя Пончик, а дядя Пончик! Ты как сюда попал? Ты откуда?

— Не буду! Не желаю говорить! — кричит дядя Пончик, он же Иеронимус, а сам чуть не плачет.

Полчаса его упрашивали, успокаивали. И за эти вот полчаса я узнал, что Эле сама из тех самых земель, куда нанимался лекарем брат Мудрилы.

Минут десять Эле и брат Мудрилы лопотали на другом языке. Вернее, лопотала Эле, а Иеронимус все морщил лоб, запинался — видно, слова подбирал, а потом опять как закричит по-голландски:

— Да не желаю на таком языке говорить! Челюсть сломаешь! Хватит, наговорился за целых два года! Говорил, говорил, лечил вас, неблагодарных, а что за это имею! — Брат Мудрилы Иеронимус вывернул карманы красных штанов и высыпал какую-то труху. — Ничего не имею! Ни одной золотой монеты! Да еще еле выбрался... Спасибо, Брюнель довез на своем корабле, а так бы и вовсе конец.

— Дядя Пончик, хорошенький, — говорит Эле таким умоляющим голосом, — а ты Грота не видел?

— Я его не видел? — говорит брат Мудрилы. — Да он мне просто надоел! Как сели на корабль, так он до самой Голландии расспрашивал, куда тот купец тебя мог увезти. А почему я знаю? Все опасался, что нет тебя в живых. А ты, оказывается, уже тут, бубнилка...

— Так ты сказал, дядя Пончик... — говорит Эле, а голосок у нее дрожит.

— Не Пончик! — кричит брат Мудрилы. — Я доктор медицины Иеронимус Дустус!

— Такой же доктор, как я турецкий падишах, — вставил Мудрила.

— Так ты сказал, — снова за свое Эле, а сама прямо

побледнела, — сказал, что Грот с тобой на корабле приехал. Так где же он?

— Всегда ты была чудная, бубнилка, — говорит доктор медицины Иеронимус Дустус. — Да разве это корабль, на чем я приехал? Дырявая шлюпка. Я в Брилле еще пересел на нее, а корабль дальше пошел, прямо в Роттердам.

— А Грот?

— В Роттердаме с кораблем твой Грот. Повоевать ему захотелось с испанцами! А я не желаю! Два года мыкался по чужой земле, а теперь буду спать целый год! Тем более, перешел в магометанскую веру и воевать за разных там протестантов или католиков не собираюсь!

— Вот об этом я и хотел поговорить с тобой, братец, — важно сказал Мудрила. — Скажи-ка, в тамошней земле есть пушки?

— Конечно, — ответил братец Мудрилы, — а что?

— Хорошая есть идея. Понимаешь... — Тут Мудрила встает и начинает махать руками и распалаться. — Стянуть, понимаешь, все пушки! Со всей земли. Да как жажнуть!

— Куда?

— Да хоть куда, чугунный ты лоб! Со всей земли пушки! Из Китая, Японии! Сюда их прямо стащить, запалить да как жажнуть разом! Не понимаешь?

— Да ну тебя, — сказал брат Мудрилы Иеронимус.

— Ух ты! — бесновался Мудрила. — Да если разом бабахнуть всей этой дрянью! Да знаешь, что будет? Я ведь и сам эту мысль до конца не обдумал. Она мою грудь теснит! Ох, неглупый я человек, неглупый... На весь Кампен один такой! Пушки... Это же надо придумать! Я как увидел, сразу подумал: стащить их сюда — трррах-тара-рах! — тряхнуть вас, разбойников, всех успокоить разом!

Ну ладно. Мудрила есть Мудрила. Он еще целый час бубнел насчет пушек. А мы за Эле взялись. Почему это, спрашиваем, Мудрилин братец бубнилкой ее называл? Что за имя такое? И вообще пусть расскажет все по порядку.

У Эле щеки покраснелись. Очень ее взволновало известие про какого-то Грота.

Оказывается, это единственный для нее родной человек.

Всего три года назад жила Эле преспокойно на своей родине, на берегу моря. Вокруг ее дома цвели дикие розы, поэтому берег назывался Розовым. Отец Эле ловил рыбу. Но однажды лодка рыбаков не вернулась. А зимой умерла мать, и Эле осталась сиротой... Очень похоже на мою историю.

Потом к берегу подошел корабль голландского купца. Здесь и подружилась Эле с голландцем Гротом. Так вот этот голландец взял с собой Эле, и поплыли они по рекам в глубину земель. По дороге голландец Грот поссорился с купцом, которого за рыжие волосы прозвали Огневиком. Огневик этот убил другого голландца, тоже купца, а так подстроил, что подумали на местных жителей.

И вот Грот вместе с Эле убежали от Огневика и добрались до большого торгового города. Здесь они жили вместе год или больше. Но следующим летом в городе опять появился Огневик с другим кораблем. Весь товар, который он продавал, по словам Грота, был награблен. Поэтому Огневик опасался, что вернется в Голландию и там все станет известно.

Он целое лето охотился за Гротом, но сумел схватить только Эле. Он держал ее у себя на корабле, как приманку, и в конце концов увез с собой в Голландию. Но совсем недалеко от голландских земель за кораблем Огневика погнался датский пират. Произошел морской бой, и Эле совсем не помнит, как очутилась в воде. Хорошо еще, рядом плавали деревянные обломки, Эле за них ухватилась...

Прилив вынес ее на берег около Эйдама. Тут и подобрал ее Караколь. Эле была очень похожа на морскую русалку: светловолосая, с голубыми глазами. И так же как та, которую когда-то перевоспитывали эйдамцы, Эле ни слова не говорила по-голландски. Вернее, не хотела говорить. Ведь голландец Грот научил ее кое-чему, да и на корабле купца приходилось говорить по-голландски.

Но Эле и с нами не очень-то была разговорчива, кое-какие слова она еще путала и коверкала, хотя, как выяснилось, говорила по-нашему совсем неплохо. Иначе бы я не узнал всего того, что вам пересказываю.

Первый раз голландскую речь от Эле я слышал, когда она отбрила Лиса с его Аренландией. Потом долго молчала, а теперь вот снова заговорила по-голландски. При этом сказала, что на своем языке умеет говорить в десять раз быстрее. За это брат Мудрилы называл ее бубнилкой.

А прибился он к ним с Гротом в городе. До этого устроился лекарем у какого-то барона, но чуть не уморил того кровопусканием, и барон его выгнал. Доктор Дустус хотел уехать в Голландию. Туда же стремился и Грот, но не было подходящего корабля.

Вот так получилось, что Эле попала в Голландию раньше

того и другого. А теперь ей просто не терпелось отправиться в Роттердам, куда ушел корабль с голландцем Гротом.

Но ведь и мне надо туда же! Пора письму попасть в руки принца. Видно, опять придется идти мимо испанских застав. А это всегда неприятно.

Тут братец Мудрилы Иеронимус говорит:

— А вы на шлюпку ту попроситесь. Хозяину я отдал последние талеры, чтоб он завернул во Влаардинген. На самом деле ему в Роттердам надо, и вечером он отплывает, тут недалеко. А в Роттердаме ищите... э-э... «Рыба», кажется, так корабль называется. Дурацкий корабль, очень качается. На нем мы с Гротом приплыли.

Пока Караколь побежал договариваться, я Эле и говорю:

— Слушай, а почему за тобой Слимброк охотится? Он что, тоже с того корабля?

А Эле выпалила:

— Да это и есть сам Огневик!

— Как Огневик? — я удивился. — Да он же черный! А твой Огневик рыжий, сама говорила.

— Чувствую, речь зашла о моем незабвенном папаше, — говорит Рыжий Лис. — Если вы про него, то он действительно рыжий. Такой же, как я.

— Какой там рыжий! — кричу. — Он черный, как головешка!

— Мой дорогой папаша, — говорит наставительно Лис, — умеет быть зеленым и даже фиолетовым. У него двадцать париков. Ты хоть знаешь, мон шер, что такое парик и разные краски для волос — например, хна, сурьма и прочее? Все эти вещи, адмирал, нужны оборотистому человеку, чтоб его не узнали. А мой папаша очень, очень оборотистый человек! И пора тебе это понять.

НЕЗАБВЕННЫЙ ПАПАША РЫЖЕГО ЛИСА

Вы слышали? Мало того, что незабвенный Лисов папаша, он же иезуит Герциано, одновременно был Адрианом Слимбромком, лейденским сукноделом. В эту компанию прибавился еще Огневик, которого так боялась Эле. И все это был один человек. По этому случаю я восхищался и поздравлял Лиса с тем, что у него такие способные родственники. Лис кланялся, принимал поздравления и говорил:

— Это еще чепуха, мон шер. Мой папаша способен на

большее. Сколько лиц ты у него засек, четыре? Сущая бездельница. Я тебе сейчас прямо дюжину насчитаю, с какими ты еще не знаком.

И Лис принялся тараторить. Всего тут не перескажешь, но могу вам поклясться, что глаза на лоб полезли, когда я услышал, какими делами занимался незабвенный Лисов папаша. Он и карточным шулером был — выигрывал целые состояния. И проповедником в каком-то французском городишке; там он принимал исповеди, а потом вышибал из глупых горожан деньги. Он, кажется, и в цирке фокусы показывал. И, представьте себе, воевал в армии герцога Гиза, даже чин лейтенанта получил.

От всех этих обликов у меня просто распухла голова, и я спросил Лиса, не слишком ли его папаша разбросался. Займись он чем-то одним, может быть, стал бы кардиналом.

На это Лис ответил, что в ордене иезуитов папаша дорожке всякого кардинала. Он добывает для них такие средства, какие ни один кардинал не видел во сне. Может, целый миллион достал он уже для ордена.

— Вот это да! Значит, и купцом в Лейдене он был только для того, чтобы наскрести чего-то иезуитам?

— Не только, — сказал Рыжий Лис. — Точно тебе не скажу, но у него там и еще какие-то делишки. Он, может, и сейчас в Лейдене.

— Ты думаешь?

— Почти уверен. Ты помнишь, отец Антонио хотел послать меня в Лейден и сказал, что там ожидает сюрприз? Чую, имелся в виду папаша. Ему там самое время оказаться. Где горячо, там ищи папашу.

— Ой, Лис, — говорю я, — как бы он дел там не натворил... Теперь я опасаюсь за ворота и городские стены.

— Уж будь спокоен, — отвечает Лис и вроде бы даже хвастает: — Если папаша займется, то все ворота откроются и полстены развалится на куски.

— Слушай, — говорю, — если папаша твой такая важная птица, то как же иезуиты до сих пор не знают, что ты сбежал и странствуешь инкогнито?

— А в том-то и дело, — отвечает Лис, — что папаша это скрывает. В Люксембургском новициате, откуда я сбежал, он, видно, чего-нибудь сочинил, на себя взял это дело. Сказал, например, что я выполняю его поручение. Ведь если узнают, что я один по дорогам брожу и всякие секреты разбалтываю, то и папаше не поздоровится. Вот он и гоняется за мной, хо-

чет потрясти, а может, и вовсе прибить, чтобы дело с концом.

Да! Видно, всем досадил этот человек! Тут мы за Эле взялись, стали ее расспрашивать. Ведь мало того, что рассказывал Лис, папаша его еще и по морям скитался, грабил корабли, а добро продавал на самом краю земли.

— Сам не знаю, зачем он туда подался, — сказал Рыжий Лис. — Может, чего разнюхивал...

Я говорю:

— А чего там разнюхивать? Круглый год зима, а люди в берлогах спят, как медведи.

Тут Эле на меня накинулась. Сказала, что наслушался глупостей от Мудрилы, а правды в этом нет ни на грош. Есть весна в ее краях, есть и лето, а берлог она не видела. Жара бывает такая, что на сосновых бревнах выступает смола. Тут она за Лиса взялась и стала песочить его насчет Аренландии.

Сразу раскрылись Лисовы выдумки. Лис только сидел и ушами хлопал, а про себя, видать, радовался, что вовремя отказался от графского титула и принял звание Стрекозино Маршала. Оказалось, что нет никакой Аренландии, а есть острова недалеко от мест, где жила Эле. Название я, конечно, опять не помню, только вот гора Голгофа там в самом деле имеется. И все так, примерно, как в свое время расписывал Лис. Поэтому Эле те острова и узнала. А Лису про них, как вы уже знаете, рассказал папаша. Он прежде, чем Эле его увидела, побывал на тех островах.

Как видите, все сходится. Эле и Рыжий Лис говорили про одно место, только по-разному говорили.

Если Лис восторгался и кричал, что там жизнь вдвое длиннее, потому что всегда светло, то Эле сказала: летом и вправду светло, но зимой темень непроглядная и холодно. А тем же летом все равно житья нет, потому как комарье выпивает из тебя каждый день по стакану крови.

Словом, чем дальше Лис слушал про свою Аренландию, тем мрачней становился. Видно, и в самом деле мечтал он об этих землях, а теперь Эле хорошенько его оттрепала.

Эле, в общем-то, чудная девочка. Не успела отругать Лиса, как сразу давай говорить наоборот. Что и вправду там очень красиво, озера как жемчуг, селедка получше зеландской. В общем, успокаивала. Но Лис призадумался крепко. Повесил головушку, опечалился. Видно, неразбериха творилась в Лисовой голове. Была мечта, а теперь что? Какая это мечта, если другой человек про нее больше знает. И даже звание Стрекозино Маршала, видно, не до конца утешало Ли-

са. Во-первых, Стрекозиный Маршал — это не мечта. Взял и присвоил себе титул. Во-вторых, об этом никто, кроме меня, толком не знал. А Эле — та просто не поверит.

Но главная заковыка в Лисовой жизни опять же его незабвенный папаша. Так всю жизнь от него и бегать?

Я тут составил примерный список. И не беда, если повторюсь. Как говорится, неприятеля нужно знать в лицо. Итак, незабвенный папаша Рыжего Лиса. Имена: Адриан Слимброк — лейденское, брат Герциано — среди иезуитов, Огневик — на корабле. А как же его настоящее? — спросил я у Лиса. Но тот ответил, что в жизни не скажет. Да и какая разница! Ладно. Поехали дальше. Занятия: суконщик — в Лейдене, пират — на море, купец — в чужих землях, член ордена иезуитов, а кем там числится, не знаю. Его делишки и планы: хочет прикончить Рыжего Лиса, Эле, меня, а что самое важное — принца Оранского. Бегает между Лейденом и войсками испанцев, — наверное, шпионит, а может, готовит измену в городе.

Как видите, получается яркий портрет. А сколько мы не знаем! Само собой вытекает, что нужно держаться от этого человека подальше. Примерно так мы и рассудили.

Но Эле сказала, что если найдем в Роттердаме Грота, то плохо придется Слимброку, и показала, какого роста этот Грот, какие у него мускулы. По ее словам, великан какой-то.

Взгрустнулось мне. Опять вспомнил отца. Он тоже был на голову выше других.

ДЕНЬ ЧЕРНОЙ СМОРОДИНЫ

Говорили, что в Роттердаме воздух свежей, чем в Дельфте или, допустим, в Лейдене. Даже летом, я слышал, здесь под рубашкой носят фланелевую фуфайку. Вот уж чего не знаю. Такой жарыщи, какая встретила нас в Роттердаме, я что-то не помню.

Когда вечером шли на веслах по масляному, желтому от заката морю, я сидел на правом весле вместе с Лисом и думал обо всем. Но больше всего вспоминал свой Лейден. Где ты, Михиелькин, верный приятель, толстяк и проказник? Где соня Боолкин, молчунья и послушница? А ты, Сметсе Смее? Скоро ли вас увижу?

Еще я думал о письме и встрече с Молчаливым. Все ли будет как надо? И куда пошлют меня снова?

Все, что приключилось с того дня, как мы вышли из Лейдена, вертелось в голове наподобие колеса. Не во всем я успел разобраться, и многое казалось непонятным. Вот так живешь где-нибудь спокойно, а потом сорвет тебя с места, и охнуть не успеешь, как попадешь в историю, о которой и понятия не имеешь.

С хозяином шлюпки мы договорились, что за перевоз отработаем в Роттердаме. Будем грузить на шлюпку продукты, которые он купит на ярмарке.

— Какая ярмарка? — сказал Караколь. — Война кругом!

— Ярмарка есть ярмарка, — пробурчал хозяин. — Ярмарка важнее войны. В этот день я могу поставить шлюпку у причала без пошлины и все купить подешевле, а селедку продать. Даром, что ли, я солил селедку? Хозяин постучал каблуком по палубе. — Пять бочек везу!

Мудрила с нами не поехал. Сказал, что побудет во Влаардингене. Обдумает новую мысль о пушках. Мудриле и его брату мы оставили фургон. В нем можно неплохо спать, а на шлюпке все равно не было места.

Пьер сидел на носу и смотрел вперед, как будто он был капитан. Лис пробовал репетировать речь в суде, это в том самом, на котором собирался защищать жуков-короедов, но у него не получалось. Тяжелое весло то и дело толкало его в живот, а грести Лис совсем не умел. Он скоро взмок, глаза выпучил и только мешал мне, потому что все время опаздывал с гребком или, наоборот, спешил.

Эле наигрывала на своем барабане — туки-туки-перетук... Маленький у нее барабан, а звонкий. Я бы узнал его из тысячи других.

Поближе к Роттердаму, когда сквозь вечернюю дымку проступили шпили соборов, арки мостов и красноватые крыши, хозяин шлюпки забеспокоился:

— Что-то не вижу белых крестов, что-то не вижу! Где же ярмарочные кресты?

— Да не расстраивайся, папаша, — успокаивал Лис. — Нет в Роттердаме ярмарки, так поедешь в Берген. Какая разница? Уж где-нибудь купят твою тухлую селедку.

Хозяин испугался:

— А что, слышен запах?

— Конечно, — сказал Рыжий Лис. — Да ты не суетись. Тухлая сельдь куда благородней. Она нос веселит.

Не было ярмарки в Роттердаме. Промахнулся хозяин селедки. До этого каждый год в эти дни гнал он свою шлюпку

из Брилле на большой праздник Кермис. В Голландии нет праздника веселее. Целую неделю все пьют, гуляют, угощают друг друга. На городских воротах вывешивают белые кресты, объявляют «базарный мир». Нельзя даже ссориться.

Не знаю, как в других городах, а у нас в Лейдене каждый год в летнее время начинался Кермис. И ярмарка была, несмотря на тяжелые времена. Селедочник говорит, что и в Роттердаме в прошлом году все получилось как надо. Он продал несколько бочек зеландской селедки и тексельских устриц, а потом прогулял половину всех денег.

Но в этот раз уже по тому, как мало стояло судов в роттердамской гавани, понятно было: селедочник промахнулся. Уж как он ругался! Всех проклинал: католиков, протестантов, испанцев и даже Молчаливого.

Смотрел я на него и вспоминал судовщика, который бросился на испанца у Польдерварта. Судовщик тоже кричал, что товар важнее войны. Чудные встречаются люди. Может, и этот плюнет на свою селедку, возьмет нож и пойдет на солдат Филиппа. Кто знает.

Ярмарки не было, но уже от пристани встречалось много подгулявших людей. Наверное, Кермис брал свое.

Какой-то хмельной горожанин с петушиным пером в берете схватил Караколя за руку и закричал:

— Не знаю, па-анятия не имею, кто такой! Но угощаю! Черной смородиной угощаю, как положено!

На поясе у него болтался кузовок, оттуда бил винный запах, и прямо на камзол катился смородинный сок.

— Кто такие? — орал горожанин. — Ни с места! День черной смородины, ясно? Стало быть, угощаю! Ян дер Нессе потчует, ни с места!

Мы съели по пригоршне хмельной, вином замоченной смородины. Даже в голову ударило. А Ян дер Нессе пошел, шатаясь, дальше и горланил песню:

Эх, пропади все пропадом!

Черная смородина, черная смородина-а!

Караколь сказал:

— Значит, День черной смородины. Лет пять назад я был в Роттердаме на таком же. Что здесь творилось! А сейчас тихо.

Мы стали совещаться, как быть. Отложить дела до утра или попробовать отыскать Молчаливого сегодня?

Еще не бил пивной колокол, значит, время не позднее.

К тому же День черной смородины — один из малых праздников Кермиса. Правда, сегодня веселятся простые люди, но и принц вряд ли спит. .

Прошел отряд аркебузирова, и Караколь остановил сержанта. Спросил, где найти принца Оранского.

Сержант поднял фонарь и осветил наши лица. Подошли солдаты, блеснули шлемы с острыми гребешками, выпуклые нагрудники. Солдаты оперлись на аркебузы и заговорили между собой. На нас они не смотрели.

— Зачем вам принц? — спросил сержант и пожевал губами, от этого усы его зашевелились.

— Донесение из осажденного Лейдена, — сказал Караколь.

Сержант вынул большой красный платок и отер потный лоб.

— А где донесение?

— Приказано передать лично принцу или Паулюсу Бейсу, — невозмутимо сказал Караколь.

— В таком случае поспешите. Лейденцев принимают в любое время дня и ночи. От Гогестраат повернете налево... — Сержант объяснил дорогу. — Обратитесь к Флоренту Нейнхему, это помощник принца. А что там в Лейдене? Говорят, нет никакой мочи держаться.

— Держится, — сказал Караколь.

— Ну и жарища, — пробормотал сержант. — Жарища нас доконает. Даже ночью нету житья. Пошли, ребята.

Брякнуло оружие. Аркебузиры затопали по мостовой. Пошли и мы. Сердце у меня заколотилось. Неужели увижу сейчас Молчаливого? Письмо в свинцовой трубочке лежит у меня в каблуке кломпа.

В переулке, совсем недалеко от нужного дома, дорогу нам преградила вереница пляшущих горожан. Схватившись за руки, они прыгали, топали каблуками и в такт кричали:

— Хоссен! Хоссен! Хи-ха! Хоссен! Хоссен! Хи-ха!..

Нас тоже схватили под локти и потащили за собой, совсем не туда. Мы вырвались с трудом, нырнули в переулок и пошли к дому с другой стороны. Но здесь снова нас перехватили. Неровной цепочкой люди прыгали поперек улицы, дышали винным перегаром и цепко хватали каждого, кто попадался навстречу.

— Хоссен! Хоссен! Хи-ха!..

Мы свернули еще раз, но и тут лавина топчущих, орущих горожан ударила нас и поволокла за собой.

— Нам к принцу надо! — крикнул я и даже попробовал свистнуть жаворонком, как делают гезы.

Никто не ответил криком петуха, меня даже больно ударили в бок и выругались.

— К какому принцу, крровь господня! День черной смородины! Нет теперь принцев!

Как мы не растеряли друг друга в этой толкучке, непонятно. Очутились снова где-то у гавани, помятые, разгоряченные. У Эле рукав платья порвали.

— Просто не пускают, и все, — сказал, отдуваясь, Караколь.

— Конечно, — сказал Рыжий Лис. — Зачем мы сдались этому принцу. Говорил вам, нечего к нему рваться...

Я закричал:

— Но сержант сказал, что лейденцев принимают в любое время!

— Всем нечего там делать, — сказал Караколь. — Пойдем я и Кеес.

— Вот и хорошо, — обрадовался Рыжий Лис. — А мы туточки подождем. Только быстрее возвращайтесь.

И мы пошли. Теперь уже не серединой улицы, а осторож-

но, все рядом с забором да стенкой домов. Совсем потемнело, но жара не спадала.

Чувствовал я себя беспокойно. Не так представлял себе Роттердам. После того как нас обмяли в толпе пьяных горожан и чуть не волоком оттащили от дома принца, мне стало казаться, что это неспроста. Вспоминал даже лицо Железного Зуба. Уж не его ли я видел в одной кучке?..

Караколь знал Роттердам. Окольным путем мы пошли к дому Молчаливого. Улиц еще не перекрыли ночными цепями. Может, и не перекроют, потому что какой-никакой, а праздник. День черной смородины. Но фонарей горело очень мало, и я раза два больно споткнулся. А один раз испугался, потому что какое-то чудище надвинулось из темноты. Но Караколь успокоил: это сгоревший дом с разобранной крышей. Их в Роттердаме осталось немало с тех пор, как большой пожар выжег треть города. А мне почудился скелет мертвеца с черными ребрами.

На этот раз обошлось без встреч. Вдали кто-то кричал и пел, слышался перестук кломпендаса, башмачного пляса, по мостовой. Пробегали какие-то люди, некоторые снова кричали: «Хоссен! Хоссен! Хи-ха, черная смородина!» Но мы сразу прятались за угол дома, куст или дерево. Ночных дозоров уже не встречали.

А вот и дом Молчаливого. Перед ним желтое пятно света от единственного масляного фонаря. Мы подошли и постучали в дверь. Никто не ответил. А в темноте, на противоположной стороне улицы, что-то зашевелилось.

Караколь стукнул погромче, и дверь открылась сама собой. Мы вошли в переднюю. Тут перед большой, ведущей наверх лестницей горела свеча. Мы стали ждать, но никто не появлялся.

— Господин Флорент Нейнхем! — громко сказал Караколь.

Никто не ответил.

— Господин Флорент Нейнхем! — снова повторил Караколь. — Из Лейдена письмо его светлости принцу Оранскому!

Нет никакого ответа! Караколь пожал плечами.

— Может, где-нибудь дальше этот Нейнхем? — спросил я.

— Посмотрим, — сказал Караколь.

Мы осторожно пошли вверх по лестнице.

— Господин Флорент Нейнхем! — все время говорил Караколь, но в ответ не раздавалось ни звука.

Большой коридор с ковром посередине освещала всего одна свеча. Мы постояли, снова пошли.

Прямо перед нами скрипнула тяжелая дубовая дверь с бронзовой ручкой. Приоткрылась щелка, и по коридору наискосок легла полоска света поярче.

— Господин Флорент Нейнхем! — снова тихо сказал Караколь.

— Наверное, он там, — прошептал я.

Мы стояли еще перед дверью, потом приоткрыли ее и вошли.

Прямо у входа в тяжелом подсвечнике длинным красноватым пламенем полыхала большая свеча. Две другие уже догорели. На нас пахло спертым, сладковатым запахом. В глубине комнаты на широкой кровати полулежал человек, рядом стояли сапоги с широкими раструбами. Человек тяжело дышал. Мы остановились. Человек повернул к нам лицо и спросил еле слышно:

— Кто... — Рука его стала шарить под меховым одеялом и вытащила оттуда рукоять пистолета.

— Нам господина Флорента Нейнхема, — сказал Караколь.

— Кто? — снова спросил человек, словно не слышал.

— Мы из осажденного Лейдена, — сказал Караколь и попятился к двери. — У нас письмо к его светлости принцу Оранскому...

Человек откинулся на подушки. Свеча метнула в его сторону красноватый блик. На лбу человека блеснули капли пота.

— Я принц, — глухо сказал он.

ДЫХАНИЕ «ИСПАНСКОЙ НОЧИ»

Вот как довелось встретиться с Молчаливым! В доме ни души, кругом, пьяные горожане, а среди них, может быть, Железный Зуб! И принц Оранский, по прозвищу Молчаливый, тот самый, который поднял нас на борьбу с испанцами, лежит здесь больной, с пистолетом в руке, но даже курок взвести у него нет сил.

Очень мы подивились. Даже испугались. Но все это задним числом. А пока во все глаза смотрели на принца.

— Из Лейдена? — сказал он, тяжело дыша. — Давайте, Письмо давайте...

Оно у меня наготове. Из трубочки свинцовой я достал его еще в коридоре. Я подошел и отдал принцу письмо.

— Свечу, — сказал принц. — Нет, не ту. Новую зажгите. Там в ящике...

На столике рядом с подсвечником красивый ларец, в нем толстые белые свечи с золотым ободком. Караколь зажег вторую свечу от первой и укрепил в подсвечнике рядом с кроватью. Принц развернул узкий пергамент.

Теперь я мог разглядеть Молчаливого. Бледное, исхудавшее лицо, черная борода. Под глазами глубокие тени. Высокий лоб, влажный от пота. Веки полуприкрыты. И непонятно было, читает принц или дремлет.

Внезапно я поглядел на свечу. Толстая белая свеча с золотым ободком. Странное у нее пламя, с переливом от розо-

вого к багровому. Я сразу вспомнил картинку, отец Антонио рассматривает точно такую свечу и говорит: «Хорошая свеча для тех, кто не спит. Отправляйте».

Я зашептал на ухо Караколю. Тот слушал меня, слушал, потом потянул носом, повертел головой и говорит принцу, не очень-то стесняясь:

— Ваша светлость, позвольте открыть окно. В комнате очень душно, нужно проветрить.

В эту минуту глаза у принца совсем закрылись. Он выронил письмо и пробормотал:

— От... откройте окно. Да, окно...

С улицы хлынул свежий воздух, солоноватый запах канала. Сразу стало легче дышать, а то и у меня голова загудела. Одна свеча трепыхнулась и погасла. Караколь схватил ее и стал обнюхивать, как Пьер аппетитную кость.

— Ей-богу, запах жженого мышьяка, — бормотал Караколь. — Ваша светлость, откуда у вас эти свечи?

— Свечи? Не помню.

— Ваша светлость! Эти свечи горят нездоровым пламенем, и запах у них, как от жженого мышьяка. Кроме того, эти свечи видели у нехороших людей...

— Каких людей?

— Иезуитов! — сказал я. И тут же скороговоркой рассказал про отца Антонио.

— В канал, — сказал принц.

Мы не поняли.

— Свечи в канал, — повторил принц. — Весь ящик. Возьмите другие. Там есть. Простые свечи...

Через полчаса Молчаливому стало получше. Воздух с улицы выветрил сладковатый запах. Теперь Молчаливый сидел на кровати и разглядывал нас.

Караколь хлопотал вокруг принца, и казалось, всю жизнь этим занимался.

— Что же это, ваша светлость, — тараторил он, — куда все слуги подевались? Никого в доме, просто беда. Вы прихворнули, а они из дому. Как же так?

— Лихорадка меня бьет, — сказал принц. — Пятый день. А люди, должно быть, где-то здесь. Или вышли. Кажется, я кого-то посылал. Только зачем? Не помню...

— А свечи который день у вас горят?

— Свечи? Пожалуй, второй... И вправду воздух все время тяжелый. Прикажу разобраться со свечами... Так что в Лейдене? Ах да, письмо...

Принц поднял пергамент, принялся читать, но, как видно, с трудом.

Потом сказал:

— Здесь шифр, шифром написано...

Он пытливо посмотрел на меня, потом на Караколя.

— Подойдите ближе.

Мы подошли. Принц поднял свечу. На мгновение я встретился со взглядом его черных, лихорадочно блестящих глаз. Так же пристально он посмотрел на Караколя.

— Грамоту знаете? Тогда один из вас займется расшифровкой. Вот список букв, которыми следует заменять цифры.

Караколь уселся за работу, а принц сунул ноги в сапоги и медленно подошел к окну. Он постоял там, а потом подозвал меня и много спрашивал. Как меня зовут, сколько мне лет и кто мои родители. Как я отношусь к испанцам, почему взялся нести письмо, сколько дней был в дороге, что видел, кого встречал.

Он сказал, что про заговор на его жизнь хорошо знает — были уже попытки, — но давно на это махнул рукой: не уследишь, и на все божья воля.

— Мне даже стихи присылали с угрозой, — сказал принц, — один ретивый монах сочинил. Была там строчка, что тело мое и душа рассыплется в прах под дыханием испанской ночи.

«Испанская ночь»! Сразу я вспомнил, что говорил мне Лис. «Испанская ночь» — это заговор против Молчаливого. Как видно, на то и намекал нахальный монах. И я уже сам убедился, что дело это совсем не шуточное.

Караколь кончил писать, и принц взял письмо. Всего он не прочел, сказал, что в глазах разбегаются круги. Попросил читать Караколя.

Караколь начал:

— «...Сообщаю вашей светлости еще одну неприятную сторону дела, которая заставила меня посылать письмо не почтовым голубем, а гонцом, что не так быстро, но, пожалуйста, вернес.

Суть в том, что кое-кто из городских советников старается побудить к неповиновению голодное население города. Эти люди действуют с помощью пустых обещаний, заимствованных из капитуляционных посланий неприятеля. Больше того...»

Здесь Караколь посмотрел на принца.

— Продолжайте, — сказал принц.

— «...Больше того, эти советники, как мне стало известно,

затягивали прямые переговоры о сдаче города. С испанской стороны действует офицер в чине капитана. Имена лейденских изменников я пока не сообщаю, но жду от вашей светлости совета, как поступить. И прошу вас посылать сообщение не голубем, а так же, как и я, скороходом, ибо голубиная почта почти целиком контролируется людьми, не заслуживающими доверия. Кроме того, прошу адресовать инструкции не мне лично, а бургомистру Бронкхорсту. Верность губернатора присяге и вашей светлости хорошо известна, со мной же у бургомистра налажена ежедневная связь».

Тут принц прервал Караколя и сказал, что дальше не надо, остальное он прочел сам. Теперь уже принц стал расспрашивать Караколя. Про Лейден, про настроение горожан, про буров из окрестных деревень. Спрашивал, долго ли продержится город.

— Вы рисковали жизнью, — сказал принц, — в Голландии этого не забывают. Я думаю, нет смысла возвращаться в Лейден. Распоряжусь подыскать вам жилье в Роттердаме...

— А письмо? — чуть не крикнул я и покраснел оттого, что оборвал принца. — Ответ бургомистру то есть... в общем, которое не голубем... Честное слово, я донесу...

Принц посмотрел на Караколя.

— Я ведь еще не написал ответа. Там поглядим. Впрочем, нет... Письмо поручим другим. А вам найдется дело посерьезней. Вы знаете, какое важное решение принято здесь в Роттердаме несколько дней назад? Возможно, вы догадаетесь, если я напому старую голландскую поговорку: «Лучше потопить землю, чем потерять землю!»

Еще бы не догадаться! Да какой голландец не догадается, если он всю жизнь только и делает, что отвоевывал землю у воды! А уж пустить эту воду обратно ему ничего не стоит, сломай только пару дамб! Да, ну и дела! Неужели будем рушить плотины, чтобы хлынуло море на землю, дошло до самого Лейдена и прогнало испанцев?

Пока я с открытым ртом обдумывал эту новость, принц заговорил снова:

— Мы приняли решение прорыть плотины по Исселю и Маасу в шестнадцати местах. Море пойдет в сторону Дельфта до самого Лейдена. Сейчас у нас нет другого пути спасти город. Мы снарядим суда, поставим на них пушки, посадим храбрецов гезов и атакуем испанцев с моря! Целый отряд Zealandских моряков идет сейчас на подмогу. Мы освободим Лейден!

— Вот это да! — выдохнул я.

— Но трудное это дело, — сказал Молчаливый, — затопить страну. Пойдут под воду поля, коровники, дома, целые деревни. Жителям надо уходить. Не всякий поймет. Уже рассылаем гонцов в разные стороны. Они предупреждают крестьян, объясняют, что иначе нельзя. Возьметесь и вы за такое дело?

— Да, — сказали мы с Караколем.

— Дождетесь Флорента, моего помощника, или секретаря Брунинка, они подробней объяснят поручение и составят паспорта. Они же позаботятся о вашем ночлеге.

Тут мы сказали принцу про Эле и Рыжего Лиса. Попросили разрешения сбегать за ними и привести сюда. Принц согласился. Он подошел к окну; в это время пахнуло прохладой, и целая горсть крупных капель влетела в комнату. Пошел дождь.

— Возьмите мой плащ, — сказал Молчаливый. Он кинул нам темно-зеленую плотную накидку с меховой оторочкой по краю. — Этот плащ хорошо держит воду. Я беру его на охоту.

Мы стали отказываться, но принц нас вроде бы и не слушал, он смотрел в окно.

Короче, мы выскользнули из комнаты, и, довольные, покатили по коридору. Караколь завернулся в зеленый плащ, скрестил руки на груди, закатил глаза и сказал:

— Похож я на принца?

А меня тут какой-то червячок стал заедать. Вспомнил я, как принц Караколю подмигивал, как долго с ним разговаривал, а меня все поглаживал, как маленького. Уж не приняли ли он Караколя за главного? Не посчитал ли меня за простого хвастунишку, который, может, и в Лейдене-то никогда не был? Это меня, Адмирала Тюльпанов! Который принес письмо, пять раз еле уцелел и всякое такое!

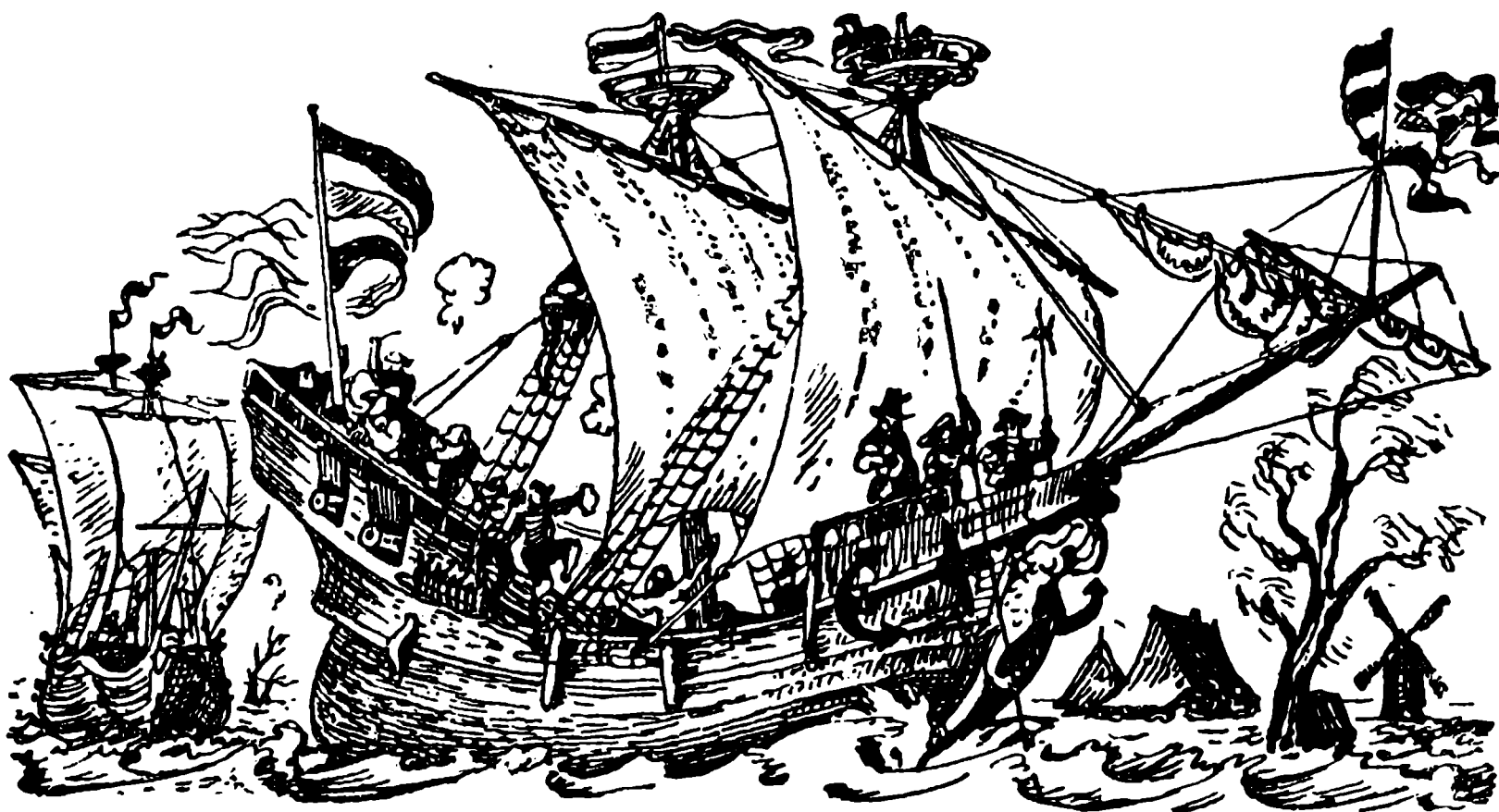
Кровь бросилась мне в лицо. Запрыгали чертики в голове. А в этот момент мы уже хлопнули дверью и вышли на улицу. И вот когда я уже собирался сказать Караколю что-нибудь похлеще, отчего бы тот подпрыгнул на месте и сразу отдал мне зеленый плащ, в этот самый миг я получил такой удар по затылку, что носом полетел в землю.

Но, даже падая, успел заметить, как чья-то рука по самую рукоятку всадила нож в спину Караколя. В зеленый плащ принца Оранского.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
НА РАССВЕТЕ

ГОРЬ КАРАКОЛЯ

Да, я это видел сам. По самую рукоять вошел туда нож. В горб Караколя, прикрытый зеленым плащом Молчаливого. А я, как уже говорил, получил удар по голове и упал на землю.

Может, с перепугу, а может, от сильного подзатыльника, — наверное, от того и другого, — в голове помутилось. Очнулся я, когда меня поднимали. И кто же меня поднимал?

Не удивляйтесь, потому что я сам тогда удивился. Караколь меня поднимал, ощупывал голову, спрашивал, все ли в порядке.

А у самого из спины торчит рукоятка кинжала. Дальше такое: я медленно прихожу в себя и удивляюсь все больше. А Караколь закидывает руку за спину, спокойно вытаскивает из себя кинжал и начинает рассматривать.

— Хороший кинжал, — говорит Караколь, — только не по мою душу... А где же хозяева? Хозяева убежали.

Я продолжаю хлопать глазами, а Караколь говорит:

— Чего ты, Кеес, уставился? Забыл, что мы с тобой циркачи? Разве можно меня проткнуть кинжалом? Сам Голиаф этого не сумел, куда уж остальным.

Дальше было всякое. Появилось сразу много народу. И тот Флорент Нейнхем, которого мы искали, и городская стража. Сначала нас схватили, потом разобрались, отпустили. Рассматривали кинжал. Флорент Нейнхем выглядел обеспокоенным и сокрушался, что стоит отойти по делам от принца, как челядь разбегается, боится вроде бы, что у принца чума и можно заразиться.

Только нам было все непонятно. Как же так? Темной ночью принц остается в доме один. Двери распахнуты, кругом бродят убийцы, и уму непостижимо, почему они не наведались к Молчаливому так же, как прошли в комнату мы.

Флорент Нейнхем спрашивал Караколя, не ранен ли он. А Караколь отвечал, что ранить его не просто, и подмигивал мне.

Потом мы нашли Эле и Рыжего Лиса, а ночевали во флигеле рядом с домом Молчаливого. Утром мы пошли к секретарю Молчаливого Брунинку. Тот уже знал про нас и обещал через день написать паспорта, чтобы в деревнях знали, откуда мы идем и чей приказ выполняем.

Конечно, вы понимаете, что вчерашний удар кинжалом предназначался не Караколю. Наверное, все спутал зеленый плащ Молчаливого. И думаю, убийца был не из толковых, потому что принять горбуна за высокого, статного принца можно только по глупости. Мы с Караколем думаем, что все-таки дом опустел не случайно. Уж как-то, но это подстроили. И убийце, наверное, приказали войти внутрь и там пустить в ход кинжал. Быть может, он так бы и сделал. Но тут принц, а на самом-то деле Караколь, сам вышел к убийце навстречу. Похоже, что так было дело. А может, не так, тогда пусть расскажут.

И со свечами темная история. Я потом так и не слышал ничего про эти свечи. Может, забыл о них принц, а может, ни одной не осталось, ведь Караколь выбросил их в канал. Во всяком случае, охраной Молчаливого не очень-то занимались. Так мне казалось. И потом на него много раз покушались, стреляли, бросались с ножами, а кончилось это совсем плохо. Но об этом я скажу дальше.

Насчет ножа Караколь подшучивал. Он говорил:

— У меня тело такое. Нож проходит, ничего не задевает.

И в доказательство здоровенной костяной иглой протыкал себе щеку. А крови не было. Я очень боялся, что Караколя обвинят в колдовстве. Ведь дьявольской плотью считалось

то место, откуда не течет кровь. И таких мест у Караколя теперь было целых два — щека и горб.

Но все оказалось гораздо проще. Может, и кто из вас подумал на Караколя? Допустим, вы начитались книг против черной магии. А главная среди них «Молот ведьм». Видал я людей, которые знают наизусть эту книгу и в каждой царапине или родинке готовы увидеть «печать дьявола», а потому тыкать в нее иголкой, чтобы узнать, идет кровь или нет.

Если вы из таких, то бросьте это дурацкое занятие. Уж с Караколем, во всяком случае, вам бы не повезло. Сейчас я скажу, из какой дьявольской плоти были сделаны его щеки и горб. И вы перестанете искать вокруг себя злых ведьм и хитрых дьяволов.

Так вот. Я все приставал к Караколю и просил показать то место, куда воткнули кинжал. По крайней мере, ранка-то там осталась? Но вот мы улеглись спать во флигеле рядом с домом Молчаливого. Лис и Эле сразу уснули, а Караколь поманил меня пальцем и шепотом попросил отвернуться. Потом сказал, что можно смотреть. Я посмотрел и сначала не разобрал, в чем дело, а потом захлопал глазами. Караколь сидел передо мной в рубашке, но какой-то не такой... Потом только я увидел, что у него нет горба!

Прямо-таки сногшибательное зрелище! Никакого горба, ни даже горбика! Потом Караколь снова попросил меня отвернуться, а через минуту опять был с горбом. Оказалось, что это не чудеса и не фокусы.

— Ты, Кеес, видно, забыл, что я рассказывал про масленичную неделю у нас в Бинше, — сказал Караколь, — как многие наряжаются горбунами в честь Караколя, победившего Голиафа.

Гром и молния! Тысяча дамб всмятку! Караколь вовсе не был горбатым! Он был ненастоящим горбуном! А я до сих пор этого не заметил...

Помните рассказ Эглантины, как она встретила Караколя? Так вот в этот день, как и многие жители Бинша, Караколь приладил себе горбик и веселился на карнавале.

— Конечно, ты, Кеес, понимаешь, что звали меня вовсе не так.

— А как же? '

— Бом-билибом! — Караколь махнул рукой. — Какая теперь разница! Важно, что Эглантина назвала меня тогда Караколем, а я полюбил ее с первого взгляда не меньше, чем тот Караколь принцессу. С тех пор я уже не снимал горба.

— Чудак! Вот чудачина! — закричал я. — Да зачем тебе этот горб?

— А кто я без горба? — сказал Караколь. — Сын подмастерья из города Бинша? И кто я без горба для Эглантины? Неужто достойный кавалер? Да меня бы и близко не подпустили к дому Бейсов, не будь я безобидный веселый горбун! Не будь я большая живая игрушка из старой легенды о метельщике и принцессе... Да я, брат, потому и странствую по свету, потому и живу беззаботно, что у меня горб, хоть и ненастоящий. Я развлекаю людей, а они смеются. Да и Эглантина привязалась ко мне потому, что любит сказки. А окажись я перед ней обыкновенным человеком, наверное, сразу бы наскучил. Ростом я к тому же не вышел...

— Больно ты унижаешься перед этой Эглантиной, — пробормотал я, — не стал бы я надевать никакого горба, унижаться...

— Да ты погоди, Кеес, погоди. Не сразу ведь это вышло. Я тоже много раз собирался снять эту штуку. А потом смотрю — зачем? Столько на нашей земле искалеченных и несчастных, что ходить среди них здоровым и невредимым даже как-то стыдно. Вот я и подумал, останусь горбуном. Пусть больные и увечные принимают меня за своего, а здоровые радуются, что нет у них такого горба. Буду бродить по земле, хлеб себе зарабатывать, людей веселить. Ты же сам видишь, Кеес, как горб мне помогает.

— Чем еще помогает? — проворчал я.

— Да хоть бы сегодня. Не будь этого горба, совсем конец. Видел, какой кинжалище?

Караколь дал посмотреть свой ненастоящий горб. Итак, скажу вам, хитрая штука. Не просто клок войлока, а вещь, ловко сделанная. С лямками, которые надеваются на плечи, с каркасом из костяных пластинок. Внутрь кожного чехла — тонкой кожи чехол — вставляются бычьи пузыри. Пузыри надуваются воздухом, а между ними и чехлом прокладка из мягкой свалянной шерсти. Потрогать этот горб — ну просто настоящее человеческое тело!

— Сам делал! — похвалился Караколь. — Я даже с ним спать привык. А кинжал прошел сюда, смотри, меж двух пузырей, но его задержали костяные пластинки.

После этого Караколь снова нацепил горб и спокойно улегся спать, а я долго раздумывал. Никак все-таки в толк не мог взять, для чего же делать себя горбатым? Никакая страшная любовь не заставила бы меня решиться на это. С дру-

гой стороны, Караколь без горба нравился мне меньше. Ей-богу, намного меньше! Вот чудеса в решетке! Во всяком случае, наутро я не стал приставать к нему с горбом, а только приглядывался искоса. А потом и вовсе решил: пусть носит... на здоровье, если нравится...

И уж конечно, не станете вы допекать меня разговорами о том, как Караколь иголкой протыкал себе щеку. Не смейтесь над бедным Кеесом... Я ведь тогда не знал, что это совсем простой фокус, что иголка уходит не в щеку, а в другую сторону, прячась между пальцами. Правда, Караколь уверял, что щеку можно проткнуть по-настоящему, а крови и тогда не будет, только больно. Ну, это я обязательно попробую.

ВСЯ ГОЛЛАНДИЯ

На следующий день в Роттердаме только и было разговору, что о решении прорыть дамбы и пустить воду до самого Лейдена.

У городской ратуши и на Гогестраат, самой большой улице, толпами собирались люди. Они размахивали руками, кричали. Некоторые клялись, что в такое жаркое время вода не пойдет далеко, нужен сильный зюйд-вест и дожди. Другие возражали, они говорили, что в давние времена такое бывало, и море всегда помогало голландцам. Третьи сокрушались и подсчитывали предстоящие убытки. Особенно те, которые держали коров в окрестных деревнях. Теперь ведь и скот надо спасать от воды.

Я, Эле и Лис пару часов слонялись по городу и слушали охрипших от крика горожан. Потом на лестницу ратуши вышел глашатай и закричал:

— Почтенные жители Роттердама! Голландцы и прочие жители Нидерландов! Досточтимые гости! Магистрат города объявляет сбор пожертвований в пользу славных защитников Лейдена! С Лейденом вся Голландия! Морские гезы во главе с адмиралом Буазо идут на помощь! Мы приготовим суда, способные пройти по затопленным польдерам! Мы приготовим пушки и оружие. Но все это стоит денег. Почтенные граждане, если падет Лейден, не выстоит и Роттердам! Вся Голландия окажется в руках папистов! Смерть папистам!

— Смерть! — закричала толпа.

— Славные женщины! — кричал глашатай. — Матери наших сыновей! Начните достойное дело! Раствормошите лени-

вых мужей, ведь нужно собрать целых сто тысяч гульденов!
— Сто тысяч! — охнула толпа.

Тут вышла хорошо одетая девушка, сняла с шеи красивое ожерелье, наверно, из жемчуга, и бросила на ступени ратуши.

— Эй! — крикнула она. — Ян Лукас, который собирается взять меня в жены! Выворачивай карманы, коль не раздумал!

Люди немного расступились и вытолкнули длинного худого парня с большим кривым носом. Видно, это и был Ян Лукас.

— А ну, Ян Лукас! — крикнула девушка. — Неужто уступишь своей невесте? — Она стащила с пальца кольцо и бросила рядом с ожерельем.

— А что? — бормотал парень и пугливо озирался. — Нет у меня ничего...

— Ха-ха! — закричала девушка. — И ты собрался взять меня в жены? Он собирался взять меня в жены! Я ведь знала тебя, Ян Лукас! Смотри! — Она бросила на ступени браслет, а потом и обруч с украшением, которые носят незамужние девушки. — Смотри, Ян Лукас! Твоя Роза отдает все золото! Видишь, какая небережливая, возьмешь ли такую в жены? Женщины! Видно, не впервой выручать нам мужчин, чего стоите?

Тут еще несколько женщин вышли со смехом и бросили на ступени кольца, браслеты и ожерелья. Мужчины тоже смеялись и бросали монеты. Так собирали деньги на корабли и пушки, чтобы спасти Лейден.

Мы договорились вот как: Эле и Лис вместе с Пьером отправятся в гавань искать судно «Рыба», на котором пришел из дальних земель Грот, а мы с Караколем пойдем к секретарю Молчаливого Брунинку. Мы видели его утром, но тогда он был сильно занят и велел прийти после обеда.

Так мы и сделали. Но Брунинк был занят опять. Он сказал:

— Вы знаете, какой сегодня день? Даже принц встал с постели и вместе с Бейсом поехал вдоль по Маасу. Сегодня начинаем рушить плотины в шестнадцати местах, бог нам поможет. А я с подзорной трубой и картой заберусь на колокольню Большого Собора, чтобы сделать инженерный чертеж.

Порывшись в наваленных картах и чертежных инструментах, Брунинк сказал:

— Помогите донести. Заодно увидите, что такое колокольня Большого Собора. В ней двести футов.

Через полчаса мы уже карабкались по деревянной лестнице колокольни Грооте Керк — Большого Собора.

— Осторожней... — говорил Бруник. — Лестница очень плоха, шею недолго свернуть.

И вот мы выбрались на площадку. Я подошел к балюстраде, глянул вниз, и дух у меня захватило!

Тут еще влажный ветерок дунул с моря; казалось, вся колокольня качнулась. Я схватился за перила, зажмурил глаза, чтоб голова не кружилась. А когда открыл, вокруг раскинулась такая картина, какую я раньше и представить не мог.

Передо мной лежала вся Голландия, по крайней мере так показалось. Небо теперь было не только вверху, но и подо мной, там, у черты горизонта. Над головой оно густо голубе-

ло, а под ногами светилось бледно-розовой прозрачной полосой.

Налево открылось море. Оно нестерпимо блестело под солнцем, а дальше в мягкой дымке проглядывали острова. Отсюда, сверху, Голландия казалась ярко-зеленой, аккуратно размеченной страной. Квадраты и полосы садов, огородов уходили вдаль вместе с большими прямоугольниками лугов. Кое-где прямые линии прерывались, там вклинивались углы невозделанных земель — маршей. Крестики мельниц торчали повсюду, там и здесь, темно-зеленые рощи подступали к ярко-оранжевой и красной черепице деревень, сверкали шпили соборов...

— Вот там на горизонте Дельфт, — сказал Брунинк.

И вправду виднелись синеватые острые очертания, какой-то неясный блеск, колыхание.

— А в ту сторону Дордрехт. Зимой в ясный день можно и Лейден увидеть в хорошую подзорную трубу. И Лейден, и Гаагу.

Брунинк нацелил трубу в сторону Мааса.

— Так... — пробормотал он. — Работают.

Смотрели в трубу и мы. Ох и чудная штука, скажу я вам! Просто волшебная. Смотришь без нее и почти ничего не видишь, только зелень полей и блестящую ленту реки. А потом прикладываешь к глазам эту трубку и сразу различаешь не то что людей, а даже мелочь всякую, например, собаку.

Пока Брунинк что-то отмечал на карте, мы с Караколем всё хорошо разглядели. В нескольких местах вдоль Мааса и Исселя шло разрушение плотин. Люди работали лопатами, кирками, ломами. Задача у них не из легких. Плотины строятся крепко. В дело идут большие камни, сваи, обитые железом, известь, щебенка. Попробуйте продолбить громадину вышиной с два дома и шириной шагов в пятьдесят. Это еще что! Бывают плотины по сто шагов в поперечнике!

Но ломать — не строить. В некоторых местах уже намечались провалы. А вода, казалось, так и ждет, чтобы ей дали волю. Ведь поля и луга за дамбами лежат ниже ее зеркала.

В одном месте, около небольшой деревеньки, я разглядел кавалькаду всадников. Брунинк тоже посмотрел и сказал:

— Это Молчаливый. Целый день на ногах, да еще после болезни...

Брунинк долго еще смотрел в подзорную трубу. Потом он делал отметки на карте и объяснял:

— Откроем шлюзы в Схидаме и в самом городе. Если все

будет хорошо, вода быстро пойдет вперед. Гезы на судах двинутся к Лейдену. Но на пути еще несколько дамб. Они расположены кругами. Испанцы, конечно, поставят на них заслоны. Задача — сбрасывать их, ломать проходы в плотинах и так до самого Лейдена. Половину сделает море, половину наше оружие.

Мне не хотелось уходить с колокольни Грооте Керк. Конечно, я всегда хотел быть моряком. Не раз я стоял на носу судна и смотрел вдаль с замирающим сердцем. А теперь, не побоюсь вам сказать, что мысль, почти сумасшедшая, мелькнула у меня в голове. Почему бы вот так не стоять на носу корабля, но уже воздушного, чтобы сердце замирало еще больше и голова кружилась, а вся Голландия — нет, весь мир проплывал под тобой, только ветер в лицо!..

Неужели не будет никогда капитанов синего неба?

В ПУТИ

За два дня в роттердамской гавани прибавилось много судов. Их тащили на буксире аж из Флиссингена, что в Зеландии, или из мест поближе. Все это были плоскодонные барки, дощаники, лодки. На них зelandские гезы пойдут на испанцев.

В некоторых местах дамбы почти прорыли, но для воды этого недостаточно, к тому же пока закрыты шлюзы. А нам нужно поскорей выходить из Роттердама. Бруник уже написал для нас бумагу и поставил личную печать Молчаливого. В этой бумаге говорилось, что принц Оранский просит жителей деревень Схиланда приготовиться к наводнению. В конце стояли слова, известные каждому голландцу: «Лучше потопить землю, чем потерять землю!»

И вот я решил созвать тюльпанов, поразмыслить, как и что. Не могу вам сказать, что с нашим военным братством все обстояло хорошо. Во-первых, Лис до сих пор не вступал в тюльпаны и считал себя Стрекозиным Маршалом. Во-вторых, не было никаких военных учений, перекличек и всякого такого, что принято среди военных. Не все называли меня адмиралом, только Лис. А тот, как я уже говорил, в тюльпаны не записался.

Стало быть, почти ничего военного в нашем братстве и не было. Это меня огорчало, а просто друзьями мне быть не хотелось.

Так вот я позвал тюльпанов, Лиса, конечно. Мы долго гомонили, в конце концов решили так. Я с Караколем отправлюсь по деревням. Лис, Эле и Пьер останутся в Роттердаме и разыщут Грота. Очень мы надеялись, что этот Грот займется Слимброком. Кстати, поясню, что Грот — не имя, как я сначала понял, а прозвище. Так называют очень длинного человека.

В конце нашего сбора я сказал, что, может, пора распустить тюльпанов? Может, пришло время снять меня с должности адмирала, раз некоторые об этом совсем позабыли? Но все закричали, что несогласны. А Лис произнес пламенную речь, в которой сказал, что и сам мечтает быть тюльпаном, а после защиты жуков-короедов в суде немецкого городка, может, расстанется с должностью Стрекозино Маршала и тогда прямо к нам.

В общем, немного меня успокоили.

На следующее утро мы с Караколем вышли из Роттердама. План был такой: пойдем прямо на Лейден до деревни Зутервуде. Будем заходить на каждую ферму, что по дороге. На этом отрезке испанцев, как нам сказали, немного. Только в крупных поселках. А вот после Зутервуде стоят уже крупные части, туда не советовали соваться.

На весь этот путь, учитывая зигзаги по деревням, думали затратить денька три.

Примерно в такой срок и ждал нас назад Бруник. Прощаясь, он между прочим сказал:

— Хорошо бы, вы все рассмотрели по дороге. Где сколько испанцев, какие части. Не упускайте ни одной мелочи, пушки считайте, даже мушкеты.

И вот мы в дороге. Жара невыносимая! Караколь через каждые сто шагов плещет на себя водой из канавы. Он говорит:

— Как думаешь, Кеес, зачем нас послали?

— Как, — говорю, — зачем? Ясно зачем, в бумаге написано.

— Ну, а кроме бумаги?

— А кроме бумаги, считать испанские пушки.

— Так вот, за этим нас и послали.

— Не только за этим. Главное — предупредить буров о наводнении. Мне сам Молчаливый сказал.

— Послушай, — сказал Караколь, — сколько дней прошло, как начали разрушать дамбы?

— Три дня.

— А когда кончился Кермис, на который съезжаются люди со всего Схиланда?

— Два дня назад.

— Так неужели ты думаешь, что жители всех деревень, включая и Зутервуде, где мы поворачиваем назад, уже не знают о наводнении? Ведь многие из них были в Роттердаме на Кермисе и видели, как делают проходы в плотинах.

Я остановился как вкопанный. Такая мысль в голову не приходила. В самом деле! Тогда зачем же нас послали, да еще дали бумагу с печатью?

— Эх, адмирал! — говорит Караколь. — Не научился ты еще разбираться в некоторых делах. Бумага только видимость. Ведь мы идем в места, занятые испанцами. Представь себе, нас схватят. А тут бумага: оказывается, мы всего-навсего благородно предупреждаем жителей о наводнении. Заметь, Кеес, не только жителей, но и самих испанцев. Возможно, Молчаливый надеется, что при угрозе испанцы без боя оставят позиции. Так сказать, нагоняет страха. Но главное, как я уже говорил, — это пушки. Пушки, испанские гарнизоны. Гезам нужно точно знать, где и что их ожидает...

— Так почему же нам просто не сказали?

На это Караколь внушительно ответил:

— Мы, Кеес, с тобой еще не такие важные птицы, чтобы принц с нами просто разговаривал. Он, может, таких, как мы, по сто человек в день принимает и всем дает поручения. Есть у него время рассказывать тонкости!

До полудня мы побывали в нескольких деревнях. Теперь я уже не надеялся, что крестьяне будут нас благодарить за весть о наводнении. Как и предсказывал Караколь, они всё уже знали, а нас встречали по-разному. Одни косились подозрительно, другие поили молоком и предлагали сыра.

Испанцев мы видели пока два раза. Маленькие посты по несколько человек. Но у Ландсхейденской дамбы стоял целый лагерь, здесь я увидел легкую пушку и два фальконета. Посчитать солдат не удалось: лагерь расположился в стороне от деревни. Не могли же мы с Караколем просто подойти к палаткам и пересчитывать мушкеты в козлах!

Довольно далеко отошли от дамбы, как вдруг увидели, что навстречу движется какой-то отряд. Доносились обрывки песни, заунывной такой, с надрывом.

Поближе сошлись, и я различил слова припева:

Огой-хохой, ого-га-га,
ну что за жизнь, дери-нога!

Ей богу, чудная песня! Впереди нестройной колонны колышется грязно-белый флаг. Высокий голос затягивает на ломаном голландском:

Они нас радостно встречали,
почет и деньги обещали,
мы воевали вместе с ними,
а возвращаемся пустыми!

И тут все подхватывают вразброд:

Эх, нет ни денег, ни почета,
а искалеченных без счета!
Огой-хохой, ого-га-га,
ну что за жизнь, дери-нога!

А впереди толстый усатый человек с белым флагом. И сильно я подивился, когда узнал в нем сержанта Готескнехта, а следом его копейщиков, только без копий.

Копья ворохом лежали в повозке, запряженной понурым ослом. Я посмотрел налево, направо, назад, — кругом — ни одного кустика, негде спрятаться, некуда бежать. А отряд подошел совсем близко, и Готескнехт увидел меня.

— О, малшик! — сказал он. — Ты не попалъ нах Маркен? Хитрый малшик! Ну нишего, нишего. Сержант Готескнехт уже не вояк. Пшик! Талер нет, дом Гронау нет. Я бросаль эта война, шерт побирай! Нишего давно не получай, ни один талер. Я не желай воевать этот испански швайн!..

Пока Готескнехт говорил, копейщики разом сошли с дороги и уселись отдыхать. Готескнехт вытер лоб огромным платком и тоже сел на обочине.

— Фуй! Какой жара! Германия не имей такой жара. Я желай ходить нах хаузе, дом, понимай? Пшик! Ни один талер не получай цели год! Этот испанский швайн! Я и майне камраден ходить домой, нах хаузе. Я имей бели фляг, больше не воевай. Дас ист майн летцтер криг, мой последний война!

Ну, вы что-нибудь поняли? Я-то, конечно, разобрался. Сержант Готескнехт и его копейщики числом около ста решили бросить эту войну и податься домой в свою Германию. Наверное, совсем потеряли надежду получить жалованье за последний год. И песню успели сочинить, особенно мне понравился припев:

Огой-хохой, ого-га-га,
ну что за жизнь, дери-нога!

Пока Готескнехт кряхтел и вытирал пыль со лба, с бешеным топотом подлетела целая рота кавалерии и окружила сидящих копейщиков, а стало быть, и нас с Караколем.

— Встать! Изменники! — закричал офицер на гарцующем коне.

А остальные направили на копейщиков пистолеты.

— Што это есть, шерт побирай? — спросил Готескнехт, и жилы на его лбу вздулись.

— Приказ полковника Вальдеса вернуться в лагерь!

— А я не желаю слушать приказ этот испанский вояк! — заявил Готескнехт. — Я ходить нах хаузе, домой!

— Молчать! — закричал офицер и выстрелил из пистолета в воздух.

Копейщики испуганно вскочили.

В общем, что там говорить... Мы неожиданно оказались в плену вместе с копейщиками Готескнехта. Офицер ни за что не хотел нас отпускать.

— Подстрекатели! — кричал он. — Шпионы Оранского! А вы, изменники... выпороть всех!

Как ни упирался Готескнехт, пришлось ему построить копейщиков и в окружении кавалеристов двинуться обратно. Нас повели туда же.

— О! — сокрушался Готескнехт. — Бедный малшик! Германия малшик не воевай. Голланд смешная страна. Я не желаю воевать против голландски малшик!

ФОРТ ЛАММЕН

Конечно, вы понимаете, что с самого Роттердама меня не оставляла мысль побывать в Лейдене. Ведь я не был там чуть ли не месяц! А вести про Лейден слышал неважные. Говорили, что начинается голод, а ведь где голод, там и мор. Мор с голодом под ручку ходят.

Чем дальше мы уходили от Роттердама, тем больше хотелось заглянуть в Лейден. Но от деревни Зутервуде туда все-таки не так близко, да и неизвестно, когда выберешься назад, а нарушать приказ Молчаливого мне не хотелось: Брунник ждал сведения о пушках через три дня.

Но вышло иначе, вы знаете. Вместе с копейщиками Готескнехта нас погнали прямой дорогой на Лейден в лагерь полковника Вальдеса. И вместо того чтобы еще целый день обходить окрестные деревни, считая испанские силы, мы уже к полудню оказались у форта Ламмен, то есть прямо напротив Лейдена, не больше чем в полумиле.

Копейщиков повели дальше берегом Влита на их старое место, а нас оставили у Ламмена, — то ли не знали, что делать, то ли позабыли про нас.

Я разглядывал Лейден. Вот он стоит передо мной, как на картинке. Видна колокольня Питерскерка и шпиль городской ратуши, а правее церковь святого Панкраса. Мельницы торчат там и сям, отсюда виден примерно десяток. На зеленой тарелке лугов, похожий на один большой замок, белый, желтоватый, красный стоит мой Лейден.

Эх, Лейден, Лейден, сто пятьдесят мостов, неужто сожгут тебя испанцы?..

На нас никто не обращал внимания. Приставленный солдат куда-то ушел, а я принялся разгуливать по лагерю. Бежать я куда не собирался. Во-первых, днем не стоило этого делать: попадешься случайно, потом не открестишься. Во-вторых, как я уже сказал, нас пока не трогали. Ну, доложу вам, бестолковщина! Сначала обзывают шпионами, тащат за

шиворот и не отпускают, а потом ни с того ни с сего оставляют в покое!

Просто, я думаю, нам повезло. Наверное, тот кавалерийский офицер, что схватил нас у Ландсхейденской дамбы, в попытках не успел распорядиться, а сам уехал с конвоем.

Так или иначе, но я не мечтал оказаться внутри испанского лагеря, да еще такого крупного. Ходи и запоминай. А память у меня хорошая. Словом, я принялся за подсчеты, а Караколь в это время развлекал солдат фокусами.

Форт Ламмен стоит на пересечении нескольких каналов, и от него прямо по Влиту можно войти в Лейден через Коровьи ворота. Осмотревшись, я решил, что кораблям гезов не миновать Ламмена, а форт это сильный. Я начал считать пушки на бастионах, а потом взялся за солдат.

Войска здесь собраны разные: немцы, валлоны, испанцы. Сильнее всего, пожалуй, немецкие роты. В каждой не меньше трех сотен солдат, и среди них половина мушкетеров. В испанских и валлонских войсках мушкетеров куда меньше, а все больше латники, копейщики и в лучшем случае аркебузиры. Но как вы знаете, аркебуза не устоит против мушкета.

Во-первых, почти у всех аркебуз фитильные замки. Чтобы выстрелить из нее, нужно держать наготове горящий фитиль. С этим, скажу я вам, много хлопот.

Другое дело мушкет. Он потяжелее, конечно, но замки у мушкетов кремневые. Просто нажимаете спусковой крючок, курок высекает искру, и — ба-бах! — вам отдает в плечо, испанец кувырком летит на землю.

Всего у форта Ламмен, по моим подсчетам, не меньше десяти рот, то есть больше двух тысяч солдат. С ними десяток легких пушек. Кавалерии здесь я не видел — наверное, она в Лейдердорпе, где штаб полковника Вальдеса. А здесь командир тоже полковник — Борджиа.

Меня удивило, что многие из солдат, а среди них не было голландцев, неплохо разговаривают по-нашему. Видно, долго скитаются по Нидерландам, занимаясь военным промыслом в войсках короля Филиппа. Вот уж ни за какие коврижки не пошел бы умирать в чужую страну неизвестно за что. Неужели дома нечем заняться?

Так размышлял я и расхаживал по лагерю. Потом наметнул Караколю, что к вечеру предстоит прогулочка в Лейден. Чтобы попасть в город, я рассчитывал вот на что: у Белых ворот, от которых осадные редуты отстоят всего дальше, на

ночь, я знал, выпускают последних коров, чтобы они паслись на сочной луговой траве.

Какой бы ни был в Лейдене голод, этих коров, могу поклясться, не тронут. Они дают молоко малышам. Я знал человека, который, рискуя собой, выходил на ночь с коровами. А у ворот наготове дежурили еще человек сто с оружием. Это на случай, если испанцы нападут на коров ночью. Но о ночных выгонах испанцы, кажется, еще не пронюхали или просто не любили схваток в темноте. Считалось, что это не по правилам. А позже, я слышал, сам Вальдес упрекал лейденцев в неблагородстве. Это он про вылазки ночью.

Стало быть, ночью я подберусь к Белым воротам, окликну своих и вместе с коровами попаду в Лейден. Следующей ночью точно так же выйду, а когда вернемся в Роттердам, минет ровно три дня, как и обещано Брунинку. Гезам я подробно расскажу о Ламмене, а это, может, главное препятствие на их пути.

Теперь, если голова у вас варит, вы спросите: зачем же мы в первый раз выбирались из Лейдена среди бела дня с таким риском, когда можно было ночью выйти из Белых ворот, как я собирался сделать на этот раз?

На это отвечу, что вы большие умники, но еще не совсем. Сообразите, как могли мы рискнуть на поход ночью тогда, ничего не зная об испанских караулах? Ведь это было все равно что ринуться на врага с завязанными глазами!

Другое дело сейчас, когда я достаточно поскитался среди вражеских постов, кое-чему научился, а ночь для меня уже привычное время. Сейчас я ночью сквозь игольное ушко пролезу, не то что между караулами.

Оставался еще вопрос с Караколем. Разделиться нам или идти в Лейден вместе? А вдруг не сумеем выбраться из города, как же тогда сведения о пуш-

ках? Караколь вообще не советовал идти в Лейден, он считал, что это опасно. Но меня уже трудно остановить, просто какой-то зуд начался. Быть рядом с домом и не завернуть! Не повидать Сметсе и Михиелькина с Боолкин!

Но все решилось само собой. Сначала к нам привязался щеголеватый офицер. Он был разодет, как павлин. В красном бархатном камзоле с золотым шитьем и здоровенной шляпе с белыми перьями. Этот щеголь, насвистывая, шел по лагерю и бил себя прутиком по сапогам. А сзади слуга тащил чудное ружье с длиннющим стволом и разукрашенным прикладом.

Офицер вдруг перестал свистеть и уставился на Караколя.

— О-ля-ля! — закричал он истошным голосом. — Бьен! Шарман! Этого я не пробовал... Горбатый человек! Поди сюда, горбатый человек!

Караколь подошел, офицер что-то залопотал ему и стал хлопать по горбу. Караколь слушал и кивал головой.

— О, бьен! — завопил офицер. — Она соглашается! Она молодец! Поль, давай мою «жанетту»!

Офицер, как я понял, был из валлонов, а может, настоящий француз. Он пересыпал речь французскими словечками, которые я знал от Лиса, но упорно называл Караколя «она».

Я и опомниться не успел, как Караколь стоял в пятидесяти шагах, чуть пригнувшись, а на горбе у него красовалась пустая бутылка.

Офицер в это время прилаживал свою длинноствольную «жанетту» на плече слуги Поля и бормотал:

— Бьен! Она соглашается! Храбрый горбун. Лейтенант Шевалье не промахнется. О, горб и бутылка, бьен! Экселент!

Я просто онемел. Неужели он собирается стрелять в эту бутылку? И Караколь согласился? Да ведь... Ба-бах! Раздался выстрел. «Жанетта» на плече Поля подпрыгнула, выбросила упругий клубок дыма, а бутылка на горбе Караколя разлетелась вдребезги!

— Чудовищно! — завопил офицер. — Я лучший в мире стрелок! Чудовищный поразитель мишеней! Бьен!

Он схватил Караколя в объятия, стал тискать и называть лучшим другом.

— Она не побоялась ставить эту бутылку! Она мой друг навсегда! Лейтенант Шевалье не отпустит друга!

Так Караколь стал «лучшим другом» ненормального лейтенанта. Тот затащил его в палатку, начал кормить и поить до отвала, а главное, уговаривал остаться у него в слугах за живую мишень, потому что Поль не соглашается держать у себя на голове ни бутылку, ни, тем более, яблоко, когда лейтенант Шевалье готовится стрелять из «жанетты».

Я тем временем шатался вокруг палатки, слушал сумасшедшего стрелка и думал, как вызволить Караколя. А тут вот что происходит.

Лагерь раскинулся по обе стороны дороги, а дорога проходит недалеко от палатки лейтенанта Шевалье. В то время как я бесцельно стоял у обочины, мягко прокатила карета, но вдруг остановилась, и меня поманила рука. Сначала я не понял, а потом вроде бы слышалось: «Кеес...» — и я подошел.

Дверца распахнулась, и я увидел... Эглантину. Она была то ли растеряна, то ли взволнована, но сразу заговорила:

— Ага, это ты! Ну конечно, в самом неподходящем месте встречаешь Кееса. Но хорошо, что встретила... Кеес... вот что, некому мне передать, а ты ближе всех к Лейдену. Понимаешь, я узнала, неважно от кого, только что узнала... В Лейдене готовят взорвать стену у Коровьих ворот... Ты понял? Я не

знаю когда. Может, завтра. День взрыва испанцам сообщат, и те пойдут на штурм сквозь пролом...

Я похолодел. Вот они, делишки отца Антонио и моего бывшего хозяина Адриана Слимброка!

— Кеес, — поспешно заговорила Эглантина, — надо сообщить в Лейден. Уж ты как-нибудь проберись, может, они завтра взорвут эту стену. У Коровьих ворот. Запомнил?.. А ты-то как здесь оказался?

После слов Эглантины моих подозрений на ее счет как не бывало. Ехала она, конечно, от дона Рутилио, но про своих, как видно, не забывала. Я быстро все рассказал, и даже про Караколя. Вот кабы нам вытянуть его из палатки, то Эглантина могла бы подбросить его до Роттердама с подсчетами оружия форта Ламмен.

— Ну, это я беру на себя, — сказал Эглантина. — Лейтенант Шевалье мне известен. Не то что Караколя, он мне «жанетту» свою отдаст... Хотя нет, ружье не отдаст, он на стрельбе помешался, а стреляет, правда, отменно. Ну, Кеес, мальчишка сумасшедший, пусть бог тебе поможет...

На том мы с Эглантиной и расстались. Она завернула карету к палатке лейтенанта, а я отошел подальше, чтобы ни во что уже не ввязываться, а к сумеркам выбраться из лагеря и во все лопатки к Лейдену, где готовилась измена.

В ЛЕЙДЕНЕ

Что стало с моим Лейденом! Город словно вымер. На улицах почти никого, даже собаки куда-то подевались.

Попал я в Лейден, как и рассчитывал, вместе с пастухом Самсоном. Коров у Самсона осталось всего десяток, да и сам он порядочно ослабел. Самсон рассказал, что в город пришла чума. Ночью вспучилась вода в Рейне, а утром оттуда вылезла синяя, страшная женщина. Это и была чума, Самсон сам видел.

Хлеба и рыбы давно уже не хватает, люди плохо держатся на ногах, и многие начали помирать.

Первым делом я кинулся к Михиелькину. Таким ранним утром, конечно, он спит. Но Михиелькин не спал. И я сначала думал, что обознался. Михиелькин, добрый толстый Михиелькин! Теперь он был тоньше меня. Бледный, с обвислой кожей, Михиелькин сидел у постели сестры, а та просила пить.

Увидел меня Михиелькин, бросился на шею и заплакал. И у меня выступили слезы. Боолкин лежала в жару, не узнавала меня. Она тоже стала совсем худенькая, просто светилась насквозь. Она прижимала к груди голубую куклу и просила пить.

Оказывается, в городе плохо с водой. Из каналов нельзя пить: чума моет в них свое тело. Даже из Рейна небезопасно.

Я сбегал к дальнему колодцу, за ратушей, и принес Боолкин воды. Она выпила и заснула.

— А хлеба ты не принес? — спросил Михиелькин дрожащим голосом. — Мать у нас померла, теперь мы одни.

Я проклинал себя, что не догадался прихватить от испанцев хотя бы голову сыра. Поэтому решил сходить к Сметсе Смее, он-то уж нам поможет.

— А Сметсе давно ушел из города в гезы, — сказал Михиелькин, — говорил, что здесь ничего не высидишь, надо спасать Лейден оттуда.

Оказывается, Сметсе и несколько толстяков запаслись самодельными гранатами — на это пошли бутылки, порох — и ночью ринулись напролом сквозь испанские редуты. Такой грохот устроили, такой переполох, что испанцы подумали, уж не весь ли город их атакует?

Вот уже много дней после смерти матери Михиелькин получает в день только два маленьких кусочка хлеба, для себя и для Боолкин. Иногда стакан молока, но редко. Дети с родителями могут рассчитывать на большее, а про Михиелькина с Боолкин часто забывают. У него же осталось не так много сил, чтобы гоняться за коркой хлеба. Тут и Боолкин теперь заболела. Наверное, скоро умрет.

Вот что увидел я в Лейдене. А кроме того, знаете, с каким известием я пришел. Признаться, в этом я сильно рассчитывал на Сметсе. Сразу бы ему рассказал: мол, так и так, готовится взрыв у Коровьих ворот. А уж Сметсе что-нибудь да придумал бы.

Кому я теперь дам знать об измене? Из головы не шло то письмо, которое слышал у принца. Там говорилось, что не всем в Лейдене можно доверять, некоторые даже затеяли переговоры с противником. Не попасть бы на такого человека!

Оставалось идти прямо к бургомистру Бронкхорсту. Только он упоминался в письме как верный человек. Бронкхорста я видел перед тем, как выйти из Лейдена. Это он говорил о

том, что я ребенок и надо бы отменить затею. Быть может, Бронкхорст меня помнит. Я отправился в магистрат и беспрепятственно прошел несколько комнат до той, в которой впервые увидел коменданта ван дер Дуса. Самое неожиданное, что на том же месте, как и тогда, сидел секретарь магистрата Гуго, человек-рыбина, и по-прежнему водил пером.

Гуго уставился на меня. Лицо его совсем не изменилось, не то что у Михиелькина. Я пролепетал, что мне обязательно нужно видеть бургомистра Бронкхорста.

Гуго встал, отложил перо и торжественно сказал:

— Бургомистр города Лейдена, член высшего суда Голландии, Дирк ван дер Бронкхорст скончался сегодня в четыре часа утра!

Он снова сел и заскрипел пером. Я остолбенел.

— Бургомистром назначен Адриан ван дер Верф. Желаете видеть?

— Н-нет... — пролепетал я. — Тогда лучше коменданта ван дер Дуса...

— Комендант ван дер Дус в сильнейшей горячке, — сказал Гуго, не отрываясь от бумаги. — И к вечеру тоже, быть может, помрет.

Он приподнял со стола большой лист плотной белой бумаги, на которой писал, и объявил, тщательно выговаривая слова:

— Список скончавшихся за вчерашний день и сегодняшнее утро. Двадцать четыре человека!

Рука его сильно дрожала.

Я вышел из магистрата в полной растерянности. Вот так мор! Куда теперь деться, с кем советоваться? Для начала я решил разведать всё сам. Ведь если готовят взрыв, то что-нибудь я должен заметить. Может быть, яму у стены или выбитые кирпичи. Ведь просто так не навалишь у стенки мешки с порохом!

Интересно, сколько пороха пойдет на такой взрыв? Должно быть, немало. Стало быть, не иголку в сене искать, а место под закладку.

С такими мыслями я пересек канал Рапенбург и вдоль Коровьей канавы дошел до самых ворот. Сначала я осмотрел стену от Коровьих ворот до Бургундской башни и ничего не заметил. Потом занялся другой стороной, но тоже ничего не нашел.

Может быть, Эглантина ошиблась! И взрыв готовят в другом месте? Но не похоже. Со стороны Коровьих ворот глав-

ные силы испанцев. На их месте я бы тоже атаковал отсюда. Да и Сметсе так говорил.

Конечно, не исключается опасность с другой стороны. Стало быть, надо осмотреть стены вокруг всего Лейдена. У Белых ворот, Хаарлемских, Морских и Петушиных. Но это, скажу вам, работка! Сколько же времени я потрачу? Во всяком случае, не день и не два. Михиелькин плохой помощник, еле держится на ногах. Выходит, все делать одному.

А что, если порох уже заложен, осталось только поджечь? Тогда мне вряд ли удастся найти закладку. Эта мысль не давала покоя. Всю ночь я вертелся, ожидая взрыва, но взрыва не было.

Не было его на другой и на третий день. Голодный и недовольный, шатался я вдоль городских стен, но о взрыве ничего не выведal. Может, все это выдумки, не будет никакого взрыва? Тогда мне не стоит торчать в городе, нужно спешить в Роттердам, там собираются гезы. Я был согласен со Сметсе: в Лейдене ничего не высидишь, нужно спасти его снаружи.

С другой стороны, как бросить Боолкин и Михиелькина? Боолкин совсем плох. Но если я останусь, наверняка превращусь в ходячий скелет, как Михиелькин. Толку от меня будет мало.

Эти мысли просто замучили. То я собирался уходить из города, то оставался еще на день и снова осматривал стены.

Однажды утром разбудил грохот. Я подскочил: это взрыв! Но нет, оказалось — салют. Голубь принес из Роттердама письмо, и новый бургомистр ван дер Верф читал его перед всеми на площади.

В письме от принца говорилось, что дамбы прорыты и вода поднялась до Ландсхейдена. Многие радостно закричали. У других не было сил кричать, а третьи и вовсе говорили:

— Мало ли что до Ландсхейдена. А к нам вода не дойдет, Лейден стоит выше Роттердама, не будет воды. Подохнем все, как собаки.

Но таких было мало, большинство воспрянуло духом. С башни Хенгиста полетели ракеты, на улице появилось много людей, заиграл оркестр.

Бургомистр ван дер Верф объявил о выдаче двойного пайка, а музыканты с трубами, флейтами, литаврами и барабаном пошли по улицам Лейдена. Гремели старые марши, и странная, скажу вам, картина, когда бледные, чуть не на

мертвецов похожие люди распевают бравые песни, а сами колышутся от барабанного боя.

Под звуки труб и бодрый стук барабана тихо умерла Боолкин. Просто перестала дышать, и душа ее тихонечко вышла из тела. Я сам видел, как, похожая на прозрачную стрекозу, выпорхнула она из окна и полетела к синему небу. А Боолкин осталась тут с голубой куклой в руках.

Мы завернули ее в старый мешок и понесли к общей могиле. Сюда уже притащили несколько человек, потерявших сегодня свои души.

Я взял кусок кирпича и выцарапал на мешке: «Боолкин Кукебаккер. Девяти лет». Подумал и нарисовал рядом тюльпан, а больше мы ничего не могли сделать.

Несколько дней прошли в какой-то пустоте, и я начал слабеть от недоедания. Уже подступала осень, и листья на некоторых деревьях больно уж рано стали желтеть и коробиться. Может, и деревья голодают заодно с человеком? Ведь жара все лето стояла несусветная.

Разговоры о гезах в городе то разгорались, то утихали. Говорили, что вода не идет дальше Ландсхейденской плотины, а ведь за ней еще несколько дамб. Да и глубина пока вроде бы мала для судов. Словом, надежд на спасение было мало.

С едой стало совсем плохо. Теперь исчезли даже кошки. Мы с Михиелькином пробовали ловить на клей воробьев, а о взрыве я стал думать меньше. Но однажды приплелся Михиелькин и сказал:

— Я только сейчас видел этого... который Эле хотел купить.

Я вскочил:

— Слимброка?

— Ага. Он в дом вошел на Мельничной улице.

Значит, Слимброк здесь! Стало быть, разговоры о взрыве не шутка. Просто так он не будет околачиваться в зачумленном, голодном городе.

Я сразу пошел на Мельничную улицу и стал издали наблюдать за домом, где Михиелькин заметил Слимброка. Когда стемнело, я подошел ближе. В окне теплился свет. Я притаился за кустом у канавки. Долго я собирался с духом, чтобы подойти к окну, но это оказалось ненужным.

Дверь отворилась, и вышли двое.

— Ключ не забыл? — спросил один.

Это был он. Давно не встречались.

ТУМАН

Узнал я и другого, мостовщика Кеттеля. Трудно его не узнать, даже в темноте. Другого такого кривого человека нет во всем Лейдене, к тому же он сильно хромает на правую ногу.

Когда я шел к этому дому, просто хотел проверить, не ошибся ли Михиелькин. Теперь понимал, что ни за что нельзя упускать Слимброка. Нужно выяснить, где он ночует, какие у него планы. Другого пути проведать что-то о взрыве нет.

Сейчас я надеялся, что Слимброк и Кеттель будут разговаривать по дороге, но они шли молча, и я за ними. От Мельничной улицы до Коровьих ворот рукой подать, они шли прямо туда.

Ночь была светловатой, но воздух — густым, с белесым оттенком. Кажется, начинался туман. Я не боялся, что меня могут заметить: мало ли кто бродит в городе по ночам, а издали меня не узнать — все-таки ночь.

Они прошли Коровьи ворота и топали прямо к Бургундской башне. Остановились у крепостной калитки — маленькой, железом обитой двери в стене.

Кеттель начал возиться... И вот она тихо отворилась, оба исчезли, пригнувшись, а дверь осталась приоткрытой.

— Слу-ушай! — кричали сторожа где-то на соседних башнях, и там же гремели ночные колотушки, а здесь было тихо.

Интересно, кто начальник Бургундской башни? Наготове ли башенная стража и не спит ли наверху дозорный с трубой, в которую должен дуть во всю мочь, как только увидит неприятеля? Ведь этак сквозь крепостную калитку проберется рота испанских головорезов, откроет ворота — и конец городу!

Я подобрался ближе к двери, прислушался. И тут пришла в голову мысль: а не делают ли закладку пороха под стену снаружи? Иначе зачем бы Слимброку и Кеттелю выбираться туда по ночам? Нет, видно, так и есть! А мне, значит, нужно проверить.

Еще раз прислушался. Все тихо за стеной. Тогда я проскользнул в открытую дверь. Через эту калитку я уже выходил во время ночной вылазки. Помните? Здесь от стены почти сразу начинался водяной ров, только вправо и влево шла узенькая, в полшага, полоска земли. Тут же к воде склонялся одинокий большой куст, под ним прятался маленький плотик в две доски, тот самый, на котором я переправлялся через ров.

Я осторожно выглянул из полукруглого проема калитки. Никого. Но туман! Туман здесь был не то что в городе, — в десяти шагах все терялось. Я снова прислушался... Тихо. Осторожно пробрался к кусту и спустился под обрыв, держась за его ветки. Отсюда меня не видно, можно попробовать наблюдать.

Знал бы я, олух заморский, что делаю! В азарте многого не учел. Например, того, что глина под обрывом скользкая и сразу мне оттуда не выбраться.

Это я понял в тот момент, когда неровными шагами вдоль стены прошел Кеттель. Заслышав его шаги, я хотел выпрыгнуть на бережок и проскользнуть в калитку. Не тут-то было! Ноги отчаянно заскользили, я вцепился в мокрые ветки и вообще чуть не упал в воду. Последним усилием удержался, замер, но опередить Кеттеля не успел. Он проковылял мимо, исчез в полукруглом провале, что-то зашуршало, и я понял, что дверь закрыта.

Я провисел на ветках еще пару минут, чтобы не столкнуться со Слимброком. Но того не было. Я кое-как выбрался, подкрался к двери, толкнул. Дверь закрыта.

Так... Видно, удача начинает отворачиваться от Кесеса. Ошибка была в том, что я сразу решил, будто Слимброк и Кеттель вышли насчет пороха и вернутся вместе. Теперь же яснее ясного было, что Кеттель просто выпустил Слимброка, и тот отправился по своим делишкам. Может, как раз сообщить испанцам о взрыве?

Так или иначе, но я оказался за стеной.

Теперь было два пути. Либо снова искать у Белых ворот пастуха Самсона и возвращаться в город, либо ринуться за Слимброком, чтобы не потерять последнюю нить заговора.

Что и говорить, второе поважнее. Но где же искать Слимброка? Ночью, в таком тумане. Решил сделать так. Сначала переберусь на ту сторону, а там посмотрю. В любом случае

нужно оказаться на другом берегу рва.

Я снял кломпы, сунул за пазуху и снова спустился на ветках к воде. Плотик был здесь, нащупал его босой ногой. Плотик не плотик, а так, корабельный обломок, только меня и держит. Я лег на скользкие доски и начал подгребать руками. Плотик тронулся.

Так... Кеттель проводил Слимброка и вернулся с левой стороны. Там есть мелкое место. Мне — с головкой, а Слимброку — по грудь. Почти брод, и, видно, Слимброк переправит-

ся там. Конечно, он мог одолеть ров просто вплавь, но тогда почему не сделал этого рядом с калиткой? Лодку, конечно, им негде держать. Единственное место, где можно что-то укрыть, — это куст. Да и то больше моего плотика здесь не спрячешь, а для Слимброка он мал.

Значит, ясно: он переходит вброд. А оттуда, если не дурак, сразу выберется на дорогу вдоль Влита. Это прямой путь к форту Ламмен. Стало быть, и мне надо спешить туда. Вряд ли Слимброк перебрался через ров так быстро. Есть надежда его перехватить. Что буду делать, если удастся найти Слимброка, пока не придумал.

Теперь опишу вам подробнее ночь. На небе сияет луна и звезды, а здесь у земли туман. Он похож на белый приплюснутый пирог из слоеного теста. У воды и стен крепости он как-то еще клубился, тянулся вверх, а здесь, на ровном пространстве польдеров, лежал плотной невысокой пеленой.

Скажу вам так: голова моя торчала над этим слоем, а собственные ноги, клянусь, еле различал. Чутьочку присев, я сразу оказывался в белой дрожащей слепоте, а вынырнув, как пловец из воды, видел сияющий лунный простор и все, что плавало поверх тумана: далекие деревья, подрезанные контуры Лейдена и форта Ламмен...

Вдруг на белесой равнине обозначилось черное пятно. Слимброк! Туман ему был по пояс или чуть выше. Он двигался, как я и предполагал, в сторону Ламмена. Шел осторожно, нащупывал ногой дорогу.

Я нырнул в туман и, согнувшись, промчался несколько шагов. Снова выставил голову. Слимброк оказался ближе. Да так я могу за ним хоть куда! Туман — моя шапка-невидимка!

Я подобрался шагов на пятьдесят и уж подумывал: не схватить ли его, например, за ногу, как это делают мальчишки под водой? Нет, проказы здесь ни к чему. Остается только идти за Слимброком и ждать случая, когда что-нибудь выяснится.

Я подкрался еще ближе. Я наслаждался беззаботностью Слимброка! Ведь он ничего не подозревает. А Кеес Адмирал Тюльпанов идет за ним шаг в шаг, и плотный туман, как ватой, глушит и без того слабый стук его кломпов.

Вот я нырнул в туман еще раз, просто уже для забавы, вынырнул и замер... Слимброк исчез! Я растерялся... Только что был здесь, шагах в тридцати, а теперь его нет, только луна и белизна тумана.

Я с перепугу снова нырнул, а когда вынырнул, глаза мои уперлись в бледное, улыбкой перекошенное лицо Слимброка, и я услышал голос:

— Ну что, Кеес, поиграем в прятки?

Тут же его рука крепко схватила меня за куртку.

РАЗГОВОР

— Здравствуй, Кеес, — сказал Слимброк. — Куда в поздний час?

— Да так, вот иду... — пробормотал я.

Должен сказать, что в минуты опасности сначала у меня вроде бы нервная трясучка, а потом как рукой снимает. Никакого страха, голова ясная, и только сердце торопится быстрее обычного — тук-тук.

— В какую сторону? Может, нам по пути?

— Туда. — Я махнул неясно рукой.

— Что-то все время с тобой сталкиваемся, ты словно моя тень. Как думаешь, это случайно?

— Ей-богу, случайно, хозяин.

— Ну ладно, давай теперь вместе пойдем случайно. Ты, может, кого-нибудь ищешь?

— Я?.. Ищу.

— Кого же?

Тут я и бухнул:

— Полковника Вальдеса!

Слимброк удивился:

— Ну уж хватил. Зачем тебе Вальдес?

— Это не мне.

— А кому?

— Одному человеку.

В голове лихорадочно складывалось все, чем можно морочить Слимброку голову. Я быстро припоминал подслушанный разговор Эглантины и капитана Рутилио: полковник Вальдес влюблен в какую-то Магдалену Моонс и часто получает от нее письма.

Всех, кто идет из Гааги к Вальдесу, велено пропускать. Но если иезуиты знают о связи Рутилио и Эглантины, то, видно, и знакомство Вальдеса с той, из Гааги, для них не секрет. Стало быть, надо изобразить, что я тайный посланник к Вальдесу, но прямо этого не говорить. Так я и делал.

— Так... — протянул Слимброк. — Значит, к Вальдесу? А откуда?

— Из Гааги.

— Что же ты так кружишь? Да еще ночью. Мог бы и днем идти.

— Немножко заплутал, хозяин.

Слимброк задумался, при этом крепко держал меня за руку.

— Слушай, Кеес, никак не пойму, в какую игру ты играешь, кому служишь? Все время ты на моем пути.

— Хозяин, тридцать три якоря в бок, никому не служу! К Вальдесу меня послали, из Гааги...

— А кто?

— Ой, это тайна, хозяин.

— Вот что, парень, — сказал Слимброк, — ты ведь не глуп и понимаешь, что мне трудно верить хоть одному твоему слову, даже если это правда.

— Конечно, конечно, хозяин, — поддакнул я.

— И мне плевать, к кому ты идешь. Вальдеса я не боюсь, а тебя, по всем правилам, надо бы придушить. Ведь так?

— Святая правда, хозяин.

— Слишком уж много ты знаешь и все время шпионишь за мной. Но я не спрашиваю, кто тебя послал. Все равно наврешь с три короба. У меня к тебе вот какое дело. Я насчет твоего приятеля, рыжего. Надеюсь, ты знаешь, что это мой сын по имени Мартин?

Я не стал делать вида, что удивлен.

— Знаю, хозяин.

— А сам посуди, хорошо ли, что дети бегают от отца?

— Конечно, плохо.

— Так вот, помоги мне его вернуть.

— Да я не знаю, где он, хозяин!

— А я думаю, знаешь. Так вот, если ты сделаешь так, что Мартин вернется в лоно семьи, то будешь истинный христианин.

— Хозяин! Да я сам за это! Только он не слушает. Я уже уговаривал его вернуться.

— Слушай, Кеес, хватит нам в кошки-мышки играть. Давай попросту. Заманишь ко мне Мартина, взамен получишь... отца!

— Какого отца?

— Своего, родного. Питера Схаака, корабельного плотника из города Лейдена.

У меня просто мурашки побежали по коже:

— Да мой отец утонул, хозяин! Три года назад утонул, в наводнение!

— А если не утонул?

— Тогда где же он?

— А вот в том-то и дело. Но сначала ты должен ответить, согласен ли обменять своего отца на моего сына? Сразу наладятся две семьи. Хорошее дело, Кеес.

— Но мой отец утонул! Если б не утонул, то обязательно вернулся бы в Лейден!

— А если не может вернуться? В общих чертах, Кеес, дело обстоит так: отец твой тогда не утонул, его подобрали. Но он попал в нехорошую историю и сейчас сидит в одной тюрьме. А я могу его вызволить, Кеес. Правда, это нелегкое дело. Но, по-моему, стоит того, чтобы сын мой вернулся в отцовский дом. Так разве не хочешь увидеть родного отца?

— Конечно, хочу, хозяин!

Я не верил ни одному его слову. С другой стороны, что-то уж больно крупно играет Слимброк. Отец! Да я бы полжизни — нет, целую жизнь отдал, чтобы его воскресить. С другой стороны, во мне всегда жила надежда, что отец вернется. А вдруг Слимброк говорит правду? Вдруг мой отец жив и случайно попал в тюрьму?

— Так вот, Кеес, хороший обмен предлагаю. Только я могу вызволить из тюрьмы твоего отца. Только ты можешь вернуть мне Мартина. Всего от тебя требуется, чтобы ты под каким-нибудь предлогом привел его в нужное место, а там уж мое дело. Про наш разговор Мартин ничего не узнает.

— А отец? Когда я увижу отца?

— В тот же день. Но для того, чтобы вызволить его, понадобится несколько дней. Думаю, и тебе нужно время, чтобы разыскать Мартина. Так вот, ровно через две недели и встретимся. Помнишь дом мельника, где нас подслушивал?

— Помню, хозяин. Это по дороге на Валкенбург.

— Ровно через две недели приходи туда с Мартином, а я вместе с твоим отцом как бы случайно заеду туда.

— А если без отца? Если обманете?

— Хорошо, оставь Мартина где-нибудь поблизости. Если приеду с отцом, выдашь Мартина. Если один, ничего про него не скажешь. Подходит?

— Хорошо, хозяин. Значит, в доме мельника по дороге на Валкенбург. Через две недели.

— Смотри, Кеес, не вздумай затевать каких-нибудь козней. Помни: отец в моих руках. Если обманешь, не пожалею, век будешь сиротой. Ну что, тебе и вправду к Вальдесу? Тогда в Лейдердорп, налево, а мне прямо. До встречи. Так помни: Мартин за отца.

Он отпустил мою руку и ушел.

Нельзя ему верить, нельзя! Хитрющий, просто дьявол! Но разговоры об отце разбередили душу. Может, на самом деле он что-нибудь знает? И все-таки, может, не утонул отец?

Я шел разгоряченный, обдумывал хитрость Слимброка. Почему отпустил меня? Надеется, что предам Рыжего Лиса? На чем основана такая надежда? Неужто Слимброк, этот оборотень, прошедший огонь и воду, так легко отпустит своего врага, без уверенности, что рано или поздно тот снова попадет к нему в руки?

Меня бросало то в жар, то в холод. Но почему-то росла уверенность, что ровно через две недели, не знаю уж как, но все-таки окажусь в заброшенном доме мельника. Наваждение, просто наваждение! Или действительно ждет меня там отец?

Может, Слимброк побоялся расправиться со мной из-за полковника Вальдеса? Поверил, что я иду из Гааги? Но ведь он мог это выяснить: не отпускать меня до утра, а потом спросить в Лейдердорпе, кто я такой.

В Лейдердорп мне, конечно, не нужно. Я сделал небольшой крюк, напротив деревеньки Кронестей перешел по мосту Роомбургерский канал и взял направление на Роттердам. Но шел я, конечно, недолго. Совсем ослабел, да и туман стал подниматься от земли — не разберешь дорогу.

Хорошо еще, попался стог сена. Я закопался в него и заснул. Последняя мысль была про Михиелькина. Как-то он там, бедняга, один?

Разбудил меня далекий грохот. Продрогший, я выкарабкался и на сумрачном предрассветном небе увидел вспышки огня. Где-то в паре часов ходьбы от меня шел бой. Не иначе у Ландсхейденской дамбы! Неужто гезы двинулись к Лейдену?

Зуб на зуб у меня не попадал. Я чуть не бегом ринулся в сторону Ландсхейдена. Не помню уж, как прошел эти пять миль. Сильный озноб леденил тело, никак не удавалось согреться.

Помню только, когда выбрался на дамбу, необычная картина поразила взгляд. До самого Роттердама огромным зеркалом раскинулась вода! По ней, как по январскому катку, казалось, скользили деревья, дома, заборы. И целый рой лодок, судов и барок рассыпан между крестьянскими домами, а над дамбой трепещет бело-сине-оранжевый флаг — знамя гезов.

Как зачарованный смотрел я на эту панораму, а тело трясло и зубы стучали.

И тут, откуда ни возьмись, подбежал ко мне Сметсе Смее и закричал:

— Кеес! Малыш! Клянусь Артевельде, это наш Кеес!

А дальше уж ничего не помню.

Г Е З Ы

Несколько дней провалялся я на барке «Дельфтский ковчег», где Сметсе Смее командовал пушками.

Но горячка скоро прошла. Меня вволю кормили мясом, бобами, даже вино заставляли пить, поэтому я быстро окреп и встал на ноги. Да и где тут лежать, когда творятся такие дела. Казалось, сама голландская земля поднялась против испанцев. Она по своей воле приняла на себя море, только бы смыть испанские следы!

Много я слышал о морских гезах, а тут попал на корабль и теперь сам мог убедиться, какой это веселый, отчаянный народ! Было их не больше трех тысяч, а шли они против десяти тысяч испанцев. Суда плоскодонные, небольшие, самый крупный наш «Дельфтский ковчег» с пятью пушками на борту и флагом адмирала Буазо на мачте.

Ландсхейденскую дамбу гезы взяли без всяких потерь. Испанский заслон кувыркком полетел с плотины. Днем испанцы пытались отбить дамбу. Не тут-то было — их погнало дальше.

Сразу стали ломать проходы для судов. Пока я лежал в горячке, вода хлынула дальше и добралась до плотины «Зеленая дорога». Здесь тоже был штурм. «Дельфтский ковчег» подпрыгивал от выстрелов, а я в это время лежал в матросском кубрике и бредил. Казалось, что на какой-то повозке с грохотом несусь по небесам.

Взяли «Зеленую дорогу». Скинули испанцев и отсюда. Тут я как раз поднялся и первый раз вышел на палубу. Кругом водяная гладь! Широкой колонной мы тихо двигались на север.

— Два фута! Два фута! — кричал впереди матрос.

— Два фута в обрез, — сказал Сметсе Смее. — Сбрось пару дюймов, и заскребем дном по капусте.

Некоторые суда и сейчас застревали. Гезы выпрыгивали и начинали толкать их руками.

— Впереди по крайней мере три дамбы, — сказал Сметсе Смее. — Но, может, удастся пройти каналами. Сейчас мы попробуем войти в «Озеро свежей воды». День-то смотри какой, Кеес!

И вправду был замечательный день! Солнце сияло. Легкий ветерок гнал по воде барашки, срывал с них пену, а солнце подхватывало брызги на маленькие коромысла радуги. Над каждым барашком висела своя радуга, тысячи радуг прыгали по воде цветной паутиной. Такая радость меня взяла, что, сам уж не знаю как, стал напевать песенку, которая вышла сама собой:

Голландия, Голландия,
текучая страна,
куда же ты заладила
за волнами волна!
Эх-ланди-Нидерландия,
куда же ты плывешь?
Куда же ты, Бурляндия,
с собой меня везешь!

И надо сказать, не я один распевал. На многих кораблях, справа и слева, слышались разудалые песни. Там пили вино, веселились и даже палили в воздух из пистолетов. На сосед-

ней барке вздернули на мачту чучело короля Филиппа и сожгли.

Сначала мне показалось, что у гезов нет никакой дисциплины. Но потом я видел, как за баркой «Лебедь» тянули по воде человека с веревкой на шее. Этот матрос заснул на ночной вахте, и по уставу ему причиталось такое наказание. Я думал, он отдаст концы. Не тут-то было. Когда вытащили на борт, он только потер могучую красную шею и захохотал вместе с товарищами. Матрос ничуть не обижался.

За драку полагалось пригвоздить к мачте руку, а если трусишь в битве, то опозорен навсегда. Твой же товарищ имел право тебя убить.

Так что порядки у гезов были строгие. Жизнь их не бало-

вала. Целые годы они провели в морских походах, погоне за добычей, яростных схватках. Многие погибли, получили увечья, а среди тех, кто выжил, встречал я таких просоленных, в огне обожженных морских удалцов, каким сам ад был не страшен.

Например, капитан Северейн. Он командовал баркой «Лебедь». Для капитана еще молодой — может, лет двадцати. Бледный, красивый. Говорили, отец у него барон, а он с пятнадцати лет гоняет по морю испанские корабли.

Капитан Северейн говорит тихо, любезно. Одет в черный испанский камзол, а за широким поясом несколько ножей с узкими рыбьими лезвиями. Я видел, как капитан Северейн, точно со скуки, бросал эти ножи в мачту. Все они впивались один над другим ровной строчкой, а до мачты было шагов двадцать.

Какой-то матрос тащил на плече канат. Капитан Северейн спокойно кинул последний нож, и тот впился в самый кончик каната, рядом с ухом матроса.

Потом капитан Северейн отвернулся и стал печально смотреть в море, а юнга выдирал из мачты его ножи. Рассказывали, что у капитана недавно погибла любимая девушка, а сам он теперь ищет смерти в бою.

Или фрисландец Дирк Ворст. Лицо свирепое, могучие плечи, как у Сметсе, в руках здоровенный гарпун. Дирк Ворст когда-то был китобоем, ходил по северным морям. Его гарпун в полтора раза больше обычного. Говорили, в одном бою этим гарпуном он снес мачту испанского брига.

Дирк Ворст часто хохочет, и тогда лицо его из свирепого становится очень добрым. Он любит повторять пословицу: «Во веки веков фризы будут свободны!» Однажды кто-то назвал фрисландцев «яйцеедами» — а в тех местах, поясню вам, некоторые острова просто завалены яйцами гагар и морских чаек, — так Дирк Ворст схватил того человека за ноги и собирался ударить об рею... Дирк Ворст обижался, как ребенок, но в бою мог положить десяток испанцев. Вместе с Дирком в гезы пришли еще несколько гарпунщиков.

Якоб Квейренс раньше был священником. Вот штука-то! Теперь у него нет правой руки по локоть и совсем ничего не осталось от церковного сана. Правда, говорит он очень ловко. Встает на шкафут и начинает:

— Эй, гезы! Признаете ли меня своим папой на манер папы римского?

— Признаем! — орут гезы.

— А если признаете, почему не молитесь на меня, почему не требуете благословения перед боем?

— Требуем! — орут гезы.

— Так вот я скажу. Откуда вы взялись? Кто вы такие? Правильно вас называют гезами — нищими оборванцами! Нищие вы и есть, хоть многие из вас и дворянского сана. Чего вы хотите, бродяги? Зачем побросали свои дома? Свои трактиры, пекарни, мастерские, прилавки, свои огороды и стада? Зачем убежали от толстых жен и крикливых детей? Тощие гельдерландцы, надутые фризцы, зеландцы-рыбоеды, твердолобые голландцы и остальные! Чего собрались вместе? Чего схватили ножи и ружья? Неужто надеетесь всем этим сбродом одолеть полки короля Филиппа, названные «бесстрашными» и «непобедимыми»?

— Одолеем! — кричали гезы.

— Ах так? Хвастунишки несчастные! В таком случае Якоб Квейренс, ваш папа нареченный, проклянет, если покажете врагу спины! Вперед, кашалоты! Покажите, что один нидерландский подмастерье стоит десяти испанских солдат! Ваш папа Якоб Квейренс желает выпить за вас вина и спеть песню!

Он поднимал пивную кружку, доверху налитую вином, и начинал, топая в такт ногой:

Бей, барабан, барбам-барабам!
Бей, барабан, на погибель врагам!
Бей, барабан, наступила пора,
славься, Голландия, гезам ура!

А остальные тоже принимались топать и подхватывали:

Смерть инквизиторам, целься в упор!
Смерть инквизиторам — наш приговор!
Всех инквизиторов в пламя костра,
славься, Голландия, гезам ура!

Вместо Голландии некоторые кричали — Зеландия, другие — Фрисландия, но топали все, и скоро весь корабль раскачивался в такт оглушительной песне:

Гезам ура, подхвати этот клич!
Гезам ура, не дрожи и не хнычь!
Гезам ура, наступила пора,
славься, Голландия, гезам ура!

Потом в воздух летели шляпы, береты и даже кломпы.

О многих я мог бы вам рассказать, но всех не перечислишь. Сам адмирал Буазо со своими матросами был из зеландских краев. Один зеландец, по имени Хендрикс, подарил мне свою шляпу. На ней вышит полумесяц и надпись: «Лучше туркам, чем папе». В таких шляпах красовались почти все зеландцы.

Адмирал Буазо расхаживал с подзорной трубой по палубе и говорил:

— Пусть веселятся ребята. Легче идти в бой.

Мы приближались к «Озеру свежей воды», вернее, к тому месту, где было озеро с его глубиной. Кругом ведь теперь вода.

Ветер развевает бело-сине-оранжевый флаг. Белый цвет — свобода, синий — морской простор, оранжевый — принц Оранский.

Да здравствуют гезы!

АЛЫЙ БЕРЕТ

Внезапно спал ветер, и вода стала мельчать.

— Полтора фута! — с тревогой кричал матрос с шестом. — Фут с четвертью!

Теперь уж точно надо искать глубину в «Озере свежей воды». Адмирал Буазо отдал приказ перейти на фарватер канала. Его было видно по одиноким деревьям и прибрежным кустам. Вода становилась все мельче. То там, то здесь выступали бугорки.

— Адмирал! — крикнули с носа. — На мосту испанцы!

— Вижу, — процедил Буазо.

Прямо против нас, не дальше чем в полумиле, висел над каналом мост. За ним открывалось озеро. На мосту и сбоку по обе стороны канала чернели ряды пехоты. Солдаты стояли прямо в воде и на полосках выступающей земли.

— Проклятье! — прорычал Буазо. — Их слишком много!

Испанцы, видно, понимали, что по мелкой воде нам озеро не обойти. Они встречали нас, как говорится, на «узкой тропинке».

Буазо вызвал всех капитанов и сказал:

— Попробуем атаковать в лоб. Другого пути нет. Мартенс, Хендрикс и ван Харен ударят по флангам с легкими лодками и пешими. Что делать, ребята! Придется размять свои косточки!

Испанцы начали первыми. С моста ухнули пушки. «Дельфтский ковчег» развернулся и тоже ударил двумя стволами. Потом повернулся другим бортом и дал новый залп. Одна пушка была спаренной, стреляла скованными цепью ядрами. Такой снаряд сметал много солдат при попадании, а в общем-то был предназначен для разрушения снасти морских кораблей. Удалили и другие пушки.

Гезы с криком кинулись на испанцев, но те стояли твердо, их было не меньше трех тысяч. Я не люблю долго рассказывать про бои, где не бывает удачи. А этот кончился плохо. Мы откатились, потеряв несколько судов и не знаю уж сколько матросов. Одно ядро начисто снесло деревянную русалку на носу «Дельфтского ковчега».

Адмирал Буазо был в отчаянии. Он кричал, что не умеет воевать в блюде с водой, его стихия океан! Многие суда уже сидели днищами на земле, но тут неожиданно задул зюйд-вест и вода стала прибывать.

Какие-то люди потребовали встречи с Буазо. Оказалось, это жители деревни Зутермеер. Они посоветовали сделать обход вправо. Плотина там низкая, а испанские гарнизоны слабее. Но и до их совета адмирал уже наугад поворачивал флотилию.

Через час мы уже атаковали гарнизоны Зутермеера и Бентейзена. Испанцы бежали. Плотина здесь действительно небольшая, и проходы в ней сделали быстро.

Горели Бентейзен и Зутермеер, а мы по красной от пожара воде шли молча на следующий испанский заслон у деревни Норт-Аа.

Схватка была короткой и ожесточенной. Испанцы снова не устояли. Теперь перед нами раскинулась последняя большая плотина Кирк-вее, но тут вода опять резко спала.

Уже видны шпили Лейдена. Несколько раз над городом взлетали ракеты, давая знать, что город нас слышит и ждет освобождения.

Потом с последних судов раздались радостные крики и по цепочке передали весть: из Роттердама приехал Молчаливый.

— Да здравствует принц! — кричали уже совсем близко, и скоро по мокрым сходням, переброшенным с борта на борт, на наш корабль перебрался принц Оранский.

Самое интересное, что вместе со свитой принца на корабль прибыл, я не ищу другого слова, именно прибыл Рыжий Лис. От важности он, по-моему, слегка свихнулся и даже на меня посмотрел свысока.

Лис намекнул, что вылечил принца целебным напитком из сахара, вина и пива по собственному рецепту. Потом он и во все пустился врать, что теперь первый советник у принца, а когда освободят Голландию, принц, может, подарит ему целый город — например, Лейден.

Я быстро сбил с него спесь рассказом про встречу с папашей. Узнав, что папаша еще не расстался с мыслью поймать дорогого сыночка, Лис приуныл.

— Ну ничего, — утешил я Лиса. — Ты правая рука принца, а он тебя в обиду не даст.

— Какая там правая рука, — вздохнул Лис. — Просто я на побегушках у Брунинка. Любишь ты, адмирал, приукрасить... Ты знаешь, — сказал Лис, — Эле нашла своего голландца. Длиннющий такой!

— Ну да? — я обрадовался. — А где он?

— Не знаю, — сказал Лис. — Он в гезы собирался. Может, уже здесь.

— А Эле?

— Тоже не знаю.

Про Караколя и Эглантину Лис ничего не слышал. Тут мы принялись обсуждать затею Слимброка.

— Как думаешь, правда он знает что-нибудь про отца?

— Тю! — свистнул Лис. — Какой ты, адмирал, наивный! Да их специально учат, чем головы людям морочить. Пропавшие отцы, помершие матушки, богатые тетки с наследством — все в дело идет. Скажут какому-нибудь сироте, что у него родители живы, тот им последнюю рубаху отдаст за одно обещание разыскать. Не ты первый, адмирал, не ты последний.

— И все-таки, Лис, почему он раньше об этом молчал? Вдруг только недавно узнал?

— Ты что, адмирал, на самом деле хочешь меня обменять?

— Да нет, Лис, я просто вслух рассуждаю.

Тут из комнаты Буазо вышли офицеры, а среди них Молчаливый и Бруинк. Они стали смотреть в подзорную трубу на Кирк-вее. Вдруг адмирал Буазо оглянулся и сказал:

— Вот, ваша светлость, юный голландец, который посчитал нам все пушки и мушкеты Ламмена.

Принц посмотрел на меня, но, кажется, не узнал.

— Это Кеес Схаак, ваша светлость, — напомнил ему Бруинк, — он приносил вам письмо из Лейдена.

Но принц был, видно, сегодня не в настроении. Не стал он со мной разговаривать и похлопывать по плечу, как в прош-

лый раз. Только сделал знак Брунинку, а сам отвернулся и нацелил подозрную трубу на Ламмен.

Мне даже стало обидно. Зато Бруник улыбался мне так же приветливо, как в Роттердаме.

— Питер, — сказал он слуге, — в моем бауле на самом дне лежит алый берет, принеси.

Слуга ушел, а Бруник начал расспрашивать меня об укреплениях Ламмена. Но вот слуга вернулся, в руках ярко-красный бархатный берет, очень красивый.

— В древние времена, — сказал Бруник, — отличившимся храбрецам надевали на голову алый берет. Пока у меня нет другой награды, Кеес, но после войны сочтемся. Теперь же я дарю тебе этот берет, знак доблести. Не думаю, чтоб он был тебе очень велик, мне сшили его еще в детстве. С тех пор, как видишь, вожу его с собой чуть ли не как талисман. Тем выше ты должен ценить мой подарок.

И он надел на меня алый берет, а все кругом одобрительно засмеялись. Мне все же было немножечко жалко, что это сделал не принц. Но, видно, не всегда принцам есть дело до нас, простых мальчишек.

КИРК-ВЕЕ

Над алым беретом Лис сразу стал потешаться.

— Ой, адмирал, не могу! — кричал он. — Ты похож на дятла... или нет, на гриб мухомор! Теперь ты первая мишень для испанских мушкетов, каждый захочет прострелить твою красную башку!

Я обиделся:

— А может, твою? Она у тебя всегда красная. Алый берет — это знак доблести. Так Бруник сказал.

Но Лис не унимался:

— Мало ли чего он сказал! Просто надоело таскать с собой молью изъеденную тряпку, вот и сунул тебе. А знак доблести, если хочешь знать, не красный берет, а синий, такой, как у меня, я давно его получил!

С этими словами Рыжий Лис вытаскивает из кармана дырявый синий берет и напяливает на себя.

— Вот! Если хочешь знать, мне этот берет подарил не твой затрепанный Бруник, а сам король Франции... Да еще с королем Англии! Вместе поднесли этот берет за одно дело!

— Какое еще дело? — уныло спросил я.

— Спасение королевских наследников, понял? Я у разбойников их отбил, тем самым спас королевский престол Франции... и Англии! Двух наследников я отбил, понял?

Всегда я удивлялся нахальству и ловкости Лиса. Ну откуда, например, взялся у него синий берет? И чего на меня накинулся? Наверное, от зависти. Во всяком случае, алый берет я решил надевать только по праздникам, иначе от Лиса проходу не будет.

А тут еще Мудрила объявился. На маленькой лодке он чуть не волоком притащил из Дельфта пушечный ствол, собрал кучу гезов и стал выступать:

— Друзья! Я привез вам еще одну! Стало быть, одиннадцать. Еще десять мы отобьем у испанцев — двадцать одна! Я договорился с одним человеком, который продаст нам еще пять пушек. А сколько пушек в других странах? Я бросаю

призыв: собирайте пушки! Человек из Кампена научит вас жить! Меняйте пушки на коров и одежду! Все пушки земли соберем в одно место и так шархнем, что земля содрогнется, встряхнет ваши души, и вы успокоитесь! Вы перестанете резать друг друга из-за святой троицы и римского папы! Нету никакой троицы, нету римского папы, это мудрый человек вам говорит, мудрый человек из Кампена! Собирайте пушки, дети мои, чугунные головы! Нет другого средства прекратить безобразие на земле! Ура!

— Ура! — кричали гезы и подбрасывали Мудрилу в воздух.

— Народ меня любит и понимает, — говорил Мудрила и вытирал благодарные слезы.

— Да как тебя не любить, дурака такого, — отвечали гезы. — Мы ведь и сами не семи пядей во лбу.

Мудрила поведал, что нашелся Помпилиус. Его водили с собой бродячие циркачи. Мудрила криком и угрозами отбил Помпилиуса, а теперь поручил его заботам своего брата, доктора медицины Иеронимуса Дустуса. По мнению Мудрилы, Помпилиуса нужно сейчас откормить, потому что предстоит большая работа: таскать собранные пушки. Мудрила есть Мудрила, что тут поделаешь...

Смеркалось. Принц Оранский уехал в Роттердам, там у него много дел, а наша флотилия готовилась к штурму дамбы Кирк-вее.

Она стояла перед нами дугой, огромная широкая дамба, заполненная испанскими солдатами.

— Опять нас отбросят, — сказал Сметсе Смее. — Ночью нужно атаковать, не ждать утра. Они на земле, мы в воде; они выше, днем перебьют нас, как щенят.

Адмирал Буазо думал. Как видно, и он склонялся к ночной атаке. Ландсхейденскую дамбу тоже штурмовали ночью, но тогда испанцев застали врасплох, теперь на это рассчитывать не приходилось. Кроме того, вода по-прежнему держала уровень меньше фута. Большинство судов сидело на мели, атаковать же дамбу пешими и без пушек было почти невозможно.

Вот Буазо и думал: стоит ли ввязываться в ночную драку, не подождать ли утра — может, подует ветер?

Но ветер пожаловал раньше. Ночью он навалился с такой силой, что разом запахло морем. Вода резко прибывала, и вот уже «Дельфтский ковчег» слегка закачался на волне.

Адмирал Буазо просигналил фонарем атаку. Флотилия медленно подкралась к дамбе, на лодках не горело огней, а на плотине всюду полыхали испанские костры.

Только у самой дамбы в черное небо вонзилась ракета, и гезы с криком ринулись на штурм. Сразу во многих местах рвануло, грохнуло, загорелось.

Скажу вам, такого ада не видел я никогда. По воде замечались отблески пламени, тени. Истошные вопли со всех сторон. Огромным костром вспыхнуло что-то на дамбе, взорвалась и занялась пожаром барка. В мерцающем, то мутно-красном, то ярко-желтом зареве предстала панорама отчаянной схватки.

Повсюду на колеблющемся блеске воды зловеще чернели трубы полузатопленных ферм, сбившиеся в кучки сады. Поплыли мертвые тела, — они торчали то спиной, то лицом вверх. Бой шел на дамбе среди костров и в воде под факелами горящих лодок. Это уже не сражение армий! Бой распа-

дался на сотни, тысячи поединков. Люди сошлись врукопашную, вцепились друг другу в горло, в ход шли ножи, кулаки, любые обломки. Грохот, крики, стоны, проклятья, даже, казалось, скрежет зубов раздирали красноватую мглу этой ночи.

Я видел гарпунщика Ворста. С поднятым гарпуном он гнался по воде за испанцем и, наконец, прошел его насквозь. Мало того! Он прыгнул на него, схватил за горло, и вместе они исчезли под водой. Он вынырнул один, окровавленный, гарпун снова в руке, и кинулся на другого.

Какой-то солдат, я даже не понял, свой или вражеский, брел прямо к нашей барке, закинув голову и крича. Лицо —

сплошь кровавая маска. Он не дошел до «Ковчега», упал и исчез.

Тут же по пояс в воде появился капитан Северейн. Он держался за грудь. Когда он достиг борта, я увидел, что на бледном его лице блуждает странная улыбка. Его втащили, он сел, прислонился к мачте и тут же испустил дух.

А бой не утихал. Не утихали крики и стоны, пламя не унималось. Испанцы уже подались назад, кое-где побежали, но гезы гнались за ними. Какой-то могучий испанец с огромной оглоблей не подпускал к себе: он взмахивал, ударял, и гезы с воплями отлетали. Многие так и оставались на земле. Но вот появился Дирк Ворст и швырнул свой гарпун. Гарпун попал испанцу в плечо и, кажется, снес его начисто. Но тот не сразу упал. Мелькнула оглобля, и вот уже Дирк Ворст навзничь валится с дамбы, а за ним и испанец. Оба, видно, отдали богу души, только кровь разошлась пятном...

С ужасом смотрел я на эту резню. Руками вцепился в борт. Неужто и это называется войной? Той самой, на которой мечтал отличиться Адмирал Тюльпанов?

Мы взяли Кирк-вее. Занялось пасмурное утро, горизонт на востоке подплыл розовым пятном. Это небо впитало в себя избыток крови, пролитой ночью.

На палубу вылез продрогший Лис и проговорил, стуча зубами:

— К-кошмарная ночка б-была, как в п-преисподней... А я видел Грота, он лихо крошил испанцев. Наверное, и Эле где-то поблизости...

А я думал о том, что приближается еще одна ночка. Ведь завтра кончатся две недели после разговора со Слимброком.

У СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЫ В ПОЛНОЧЬ

Про Эле и Грота скажу дальше. А сейчас хочу чуточку забежать вперед и сразу перенести вас в старый, заброшенный дом мельника, что по дороге на Валкенбург.

Как я добрался туда и что было до этого, вы еще узнаете, а пока спешу рассказать самое главное. Итак, дом мельника, тот самый, где я подслушивал разговор Слимброка и Железного Зуба.

Полночь. Трепещет свеча. Я дожидаясь Адриана Слимброка, брата Герциано, Огневика или кого там еще.

Вы удивились? Вы думали, я не пойду? Вы спросите, что

за отчаянный шаг? Зачем я поддался козням Слимброка? На это не так-то легко ответить, особенно сейчас, когда дело и самому не ясно, когда я не уверен до конца, что Слимброк придет, когда неизвестно, какие припас он козыри. Когда ничего, ничего до конца не известно, и только осталось ждать, только надеяться на свою звезду, а она горит на небосклоне, моя зелененькая, — звезда, которую я давно выбрал и назвал своей.

Вы спросите: «Неужели ты, Кеес, глупый мальчишка, надеешься снова увидеть отца?» А вы не спрашивайте, ничего не спрашивайте! Вон моя зелененькая, камешком острым висит у окна, а молчит. Значит, чего-то знает. Я верю звездам, по ним находят дорогу.

И вот далеко за полночь слышалась мягкая поступь копыт. Кто-то подъехал. Потом дверь отворилась, и вошел Слимброк. Один, с ним не было никого. Не было отца! Он сел за стол перед свечой и посмотрел на меня.

— Я знал, что ты придешь, Кеес.

— Я тоже вас ждал, хозяин.

— Так где же мой Мартин?

— А где мой отец?

Слимброк посмотрел с кривой улыбкой.

— Здесь Мартин?

— Как договорились, хозяин, поблизости. Ночует недалеко в шалаше. Но пока не увижу отца, не приведу Мартина.

Слимброк вздохнул.

— Отец твой уже на свободе. Я крепко держу слово. Но сюда он не успел добраться. Отца ты увидишь завтра, но только после того, как отдашь мне Мартина.

— А если не поверю, хозяин?

— Тебе не остается ничего другого. Теперь уж я не выпущу тебя, пока не покажешь, где Мартин.

— А потом отпустите?

— Конечно.

— А если не поверю, хозяин?

— Послушай, Кеес, ведь я без тебя могу обыскать окрестности. Уж как-нибудь да найду шалаш.

— А если он не в шалаше?

— Слушай, Кеес, я знаю, что ты привел Мартина, иначе бы не пришел. Я все знаю, Кеес. А главное, что ты не уйдешь, пока не покажешь мне Мартина.

— Хозяин, откуда вы знаете, что Мартин со мной?

— По глазам вижу. Ну, мне надоела твоя болтовня. Поговорим о деле.

Слимброк вынул из-за пояса нож.

— Если через полчаса не увижу Мартина, ты убедишься, что нож этот очень острый.

— Ой, я боюсь, хозяин!

— Правильно, что боишься.

— Ладно, согласен. Только потом отпустите меня.

Я сунул два пальца в рот и коротко свистнул. В дверях появился Рыжий Лис. Не глядя на своего отца, он прошел и сел рядом со мной.

— Вот так-то лучше, — процедил Слимброк. — Здравствуй, сынок. Что-то давно не виделись.

— Здравствуй, папаша, — смиренно сказал Рыжий Лис — Мартин. А сам сидит бледный — как видно, волнуется.

— Ты что-то, сынок, загулял. Вышел на улицу погулять и вот уже целый год гуляешь.

— Полтора, папаша, — аккуратно поправил Лис.

— Подрос, подрос... Ну, собирайся в дорогу.

— Далекая дорога? — спросил Лис.

— Далекая, ох, далекая, сынок!

— А я хочу с Кеесом, мне с Кеесом жалко расставаться.

— И Кеес пускай собирается, вместе пойдете.

Лис глянул на меня и пояснил:

— Это папаша на тот свет думает нас проводить.

Хоть и волнуется Лис, но всегда что-нибудь брякнет.

Слимброк посмотрел подозрительно.

— Что-то вы, друзья, героями держитесь. Уж не затеяли какой-нибудь пакости? Но вам-то меня не перехитрить.

— Что вы! — сказал я почти с отчаянием. — Хозяин! Ничего мы не затеяли. Забирайте своего Мартина, а меня отпустите, только скажите, где завтра увижусь с отцом!

— Ну ладно, хватит играть в прятки, парень. Неужто не понял еще, что знать ничего не знаю я о твоём отце.

— Знаете!

— Не знаю, — мрачно сказал Слимброк. — Сгинул твой отец, давно сгинул.

— Я ведь предупреждал тебя, Кеес, — сказал Рыжий Лис. — Папаша умеет морочить головы насчет пропавших родственников. Правда, папаша?

— Никак не пойму, — пробормотал Слимброк, — чего они петушатся?

— Значит, вы обманули меня? — сказал я горько. — Значит, отец не придет?

— Нету отца. Давно сгинул, — ответил Слимброк.

В эту минуту дверь отворилась. Колыхнулось пламя свечи. Кто-то огромный вошел пригибаясь и встал у порога. Слимброк оглянулся и онемел. Замерли и мы.

— Здравствуй, Адриан, — простуженным басом глухо сказал вошедший. — Давно я тебя ищу.

— Ты?! — чуть ли не шепотом выдавил Слимброк. — Дьявольщина... проклятье...

— Дьявольщины нет никакой, — сказал человек. — Просто я вернулся, Адриан. — По-прежнему он оставался в тени. — Пора нам теперь рассчитаться.

— Дьявольщина... — снова пробормотал Слимброк. — Ну так даже лучше... Люди! — крикнул он. — Эй, кто там? Сюда!

В сторожку ворвался Железный Зуб. Он сопел, озирался. В руках у него пистолеты.

— Где остальные? — быстро спросил Слимброк.

— Дом окружили.

— Тогда... — Слимброк криво усмехнулся. — Этих мальчишек связать, утопить... И того. — Слимброк кивнул на стоя-

щего в тени. — Чтоб не выкидывал дьявольские штучки...

— Да ведь, хозяин... — Железный Зуб почесал затылок и плюнул смачно на пол. — Я бы, как говорится, рад... Только... того, наоборот мне приказано. Тебя вроде связать...

— Что ты мелешь? — процедил Слимброк. — Свихнулся? Мало тебе денег заплачено? Ублюдок!..

— Так ведь деньги, хозяин, они, конечно, деньги... Только приказано... А я... того... — Железный Зуб опасливо показал пальцем в потолок. — Душу, стало быть, продал... Сам говоришь — дьявольские штучки. Выходит, сегодня я не тебе подчиняюсь, а его святейшеству, то есть... тьфу! — Железный Зуб снова показал в потолок. — Стало быть, его преосвященству, т-ссс... — Он приложил палец к губам.

— Измена, — глухо сказал Слимброк и вдруг метнулся к столу, где лежал его нож.

Но раньше из темноты выступил человек и крепко схватил его за руку.

Отец!

ОТЕЦ

Да, это был он, мой отец. Корабельный плотник Питер Схаак из города Лейдена, пропавший три года назад во время наводнения. Вы, может, уже догадались, а если еще не догадались, то подскажу, что встречу в сторожке мы подготовили и разыграли, а Слимброк остался в дураках. Своего же отца я видел раньше. Вышло это так.

После штурма Кирк-вее начали рушить проходы в плотине, подбирать раненых и готовиться к нападению на Зутервуде, где еще оставался испанский гарнизон.

Вы помните, Лис мне сказал, что во время ночного боя заметил Грота. Мы тут же решили поискать Эле. На здоровенном обломке сгоревшей барки с чьим-то копьем вместо шеста мы стали объезжать суда флотилии.

Эле нашли довольно скоро, она спала на корме лодки, завернувшись в большой плащ. Тут же сидел Пьер. Он нас первый заметил и залаял.

Эле нам очень обрадовалась, да и я, как оказалось, по ней скучал. Эле сразу защебетала про своего Грота, сказала, что он работает на проломе дамбы, и тут же забралась на наш неуклюжий плот. Мы отправились знакомиться с Гротом.

На дамбе с кирками, лопатами и ломами работало много

людей, но среди них выделялся один очень высокий. Эле окликнула, человек бросил лом, подошел, и что-то очень знакомое, до боли знакомое поразило глаза... Человек тоже не отрываясь смотрел на меня. Вдруг кинулся, схватил меня, поднял. Отец!..

Не буду рассказывать вам, что почувствовал. Может, ничего не почувствовал, потому что сначала все онемело, жизнь обернулась сном. А уже через час казалось, что никогда я с отцом и не расставался.

Голландец Грот, тот самый, о котором не раз я слышал от Эле, оказался моим отцом! Стало быть, Эле теперь мне сестренка! Вот уж и вправду такое случается в жизни, что нарочно не придумаешь!

Подробности о возвращении отца вы еще узнаете. А пока о Слимброке. Конечно, я и не помышлял идти в заброшенный домик мельника, на что мне было тогда рассчитывать? Правда, все время чувствовал, что об отце он все-таки что-то знает.

Теперь же, когда отец был со мной, все изменилось. Еще из рассказа Эле я знал, что у Грота, то есть моего отца, крупные счета с Адрианом Слимброком. За отцом — как за каменной стеной. Теперь идти на Слимброка нам было не страшно. Уж больно много грехов скопилось у этого человека. Кроме того, не забывайте о взрыве. Кто знает, может, со дня на день рухнет городская стена, испанцы ворвутся в город и прахом пойдут наши жертвы: затопленная земля, разрушенные дамбы, гезы, погибшие в отчаянных схватках...

Мы решили рискнуть, и действовать приходилось одним. Буазо не дал бы ни одного человека, все на счету. Тем более, предстоял штурм Зутервуде.

Он начался сразу после того, как сделали проходы в дамбе, и наша флотилия вышла на затопленные низины Рейнланда. Атака была короткой и успешной, испанцы бежали по дороге на Гаагу, а та, хоть и приподнята была над местностью, быстро исчезала под водой. Не многие из испанцев спаслись, большая часть гарнизона нашла свою гибель под неглубоким слоем голландской воды.

Отсюда до старой мельницы кружным путем мили четыре. Это слева от Лейдена. Слимброк знал, какое выбирать место: там хозяйничали испанцы. Правда, теперь, когда у Кирквее и Зутервуде они потеряли не меньше полка, вряд ли можно было ожидать, что есть хоть один испанский пост до самого Валкенбурга.

Мы взяли лодку и по затопленным польдерам добрались

до Воорсхотерского канала, а там пошли прямо в нужное место. Воды здесь уже не было, держали нетронутые плотины. По дороге решали, что делать.

Конечно, если Слимброк придет, то придет не один. Поэтому в доме его дожидаться не было смысла. Мы рассчитывали устроить засаду около дома, — может, удастся в темноте отделить его от телохранителей. В общем, сначала решили все хорошенько разведать.

Но нам повезло сразу. До мельницы мы добрались еще за светом, и Лис из кустов увидел Железного Зуба.

Тот зашел в домик мельника и принялся накачивать себя пивом. Теперь стало ясно: Слимброк рассчитывает на разбойника. Только вряд ли, конечно, он велел ему появляться здесь в такую рань.

Мы применили старый способ. Лис вломился к Железному Зубу, опять его насмерть перепугал, махал перед носом распиской, по которой тот продал мне душу, а потом передал распоряжения от имени «его святейшества» сатаны. Железный Зуб мигом перешел к нам «на службу».

Ну, остальное вы знаете. Добавлю только, что Слимброка связали и на лодке тем же путем привезли в Зутервуде. Здесь мой отец обещал ему справедливый суд, и если Слимброк найдет, чем защищаться, то может надеяться на спасение...

Железному Зубу Лис приказал убираться из Голландии, но помнить, кто его господин. Железный Зуб поклялся, что так и будет.

Напоследок он сделал признание. Железный Зуб, которого многие боялись, вовсе не он, а его брат. Братцу он очень завидовал. В конце концов украл у того страшный шлем со стальным рогом, собрал шайку и решил попытать счастья под его именем. Только все время не везло. Разбойник спросил у Лиса, не потому ли и не везет, что его святейшество сатана отправляет удачи настоящему Железному Зубу? Не поменять ли поэтому имя, чтоб не было путаницы в дьявольской канцелярии?

Лис глубокомысленно задумался, а потом присвоил самозванцу имя Оловянного Зуба. С тем его и отпустил.

Когда я рассказывал, как отец вошел в дом мельника, то, кажется, назвал его огромным. А ведь он просто очень высокий, но никак не огромный, даже худой. Но тогда он и вправду показался мне огромным, больше всех на земле. Меня до сих пор распирает от гордости, что у меня есть отец. Эх, вам того не понять, если не довелось побыть сиротой. Да и не ста-

ну вам особенно надоедать тем, как счастливы были мы, что нашли друг друга. Этого никакими словами не расскажешь. Оттого, может, и глава получилась короче, чем я рассчитывал.

Но вас ожидает следующая.

СУД

Слимброка судили на «Дельфтском ковчеге», среди гезов нашелся бывший судья, он и взялся за дело. Одетый в черный плащ, судья устроился на шкафуте около мачты. Здесь же сидел Слимброк и все мы. Гезы нас окружили кольцом, многие собрались с других кораблей, чтобы послушать суд.

Начал отец:

— Господин судья! Друзья! Я расскажу вам мою историю, потому что немалую роль в ней сыграл человек, которого мы сегодня судим. Вы помните то большое наводнение, которое случилось четыре года назад?

— Помним! — сказали гезы.

— Тогда я на лодке спасал утопающих, но лодка перевернулась, меня унесло далеко в море. Там подобрал меня корабль купца Адриана Слимброка. Вы видите его перед собой. На корабле был еще один купец по имени Винтеркениг. Этот человек владел фабрикой голубого сукна, он знал секрет голубой краски. А как вам известно, голубое сукно в Голландии редкость... Друзья! — говорил отец. — Я буду рассказывать коротко, вы не устанете. Так вот, обессиленный, я пролежал на корабле несколько дней. Тем временем мы пришли в порт Вардегус, на самом севере Скандинавии. Узнав, что я корабельный плотник, Адриан Слимброк обещал мне скорую дорогу домой, если я помогу строить дощаники, для того чтобы развозить товар по рекам. Так и попал в те земли, где круглое лето день, а зимою ночь.

— О! Это очень далеко! — сказали гезы.

— Так чем же собирался торговать Адриан Слимброк? Вы думаете, трюмы его корабля были полны товаром? Ничуть не бывало! Товар он получил только в Вардегусе от фогта Вардегуса Эриха Мунка. Слышал кто из вас об Эрихе Мунке?

— Слышали! — закричали гезы. — Знаем мы Эриха Мунка! Пират и грабитель! Он сбывает награбленный товар!

— Точно такой товар получил Адриан Слимброк! Но это еще ничего! Он убил своего собрата Винтеркенига, а подстроил

так, что обвинили местных жителей. Он убил Винтеркенига, чтобы украсть из его шкатулки пергамент с описанием состава голубой краски, стать единственным обладателем секрета. В Лейдене, как мне сказали, он открыл мастерскую голубого сукна. Я был невольным свидетелем убийства Винтеркенига, поэтому мне пришлось бежать с корабля Слимброка. Я добрался в ливонский порт Ревель, чтобы найти голландский корабль, но и там столкнулся со Слимброком. Он пытался убить меня. Ему удалось похитить вот эту девочку, которая стала мне в дальних краях вместо дочери, но бог хранил ее от гибели.

Отец погладил Эле по голове.

— Что скажет на это Адриан Слимброк? — спросил судья.

— Все это чистейшая клевета, — сказал Слимброк. — Бред сумасшедшего, у этого человека нет ни одного доказательства!

— Пусть девочка расскажет! — закричали гезы. — Детские уста не лгут!

И Эле все подтвердила, но добавила, что Слимброк был огненно-рыжим, за это прозвали его Огневиком. Тогда мой отец подошел к Слимброку и сдернул с его головы поддельные черные волосы, но под ними не оказалось ничего. Слимброк был обрит наголо. Он закричал:

— Я всегда был лысым! Вы убедились, что это наговор, как и все остальное!

Тут все заговорили:

— Он увертлив, как ящерица! Допрашивать пыткой! Несите клещи, раскалим и пощупаем бока!

Тут же появились клещи и жаровня. Очень бледный, глядел Слимброк, как опускают в огонь железо, и вдруг закричал:

— Нет! Не надо! Я признаю!

— Но это не все, — сказал мой отец. — Ведь я только начал, другие продолжают. Вы не знаете главного, господин судья. Этот человек состоит тайным членом иезуитского ордена, изгнанного из всех городов Голландии. Спрашивается: что он делает на нашей земле?

— Неправда! — сказал Слимброк. — Я никогда не состоял в ордене!

— Здесь его сын по имени Мартин, — сказал отец. — Может быть, послушаем его?

— Вы не имете права учитывать показания моего сына! — закричал Слимброк. — Он может позариться на наследство!

— Это правда, — сказал судья, — родственники — плохие свидетели в суде.

— Тогда послушайте моего сына, Кееса.

— И он не имеет права свидетельствовать! — закричал Слимброк. — Этот мальчик работал в моей мастерской, и, может по недосмотру, я ему недоплатил! Он захочет мне отомстить!

Я подтвердил, что работал у него в мастерской.

— Твои показания также могут быть несправедливыми, — сказал судья. — К тому же ты сын обвинителя, и твои слова все равно что его.

— Да разве не видно, какой это негодяй! — закричали ге-

зы. — Повесить без всяких показаний! Хватит заниматься крючкотворством!

— Ты, стало быть, отрицаешь, что состоишь тайным членом иезуитского ордена? — спросил судья.

— Отрицаю! — сказал Слимброк.

— Подвергнуть пытке! — заорали гезы. — Щипцы раскалены!

— Хорошо! Не отрицаю! — выкрикнул Слимброк. — Но вождь ваш Оранский запретил преследовать за принадлежность к любому ордену! Судите за дела, а не за веру!

— А чем ты, иезуит, занят сейчас в Голландии? — спросил судья. — Ваша деятельность в Голландии запрещена.

— Я занимаюсь только своей мастерской, — ответил Слимброк. — Я крашу сукно и продаю торговцам. Разве за это судят? Всё, в чем обвиняют меня, произошло далеко. Да, я убил Винтеркенига, но вовсе не из-за голубой краски. Я честный человек. Я даже признаюсь, что плавал в дальние края не для того, чтобы нажиться. Я плавал по поручению ордена, который еще не имеет своих коллегий в тамошних местах! Я должен был выяснить, как местный народ относится к католичеству. Как видите, я рассказываю больше, чем меня спрашивают. Я честный человек! Может быть, в чем-то и виноват. Но все это было два года назад, притом далеко отсюда! Вы не имеете права судить за то, что случилось не в Голландии. Такое положение записано в судебных законах многих голландских городов!

— Да, такое положение есть, — подтвердил судья.

Слимброк торжествовал.

— Вы только можете выслать меня за пределы Голландии. На это я согласен.

— Пусть даст письменное обещание, что никогда не появится в наших местах, — сказал отец.

— Дай обещание, — подтвердил судья.

Принесли бумагу, перо, и Слимброк подписался под словами о своем изгнании.

Отец взял бумагу и сказал:

— Постойте!

Тут вышел я и показал судье небольшую бумажку. Вы ее помните. На ней Железный Зуб дал мне расписку в том, что продал душу. Шарил он по карманам тогда впопыхах и вынул первое, что попало, не посмотрел на обратную сторону.

Так вот на обороте расписки Железного Зуба была другая расписка. Та самая, которую он взял со Слимброка за предстоящее убийство Молчаливого.

Судья прочитал:

— «Дана настоящая расписка жителю Нидерландов Железному Зубу в том, что убийство заговорщика Вильгельма Оранского, по прозвищу Молчаливый, не является грехом, а, напротив, святым деянием, что подтверждается членом святого ордена Адрианом Слимброком с присовокуплением пятисот флоринов задатка. 16 июля 1574 года. Подпись: Адриан Слимброк».

Судья взял только что написанную Слимброком бумагу, посмотрел и добавил при общем молчании:

— Почерк и подписи совпадают.

Слимброк помертвел. Ему ли не знать, что заговор на жизнь принца в Голландии карается жестокой казнью.

Отец подошел к судье и что-то прошептал на ухо.

— Адриан Слимброк! — сказал судья. — Участь твоя решена. Тебе предстоит казнь с переломом рук и ног раскаленными прутьями, а затем четвертованием. Но ты заслужишь простого повешения, если сделаешь одно признание.

Тут мой отец подошел к Слимброку, встряхнул его, посмотрел в глаза и произнес:

— Назови день и час взрыва городской стены в Лейдене.

Этот вопрос был приготовлен на всякий случай. Никто уже не верил, что изменникам удастся взорвать стену, ведь освобождение города близко. Как же мы изумились, когда, еле ворочая посиневшими губами, Слимброк прошептал:

— Полночь на пятое октября.

— Место? — быстро спросил отец.

— У Бургундской башни.

— Сегодня второе число, — сказали гезы. — Мы освободим город раньше!.. Смерть заговорщику!

— Смерть! — сказали остальные. — Да здравствует принц Оранский! Да здравствуют гезы! Славься, Голландия!

ТРЕТИЙ ВЫСТРЕЛ

Адриану Слимброку вынесли смертный приговор. Назначили казнь на завтра, а пока принесли ему вдоволь вина и мяса. Но он ничего не ел.

Адмирал Буазо смотрел в подзорную трубу на форт Ламмен.

— Не миновать нам форта, — процедил он. — Вода еще слишком мелка, обойти не удастся.

— Да и нельзя обходить, — добавил Сметсе Смее. — Нам гнать их надо, а если атаковать, то отсюда.

— Атаковать, — пробормотал Буазо. — Хочешь, чтоб я полфлотилии положил?

Но все понимали, что иного пути нет. Нельзя даже выждать. После побед, когда мы так потрепали испанцев, надо штурмовать Ламмен с ходу, пока они не оправились, не подтянули силы.

— Дьявол! — Буазо стукнул кулаком по борту. — Это самый крепкий орешек! Хорошо еще, знаем силы, а то бы су-

нулись наобум! Собрать капитанов! Завтра будем атаковать, антонов огонь им в глотку!

Потом он направил трубу на Лейден.

— Я приказал послать голубя с просьбой, чтобы лейденцы помогли атакой форта с тыла. В котором часу послан голубь?

— В девять утра, адмирал.

— Так почему они не отвечают, черт подери? — закричал Буазо. — Что они там, заснули? Не вижу ни одного человека на стенах! Или город уже взят испанцами, а мы здесь толчемся напрасно?

— Ночью было тихо, адмирал, никаких признаков штурма.

— При такой караульной службе, какую сейчас наблюдаю, без всякого штурма можно брать Лейден! Голыми руками!

— Они умирают от голода, адмирал.

— Полгода держались, потерпят еще пару дней! Так где капитаны, черт подери? Я приказал собрать капитанов! Сколько мне ждать?

Буазо нервничал. Он был целиком занят предстоящей атакой Ламмена. А я подумывал: вдруг не одолеем форт или задержимся на пару дней? Тогда в ночь на пятое октября взорвут стену у Бургундской башни. Интересно, знают ли испанцы о времени взрыва? Готовятся ли к штурму? Или им не до этого, главные силы они повернули против нас? Если о часе взрыва должен сообщить Слимброк, то он ведь у нас. Но, может, он сообщил раньше? Вопросов много.

Тут нам сказали, что отца зовет Слимброк. Мы подошли. Слимброк сидел прикованный к мачте тяжелой цепью. Лицо его было спокойно. Он сказал:

— Питер Схаак, я большой грешник, но я не зову священника. Не стану перечислять, кого я убил. Это был не один Винтеркениг. Я многих обманывал, но перед смертью хочу сказать правду и успокоить ваши сердца. Взрыва не будет. Мы долго готовили его и думали успеть к пятому. Но нам не хватило пороха. Такой щепотью, какая была у нас, не взорвешь даже забор. Ты можешь послать человека в Лейден и убедиться. У самой Бургундской башни приготовлено место для закладки. Там кирпичи легко вынимаются, но пороха нет. Взрыва не будет. Просто я хотел заработать себе легкую смерть, ведь требовалось признание, а тому, что говорю сейчас, вы бы не поверили. Теперь верьте. Адриан Слимброк

другой человек, чем больше мук испытает, принимая смерть, тем больше искупит свою вину напоследок. А теперь уходите. Я буду читать молитву.

— Это хорошо, что ты одумался, — сказал отец. — Но взрыва ведь все равно бы не было. Мы освободим Лейден раньше.

— Мне безразлично, — ответил Слимброк. — Отойдите. И мы отошли.

Тут к борту подвалила шлюпка, оттуда крикнули:

— Эй, кто тут Корнелис Схаак?

Я подбежал к борту.

— Мы только что из Дельфта, — сказал человек в шлюпке. — Доставили пакет от Оранского. Тебе же велено передать, что какой-то горбун, вроде твой приятель, помирает. В доме Бейсов он помирает. А тебя, если захочешь, велено прихватить в Дельфт. Стало быть, прощаться с тем горбуном. Все это Эглантина, племянница Бейса. Передай, говорит, мол, горбун помирает!

Я заметался. Умирает Караколь! Почему умирает? Почему?

— Так едешь ты с нами или нет? — крикнули со шлюпки. — Через два часа в Дельфте будем, гребцы хорошие!

— Отец! — сказал я. — Караколь умирает. Я — в Дельфт! Там Караколь умирает! Я скоро вернусь, ты не волнуйся! Лис! — закричал я. — Лис, прыгай в лодку! Ты слышал?

— Я никуда не поеду, — мрачно сказал Рыжий Лис. — У тебя Караколь, у меня папаша. Как думаешь, должен я проводить на тот свет папашу, какой он ни есть?

Я махнул рукой и прыгнул в лодку.

— Отец! — крикнул я. — Скоро вернусь! Я вечером тут уже буду.

В Дельфт! В Дельфт! Что с Караколем? Может, не умирает? Может, еще останется жить? Где его угораздило? Я сел на одно весло и греб как ошалелый, ничего не видел кругом, а через два часа мы уже были в Дельфте, который стоял на зеркальной глади затопленной равнины, как остров.

Вот и дом Бейсов, я дергаю колокольчик, открывает Эглантина, ведет меня в комнаты. На кровати полулежит Караколь, весь перевязанный, мне улыбается.

— Что такое? — кричу. — Почему умираешь?

— Да я вовсе не умираю, — говорит Караколь.

— Как? Где тебя ранило?

— Да пустяки. Помнишь того лейтенанта Шевалье?

Прежде чем меня отпустить, он еще раз стрелял, только бутылку на плечо поставил. Вот и поцарапал, даже не пулей, а так, бутылка-то вдребезги разлетелась. Я, брат, и в постели лежать не хочу, все Эглантина заставляет.

Тут Караколь вылез из-под одеяла, стал прохаживаться по комнате, подпрыгивать и показывать мне, что жив и здоров.

— Проклятье! — закричал я совсем как адмирал Буазо. — Зачем я сюда примчался? Люди там воюют, а вы...

— Да это не я, — оправдывался Караколь. — Это Эглантина.

— Да, я! — сказала Эглантина. — Я тебя вызвала, Кесес! Как было иначе оторвать тебя от воинских забот? Да еще, говорят, твой отец нашелся. Но ты, видно, забыл, о чем мы беседовали в форте Ламмен? Ты, говорят, был в Лейдене, но даже не передал мне, как там дела! — Лицо Эг-

лантины пылало. — Ты видно, не знал, чем я рисковала, когда сообщила о взрыве стены! Тебе, а не кому-нибудь другому! Тебе я доверила такой важный секрет... И что же, проходит чуть ли не месяц, я мучаюсь, ночей не сплю, все жду — вот-вот сообщат о взрыве и взятии Лейдена! А ты! Ты в Лейдене побывал, все разузнал и не мог послать мне коротенькой записки!

— Да постой... — начал было я, но Эглантина не унималась.

— Ты думаешь, я на базаре слышала о взрыве? Думаешь, мне это ничего не стоило? — кричала она. — Да, может, вся моя жизнь прахом пойдет, если один человек про это узнает!

Тут дверь отворилась, Эглантина ахнула, и все мы увидели на пороге дона Рутилио. Он не отрываясь смотрел на Эглантину. Лицо его исказилось.

— Прошу прощения, — выговорил он с трудом. — Я, ка-

жется, пришел не вовремя и, по несчастью, слышал ваши последние слова.

— Ты? — пролепетала Эглантина. — Откуда?

— Еще раз прошу извинения, что не вовремя, — сказал дон Рутилио. — Я спешил к вам, я оставил дела, свои батальоны, и вот на пороге вашей комнаты я слышу...

Дон Рутилио презрительно посмотрел на меня, на Караколя.

— Опять этот горбун, этот мальчишка... А главное, беседы о взрыве... Стало быть, вы подслушивали мои разговоры, сударыня? Узнали тайну, которая принадлежит не вам, даже не мне, а королевству... Вы предали меня, сударыня...

— Что ты говоришь! — закричала Эглантина. — Я первый раз слышу, как ты говоришь о взрыве! Я это узнаю не от тебя!

— А от кого же? — холодно спросил капитан.

— От Магдалены Моонс! Она ведь моя подруга. Я встретила ее в Лейдердорпе. Она тайно приезжала к полковнику Вальдесу, так же, как я к тебе! Мне Магдалена сказала!

— Вы и ваша подруга шпионки, сударыня! Вы предали нашу любовь!

— Что ты говоришь, одумайся!

— Разве мы не клялись взаимно, что не станем воевать друг против друга. Оказывается, ваши клятвы сводились к тому, чтобы выведать у меня военные секреты!

Эглантина вспыхнула.

— Вы что, капитан, совсем ошалели? Простите такие слова... Я сказала, что не от вас слышала о взрыве, зато узнаю, что к этому взрыву имеете отношение и вы! Так-то вы поняли клятву не воевать друг против друга? Вы полагали, что я буду сидеть сложа руки, в то время как вы подкупаете изменников в городе? Я голландка, сеньор!

— А я испанец, — процедил дон Рутилио. — И сделал ошибку, доверившись голландке. А доверять, как я вижу, следует только истинным христианам!

— Да как вы смеете меня оскорблять! — закричала Эглантина. — Вон! Ступайте к вашему мерзкому королю!

— Не раньше, чем смою оскорбление, — пробормотал дон Рутилио. — Не раньше, чем искуплю вину перед отечеством!

— Ха-ха! — засмеялась Эглантина. — Да чем вы собираетесь смывать вину? Уж не моей ли кровью, храбрый капитан?

— Именно, — сказал дон Рутилио, губы его дрожали. Он вынул из-под плаща пистолет. Мой трехствольный пистолет!

— Валяйте! — кричала Эглантина. — Храбрец! Как я рада!

— Шпионка! — сказал дон Рутилио. — Шпионка была моей возлюбленной.

Он поднял пистолет.

— Вы что? — завопил Караколь. — Эй! Ненормальный! Стойте, вам говорю, стойте!

Он кинулся к дону Рутилио. В ту же минуту грохнул выстрел. Караколь нелепо взмахнул руками, подпрыгнул и упал. Пуля попала в него. Все онемели. Дон Рутилио, опустив пистолет, смотрел с недоумением. Так продолжалось несколько мгновений. Потом мы услышали голос, чуть ли не шепот дона Рутилио:

— Мадонна, я хотел ее убить...

Он бросил пистолет и вышел, качнувшись.

А Караколь лежал на полу. Пуля попала ему в грудь. Там расплывалось темное мокрое пятно. Рядом валялся трехствольный пистолет голландской работы, тот самый, который с неразряженным третьим стволом бросил Караколь на валкенбургской дороге.

— Третий выстрел... — прошептал Караколь. — Кеес, он и вправду достался мне. Как я рад... Вместо нее...

Эглантина просто окаменела. Она сидела рядом с Караколем и смотрела ему в лицо.

— Возьми меня за руку, — прошептал Караколь. — Кеес, ты сними горб, неудобно...

Я расстегнул ему куртку, отвязал ремни и осторожно вытащил горб.

— Положи под голову, — сказал Караколь. — Сегодня день моего исцеления... Эглантина, — сказал он, — я не смел при тебе снять этот горб, я не смел выбросить любовь из гру-

ди... Любовь к тебе была моим увечьем... Ах, как я рад... Кеес, наклонись ко мне. Я что-то тебе скажу.

Я наклонился. Он прошептал:

— Посадишь тюльпан на моей могиле?.. Тот, красный...

— Ты не умрешь, — сказал я. — Не умирай, пожалуйста, не умирай...

— Конечно, не умру. Это когда-нибудь... Кеес... Ты слышишь?

— Я слышу тебя, я слышу...

— Пусть твое сердце будет горячим, как тюльпан... Давно я хотел это сказать... Адмирал Тюльпанов — это Адмирал Горячих Сердец... Эглантина... — прошептал он и дышал уже очень тяжело.

Она не ответила, только ниже к нему наклонилась, сжала руку. Я не выдержал и заплакал. Я сказал:

— Караколь, тебе больно?

А он ответил:

— Нет, мне хорошо...

И это были его последние слова.

НА РАССВЕТЕ

Как потерянный бродил я по Дельфту. Караколь умер. Он умер. Куда идти? Эглантина все так же сидит около него и держит за руку, а рука похолодела. Я вышел на улицу и вот хожу как потерянный.

Не знаю, какую уж петлю сделал около дома, как вдруг увидел Рыжего Лиса. Он совсем запыхался, он бежал.

— Кеес! — крикнул он.

Впервые назвал меня «Кеес». А я сказал:

— Караколь умер. Капитан Рутилио застрелил его вместо Эглантины. Он грудь поставил. А теперь умер. Эглантина все там сидит, как будто окаменела. А ты чего?

Тут Лис сел прямо на землю и захныкал. Лис говорит:

— А я папашу своего отпустил. Какой-никакой, а все же папаша. Но я не задаром его отпустил.

— Мне все равно, — сказал я ему. — Отпускай кого хочешь. Какая разница?

— Так я не задаром же отпустил, — говорил Лис и размазывал слезы. — Плохо вы знаете моего папашу. Про взрыв он вам все наврал, когда сказал, что не будет.

— Что же ему перед смертью врать?

— Плохо вы знаете моего папашу, — твердит свое Лис. — Я сразу понял, что он морочит вам головы. Я сразу понял. Папаша мой не такой простак.

— Значит, на суде правду сказал? Про пятое октября?

— Нет, и тогда обманул. Я это видел, глаза у него так блеснули. Плохо вы знаете моего папашу.

— Мне все равно. Это твой папаша, — говорю и чувствую, что голова как опилками набита. Ничего не понимаю, зачем Лис плачет, зачем про папашу рассказывает. Перед глазами как будто туман.

— Ничего вы не поняли, — твердит Лис. — А я сразу понял. Когда ты уехал, началось совещание капитанов. Все ушли в каюту, а папашу от мачты отвязали и посадили в трюм. Там есть каморка, снаружи на щеколду закрывается. Я подошел и говорю: «Признайся, папаша, что ты про взрыв всем головы заморочил. Сначала про пятое октября сказал, потом отказался, а на самом-то деле взрыв будет, признайся, папаша». А он отвечает: «Признаюсь, сынок». Тогда я: «Так, может, ты мне скажешь, папаша, про взрыв?» А он: «Конечно, скажу, сынок, только сначала отодвинь щеколду. Иначе, сам понимаешь, никак не скажу». Тогда я ему: «Нет уж, папаша, я тебя знаю. Сначала ответь мне, когда взрыв, а уж потом отодвину». — «Ну ладно, говорит, я тебе верю, сынок. Так слушай: взрыв нынешней ночью, если сегодня второе». — «А испанцы, спрашиваю, знают об этом?» — «Нет, отвечает, вчера, когда вы меня взяли, я должен был встретиться с капитаном Рутилио и назвать ему время. До утра он ждал меня в Ламмене, да вот вы меня схватили. Стало быть, не знают, сынок». — «А вдруг я тебя отпущу, а ты сразу к ним да скажешь?» — «Поздно, сынок. Не успеют они подготовиться к штурму, а кроме того, незачем больше мне там появляться». — «Почему?» — «Да ведь если я и кинусь, ты-то ведь гезам все равно сообщишь о взрыве, а они пошлют голубя в город. Все и откроется. Какой же тогда штурм, если стена на месте останется?» — «А где порох заложен, папаша? Ты ведь на суде говорил, что у Бургундской башни место для закладки, а оно пустое!» — «Это сначала мы там хотели порох заложить, место приготовили, а потом решили, что лучше снаружи. Там есть крепостная калитка. Так вот от нее двадцать шагов вправо, у самой воды подкоп. Стена там очень плохая, особенно дальше, где прямо в воде стоит. Известь вся вымыта, в одном месте рванешь — все рухнет». — «Ладно, говорю, я свое слово держу, папаша. Щеколду сейчас отодвину,

сам уйду, а ты выбирайся как хочешь. На палубе сейчас никого нет, а на других кораблях тебя никто не знает». Ну вот, отодвинул я щеколду и ушел, а папаша, стало быть, тут же исчез, даже я его не заметил.

— Герой, — говорю. — Ну хорошо хоть о взрыве узнал. Значит, сегодняшней ночью.

— С сегодняшней ночью.

— Голубя в город послали?

— Да в том-то и дело, что нет. Я ведь еще ничего не сказал.

— Как так? — изумился я.

— А как я скажу, подумай? Значит, признаться, что папашу я выпустил? Вдруг меня за это повесят? Вот я и кинулся в Дельфт на попутной лодке. Думаю, скажу адмиралу, а тот уж и передаст.

— Да ты понимаешь, что натворил! — закричал я. — Скоро темнеть начнет, а мы еще здесь! Засветло не успеем! А в темноте какой голубь!

— Успеем, ничего, успеем, — бормочет Лис, а сам заикается от страха. — Сейчас вот садимся в любую лодку — и туда. Как-нибудь да успеем.

Мы кинулись на поиски. Беспризорную лодку, правда, быстро нашли, а весла позаимствовали у пристани. К лодке они не подходили, но кое-как мы воткнули их в уключины.

Через полчаса мы уже гребли по фарватеру Влита на Лейден. До Зутервуде еще не меньше полутора часов. За это время темно станет — выколи глаза. Если не будет луны, так и с фарватера можно сбиться — кругом сплошное море затопленных польдеров.

Вышло — хуже нельзя. Темнота навалилась сразу, небо глухое, ни месяца, ни звездочки. Лис говорит:

— Давай забирай вправо. Зутервуде правее Влита.

Забирали мы вправо, забирали и окончательно сбились. Несколько раз натыкались на незатопленные островки земли. То дом вдруг надвигался из мрака, то дерево. Но ни одного огонька, люди ушли из этих мест. Три раза путь преграждали плотины, и мы долго шли вдоль, чтобы потом свернуть в какой-нибудь канал.

Мы заблудились! Руки истерли в кровь, отчаялись. Я говорю:

— Эх, Рыжий! А вдруг папаша твой сразу к испанцам подался и сказал о взрыве?

— Нет, — говорит Лис. — Я знаю папашу. Он побоится. Скажет о взрыве, а его нет. Испанцы за это не помилуют.

— Да как же нет взрыва? Теперь только и слушай, как грохнет.

— Не знают все равно испанцы. Папаша туда не пойдет. Он осторожный. Нет, не пойдет папаша.

Ладони просто горят. Мы отдыхаем, а потом снова гребем. Все ждем — вот-вот покажутся огоньки флотилии. По нашим подсчетам, и полночь давно прошла, но ничего не слышно. А ведь мы крутимся, может быть, милях в двух, а может быть, в трех от Лейдена, так что и выстрел дошел бы до нашего слуха.

Я оторвал кусок от рубашки и перетянул ладонь, но боль ничуть не унялась, кровь пропитала лоскут. Пускай болит! Пусть ноет спина и сводит ноги! Только бы не думать ни о чем! Ни о Караколе, ни о Лейдене, где порох заложен под стену. Лучше я буду вспоминать отца! Вот он, высокий, исхудавший, подходит ко мне, поднимает на руки... У меня есть отец!..

Вдруг слева раздался грохот. Такой утробный, как бы из-под земли. Стена! Мы разом перестали грести.

— Проклятье! — сказал я. — Взорвали!

— Взорвали, — шепотом повторил Лис.

Долго мы слушали молча. Тишина. Может, не стену взорвали? Нет, ее. Негромко так рвануло, но основательно, даже лодка слегка качнулась. Что сделают испанцы после взрыва? А горожане? И широкий ли пролом в стене?

Тут показалось, что лодку слегка понесло вбок.

— Течение! — сказал Рыжий Лис. — Мы в реку попали.

И точно. По мелкой воде угодили в глубокую. Какая же это река? Неужто Рейн? Стало быть, мы давно проскочили Зутервуде, сделали такой крюк, и теперь нас несет в Лейдердорп, прямо к полковнику Вальдесу?

— Это Рейн, не иначе, — сказал Рыжий Лис. — Видишь, как волокет.

Мы уже собрались бороться с течением и поворачивать на Зутервуде, как впереди увидели неясное свечение, какое-то мигание.

— Стой, — говорю, — вот дерево, давай причалим, залезем и оттуда посмотрим, чтобы не путаться больше.

Мы привязали лодку к толстому суку, висевшему над водой, и по нему перебрались на дерево. Лезть вверх по ветвистому толстому стволу было не трудно — только ноги пере-

ставляй. Мы забрались высоко, где листья пореже, и увидели вот что.

Далеко в темноте ночи медленно плыли сотни светлячков. Они текли струйками, сливались, вертелись хороводами, снова распадались и соединялись вновь, вытягивались в длинное шествие.

— Это души покойников, — шепнул Лис. — Они по ночам бродят со свечками. Видно, сбор у них какой, а может, в другие страны переселяются.

Как зачарованные смотрели мы на рой ночных огоньков. Он раскинулся по всему горизонту, вытягивался все дальше и дальше. Если это души покойников, думал я, то, может, и Караколь уже среди них со своей свечкой? И Боолкин? Пускай бы они встретились, взялись за руки и вместе пошли. Так ведь легче.

Долго мы глядели на медленный танец огней. Тут вдруг Лис заворочался, сплюнул в воду и говорит:

— Слушай, адмирал, а ведь это не покойники...

— А кто же?

— Это испанцы уходят.

— Как испанцы?

— Вот так, испанцы. Уходят, смываются! Мы ведь по Рейну шли, значит, Лейдердорп перед нами. А в Лейдердорпе кто? Испанцы! Смотри, сколько огней — куча! И все двигаются в сторону Гааги. Это факелы, адмирал! Все войско испанское снялось и уходит на Гаагу! Ей-богу, адмирал, ты сам посмотри!

Теперь я увидел шествие светлячков другими глазами. Честное слово, Лис прав! Ну и голова у рыжего! Какие там покойники! Это испанцы покидают наши затопленные земли! Интересно, почему? Неужели вода их сильно подмочила? Ведь перед Лейденом есть еще несколько маленьких плотин. Хотя еще два дня хорошего зюйд-веста, и вся их армия стояла бы по пояс в воде. А на воде испанцы плохие вояки.

Неужели уходят? И знают ли это наши? Со стороны Ламмена вряд ли так видно...

Долго мы сидели на дереве, продрогли совсем. А когда последний огонек переместился на левую сторону горизонта, мы спустились в лодку и изо всех сил стали грести к Лейдердورпу. Течение нам помогало.

Темнота уже посерела, деревья стали темнее неба, утро приближалось. В этом предрассветном сумраке вы вошли в Лейдердорп, который прижался к Рейну с обеих сторон.

Пусто. Так и есть! Не видно испанского флага на ратуше, кругом ни души. В самом Лейдердорпе сухо, держат воду плотины вдоль Рейна, но окрестности залиты ровным стеклом воды. Мы с Лисом кинулись в ратушу, где был испанский штаб. Там все вверх дном! Чего только не валяется: солдатские каски, копья, котелки, молитвенники, игральные кости, какие-то тряпки...

На огромном столе я увидел лист белой бумаги, придавленный тяжелой чернильницей. На нем что-то написано, не по-нашему. Лис взял бумагу, всмотрелся, — было еще темновато.

— Тут по-латински, — сказал Лис. — Сейчас разберу.

С грехом пополам Лис понял, что там написано. Оказалось, здрасте-пожалуйста, это прощальная записка чуть ли не от самого Вальдеса. А написал он вроде того, мол, что прощай, мое уютное гнездышко в Лейдердорпе, покидаю тебя вовсе не из-за гезов, а из-за воды, которая уже подмочила мою перину. И подпись: «Маэстро де кампо Вальдес», что означает по-нашему «полковник Вальдес».

Чудной, видно, этот полковник! Кому он оставил такую

записку? Перед кем оправдывался? Тащил бы это послание сразу к королю Филиппу, который все равно его похвалит за то, что не взял Лейден. А насчет воды он, ей-богу, преувеличил. В Лейдердорпе еще сухо. Гезов, наверное, больше испугались.

Я посадил Лиса в лодку и велел ему по каналу, что отходит от Рейна, дуть прямо в Зутервуде, поднимать гезов, если еще не знают о бегстве испанцев. А сам решил дойти до Ламмена, проверить, все ли в порядке, и там уже встретить корабли.

На прощание Лис говорит:

— Я, адмирал, знаешь почему сразу не сказал гезам о взрыве? Признаюсь тебе, как на духу. Ведь если б сказал, то папашу бы хватились и поймали: по грудь в воде далеко не уйти. А все-таки родной папаша, какой-никакой, и я за него ошибочно страдал. Теперь сожалею и желаю кровью искупить вину перед государством...

— Ладно, катись, — сказал я и тем оборвал Лисовы признания.

А сам по дамбе, что вдоль Роомбургерского канала, пошел к форту Ламмен. Светало.

Конечно, и в Ламмене пусто. Я посмотрел на Лейден. У самых Коровьих ворот зияет здоровеннейший провал! Наверное, раз в пять шире самих ворот. И никого! Вот уж и вправду все заснули, как говорил Буазо! Знали бы испанцы, что это не пушки палили из города, а рушилась стена, может, они вместо Гааги прямо бы в Лейден завернули!

Не знал я в эту минуту, что половина города и вправду спала, но спала вечным сном. Тисяч восемь умерло с голоду, а другие были так измождены, что и подняться не могли. Ночной грохот еле отзывался в их ослабевших сердцах, они думали, что это гезы идут к ним на помощь с канонадой пушек.

А испанцы, ожесточенные и тоже уставшие, напуганные атаками гезов и голландской воды, уже уходили, и грохот упавшей стены только подстегнул их в спину.

Но этого я не знал. Я возмущался беспечностью осажденных. Я обвинял их в трусости, вспоминал, что не ответили на просьбу Буазо атаковать форт Ламмен с тыла. Но тут нашел на земле убитого голубя. На лапке его осталась нетронутая трубочка. Оказалось, та самая записка адмирала. Она не дошла до лейденцев. И мне стало ясно, кто подстрелил голубя. Кому, кроме лейтенанта Шевалье с его длинноствольной «жанеттой»? Просто для развлечения подстрелил, даже не посмотрел, что за голубь.

Я хорошенько осмотрел Ламмен, а потом взобрался на бастион. И тут хочу снова напомнить то место из хроники, с которого начал:

«Когда 3 октября 1574 года занялся мглистый рассвет, и в Лейдене, и в войсках, шедших на помощь, воцарилось тревожное угрюмое ожидание. Осажденные думали, что испанцы готовы к штурму через рухнувшую ночью стену. Шедшие на помощь были уверены, что испанцы уже взяли город, подтверждением тому в их глазах был ночной грохот и зияющий утром провал в стене. Внезапно увидели, как на бастионе форта Ламмен появился мальчик и, сняв шляпу, стал размахивать ею...»

Ну, стало быть, это был я. Не надо вам объяснять. Добавлю только пару строк из той же книжки:

«В то же время по грудь в воде брел от Ламмена какой-то человек...»

Здесь сразу две ошибки. Во-первых, не человек, а полчеловека, да еще с рыжей головой. Значит, Лис. А во-вторых, не от Ламмена, а к Ламмену. С Лисом приключилось такое. Когда он поворачивал с Рейна в канал, его ударил здоровенный топляк и перевернул. Лис хорошенько выкупался, а потом дамбой поскакал к Зутервуде. Между Ламменом и Зутервуде он разглядел на бастионе меня и недолго думая свернул, потому что все-таки опасался, что гезы поколотят его за папашу. Но те ничего не знали, а Слимброка и след простыл.

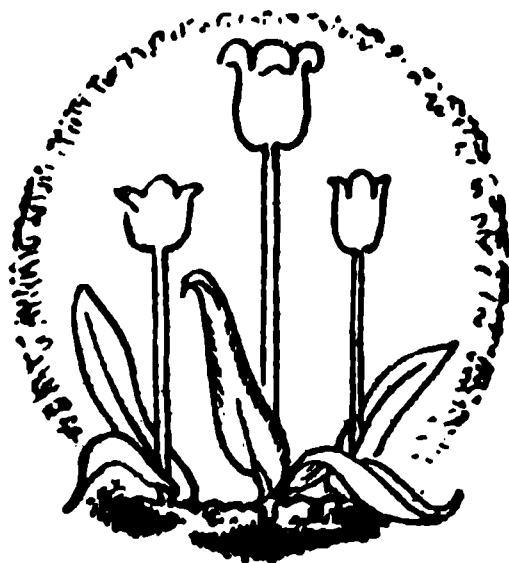
Ну вот и подходит к концу моя история, а ничего другого я рассказывать не собирался. Скажу только, что тем же утром гезы вошли в город через Коровьи ворота. А с ними вместе все мы: Эле, отец, Рыжий Лис да Пьер с нами.

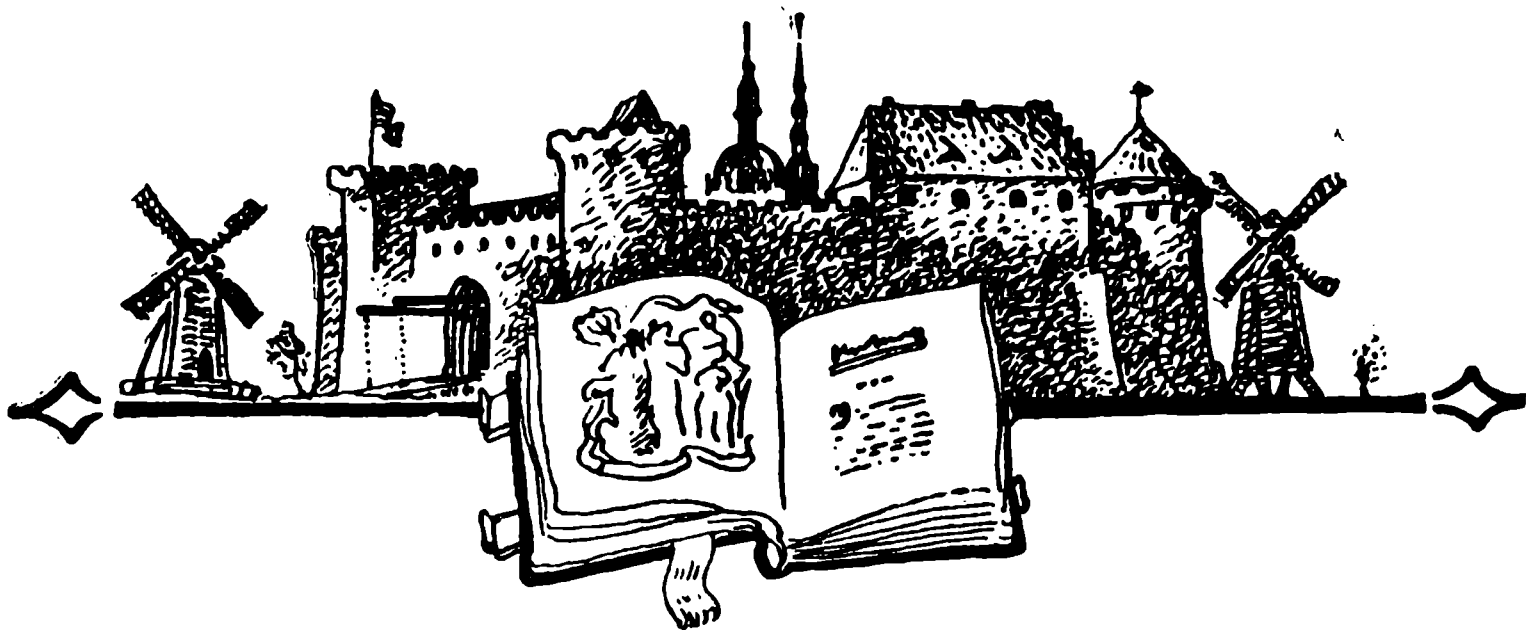
Все, кто еще мог стоять на ногах, вышли встречать. Мы

бросали на берег караван хлеба и селедку. Я сразу побежал к Миخیелькину и нашел его дома. От слабости он даже не смог обрадоваться. Но хорошо хоть, уцелел!

А день-то был какой! Солнце сияло, ветер дул с моря! Это был настоящий день свободы!

И тут я поставлю точку, друзья. Останется только попрощаться. Ну, а для этого я поберег еще пару листков.

ТОТ ТИИНС — ДО СВИДАНИЯ!

Ну что же, прощаться — не здороваться, расставание — не встреча. Кому надоело читать, тот рад, кому понравилось, тот погрустит немного. А я так скажу: вроде привык разговаривать с вами, поэтому нелегко отложить перо.

Но прежде чем уж совсем распрощаться, скажу вам, как стали мы жить-поживать после победы над испанцами.

Видел я Молчаливого. Он приезжал в Лейден на праздник. Среди шумной толпы ехал спокойный, на меня даже не взглянул, хотя я подобрался к самой лошади. Через несколько лет убийца по имени Жерар выстрелил в него отравленными пулями, Молчаливый упал на руки друзей и на другой день умер.

А убийца признался на допросе, что его подговорили монахи-иезуиты. Один из них был огненно-рыжий. Наверное, Лисов папаша, кто же еще? Опять принялся за старое, а до этого мы о нем ничего не слыхали.

Лис ударился в науку. Как раз по случаю победы в Лейдене решили открыть такое важное заведение — университет. Лис все рядом крутился, дождаться не мог, когда откроют. Мне он хвастался, что по своим знаниям о козявочном мире сразу станет профессором. Только у него не вышло. Его туда не пустили, сказали, что слишком мал. Лис ругался, но, в общем, решил подождать, пока сами пригласят. А пока он целыми днями пропадает за городом, собирает разных жучков, тараканов, рвет цветы и рассовывает в самодельные коробки.

Все мы живем теперь вместе: я, Эле, Лис, Михиелькин, отец и Пьер с нами. Работы на первых порах хватает, народу ведь в городе осталось совсем мало. Бургомистром у нас теперь ван дер Верф. Он оказался храбрым человеком, зря я побоялся в тот раз сказать ему о заговоре. Рассказывали, что в последние дни осады, когда некоторым совсем уж невольно стало и они потребовали сдать город, ван дер Верф вышел на площадь и сказал: «Вот вам моя рука, отрубите, но город не сдам!»

Комендант ван дер Дус не умер. Он выздоровел и написал большую поэму про тяжелые дни осады. Правда, на латинском языке, хотя сам говорил мне, что от латинского несет святым Римом.

В общем, в Лейдене оказалось много храбрых людей, зря я тогда кругом видел измену. Но все-таки, видно, есть и такие, о ком говорилось в письме Молчаливому. Иначе как объяснить, что усиленно распространяют слух, будто городская стена у Коровьих ворот упала сама собой? Правда, под огромной грудой кирпичей не видно следов взрыва, но, помо-ему, догдаться не трудно, что стены просто так не падают. Видно, кому-то из городского магистрата совсем невыгодно вспоминать о взрыве, это дело не стали даже расследовать. Странно, что и ученые-хронисты обходят его молчанием. Упала, мол, стена — и ладно, а почему, не наше дело. Но мы-то с вами знаем, что как, и молчанием нас не обманешь.

Жизнь у нас потихоньку стала налаживаться. Дамбы починили, вода спала, и хоть не время еще забывать про полки короля Филиппа, но поля, луга, мастерские и верфи уже истосковались по рукам крестьян и ремесленников.

Эле, моя сестренка, еще не забыла о своих островах. Когда я буду настоящим моряком, а это я точно решил, мы с Эле наведаемся в ее родные земли, в те места, которые Лис называл Аренландией. Отец говорит, что это край интересный. Мне же хочется посмотреть, как на берегу, где Эле жила, цветут дикие розы.

Михиелькин подумывает стать башмачником, как его отец. Он уже делает кломпы из сосновых чурок, правда, еще грубоватые. Михиелькина мы откормили, он стал таким же толстым, как раньше, а спит еще больше. Даже Пьер не может разбудить его громким лаем.

Наверное, вам интересно узнать про Мудрилу. Но о нем доходят только неясные слухи, один чуднее другого. Не знаю, Мудрила один тут виной или другие его земляки, но все чаще

со смехом говорят о жителях Кампена. Как сделаешь что-то не то, сразу вопрос: «Вы, случайно, не из города Кампена?» Но мне Мудрила всегда нравился, хоть был и чужак.

На могиле Караколя мы посадили красный тюльпан. Сначала один вырос, потом несколько. Теперь вся могила весной в огненных цветах. Смотрю я на них, иногда слезы наворачиваются. Как я любил Караколя! Он ласковый был и добрый, а думал все больше о других. Чем взрослей становлюсь, тем больше понимаю, почему он выбрал такую жизнь, почему не снимал горба. Но объяснить все-таки до конца не могу. Я только помню его слова: «Пусть твое сердце будет горячим, как тюльпан. Адмирал Тюльпанов — это Адмирал Горячих Сердец».

Честное слово, я этого никогда не забуду. Да и вам повторю: пускай ваши сердца горят таким же ясным пламенем, как лепестки красного тюльпана весной!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Гуден даг — здравствуйте!</i>	3
Часть первая К БОЮ, ТЮЛЬПАНЫ!	7
Часть вторая РАЗВИЛКА «КАПКАН»	61
Часть третья ДЫХАНИЕ «ИСПАНСКОЙ НОЧИ»	119
Часть четвертая НА РАССВЕТЕ	181
<i>Тот тиинс — до свидания!</i>	252

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Константин Константинович Сергиенко

КЕЕС АДМИРАЛ ТЮЛЬПАНОВ

ИБ № 4196

Ответственный редактор *С. М. Пономарева*. Художественный редактор *С. И. Нижняя*. Технический редактор *Т. Д. Юрханова*. Корректоры *Ю. В. Дубовицкая* и *Т. Н. Чернова*.

Сдано в набор 11.08.79. Подписано к печати 08.08.80. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 14,75. Тираж 100 000 экз. Заказ № 22. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вы прочитали повесть о славных временах, веселых и опасных приключениях, о дружбе и мужестве. Напишите нам, хорошо ли рассказал обо всем этом Кеес? Кто из героев книги вам понравился? Например, что вы скажете о Рыжем Лисе? Какие черты его характера вам кажутся хорошими, а какие плохими? Какое впечатление произвела на вас судьба Караколя? Могли бы вы дружить с девочкой Эле и нет ли у вас таких знакомых чудаков, как Мудрила? А может быть, вам запомнился кто-то другой, ведь в книге много героев. Удалось ли вам представить жизнь голландцев в те далекие времена, почувствовать их веселый характер, их мужество и трудолюбие? Напишите нам обо всем, мы с нетерпением ждем ваших писем.

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Сергиенко К.

С32 Кеес Адмирал Тюльпанов: Повесть/Рис. Л. Дурасова. — 2-е изд. — М.: Дет. лит., 1980 — 255 с., ил. В пер.: 70 коп.

Повесть об одном из самых драматических эпизодов нидерландской революции, об осаде города Лейдена испанцами в 1574 году.

С 70803—440
М101(03)80 359—80

Р2

ГОЛЛАНДИЯ • 1574

70 коп.

С. СЕРГИЕНКО ✦ КРЕС АДМИРАЛ ТЮЛЬЦАНОВ